

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

1
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences)

5.5.4. International relations (political sciences)

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.2. World history (historical sciences)

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research (historical sciences)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: mixandreev@yandex.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политология:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: mixandreev@yandex.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, PhD (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergejev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D, University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

Andreev M.A., Cand. of Sci (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Методология истории, источники, историография

<i>Елена Б. Беспятова</i> Приглашение к размышлению: документальные свидетельства о социальной политике СССР в послевоенные годы (1947–1953 гг.)	12
<i>Франческо Гуарино</i> Заметки о концепции государства Н.М. Коркунова	24
<i>Максим В. Каиль</i> Три поколения в историографическом осмыслении российского церковно-политического присутствия в Святой Земле, конец XIX–XXI вв.	32
<i>Дмитрий В. Морозов</i> Конструирование образа И.В. Сталина в биографических очерках о В.И. Ленине (1924–1956 гг.)	48
<i>Ольга С. Поршнева, Сергей Л. Разинков</i> Женщины на высших дипломатических должностях в государствах бывшего СССР: опыт создания базы данных	57
<i>Даниил В. Пузанов</i> Казусы формирования экологической истории и экологической антропологии в России: о непохожей судьбе иностранных терминов	76
<i>Евгений В. Пчелов</i> Титульная геральдика Московского царства и западноевропейская геральдическая традиция	85

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Анна В. Бояркина</i> Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (конец 1970-х – 1990-е гг.)	94
---	----

Антон В. Кочнев

К вопросу о роли исламских религиозных деятелей
в контексте Туркестанских походов Российской империи:
на примере переписки Оренбургской пограничной комиссии
с муллой Шагимардановым 108

Сергей Ю. Серёгин

Суданский транзит 2019–2022: от диктатуры аль-Башира
к диктатуре аль-Бурхана? 126

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Данил В. Рыбин

А.Ф. Кони – член Государственного совета
Российской империи (1907–1917 гг.) 139

CONTENTS

Methodology of History, Sources, Historiography

- Elena B. Bespyatova*
An invitation to reflection. Documentary evidence
on the social policy of the USSR in the post-war years (1947–1953) 12
- Francesko Guarino*
Notes on the concept of the state by N.M. Korkunov 24
- Maksim V. Kail*
Three generations in the historiographical understanding
of the Russian church-political presence in the Holy Land,
the end of the 19th – 21st centuries 32
- Dmitrii V. Morozov*
Constructing the image of I.V. Stalin in biographical
essays about V.I. Lenin (1924–1956) 48
- Olga S. Porshneva, Sergei L. Razinkov*
Women in the highest diplomatic service positions in the states
of the former USSR. The experience of creating a database 57
- Daniil V. Puzanov*
Incidents of the formation of environmental history
and ecological anthropology in Russia.
On the dissimilar fate of foreign terms 76
- Evgenii V. Pchelov*
Titular heraldry of the Moscow Tsardom
and the Western European heraldic tradition 85

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

---

- Anna V. Boyarkina*
Deng Xiaoping's foreign policy strategy during the period
of economic reforms and openness (late 1970s – 1990s) 94

Anton V. Kochnev

On the question of the role of Islamic religious figures in the context of the Turkestan campaigns of the Russian Empire. On the example of the correspondence of the Orenburg Border Commission with Mullah Shagimardanov	108
---	-----

Sergei Yu. Seregichev

Sudanese transit 2019–2022. From al-Bashir's dictatorship to al-Burhan's dictatorship?	126
---	-----

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Danil V. Rybin

A.F. Koni – member of the State Council of the Russian Empire (1907–1917)	139
--	-----

Методология истории, источники, историография

УДК 304

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-12-23

Приглашение к размышлению:
документальные свидетельства
о социальной политике СССР в послевоенные годы
(1947–1953 гг.)

Елена Б. Беспятова

*МИРЭА – Российский технологический университет,
Москва, Россия, elena_besp@list.ru*

Аннотация. Целью статьи является критическое рассмотрение некоторых научно-познавательных практик интенсификации исследований позднего сталинизма. Отмечается, что на современном историографическом этапе осмысление феномена сталинизма является частью центральной исследовательской задачи россиеведения, а именно определения степени рациональности и функциональности советской социально-экономической системы. Автор отмечает ряд ключевых факторов, усложняющих исследовательский поиск. Подчеркивая первостепенную значимость репрезентативности источниковой базы, автор останавливается на необходимости введения в научный оборот тех архивных материалов, реконструкция которых (средствами номотетических исследовательских процедур) позволяет выстроить и предложить к рассмотрению действие механизма коммуникации между обществом и властью. В качестве анализируемых материалов автор привлекает вышедший в 2020 г. сборник документов, раскрывающих социальную политику СССР в годы позднего сталинизма. Подчеркивается тот факт, что обширная база находящихся в фондах РГАСПИ не исследованных ранее документов за подписью И.В. Сталина, Л.М. Когановича, А.И. Микояна с реквизитами грифа секретности представляют собой интереснейшие примеры по применению партийно-правительственным руководством страны экономических, административных и социально-психологических методов управления. Обозначена важность авторского аналитического приема презентации социальной политики в качестве индикатора экономической стратегии позднего сталинизма.

Ключевые слова: социальная политика, поздний сталинизм, репрезентативность источниковой базы, общество, власть, политическая элита

© Беспятова Е.Б., 2023

Для цитирования: Беспятова Е.Б. Приглашение к размышлению: документальные свидетельства о социальной политике СССР в послевоенные годы (1947–1953 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-12-23

An invitation to reflection.
Documentary evidence on the social policy of the USSR
in the post-war years (1947–1953)

Elena B. Bespyatova

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia,
elena_besp@list.ru

Abstract. The purpose of the article is a critical review of some scientific and cognitive practices of intensifying research on late Stalinism. It is noted that at the present historiographic stage, understanding the phenomenon of Stalinism is part of the central research task of Russian studies, namely, determining the degree of rationality and functionality of the Soviet socio-economic system. The author notes a number of key factors that complicate the research search. Emphasizing the paramount importance of the representativeness of the source base, the author focuses on the need to introduce into scientific circulation those archival materials, the reconstruction of which (by means of nomothetic research procedures) allows one to build and propose for consideration the mechanism of communication between society and the authorities. As the analyzed materials, the author draws on a collection of documents published in 2020 that reveals the social policy of the USSR in the years of “late Stalinism”. The fact is emphasized that the extensive database of previously unexplored documents in the RGASPI (RSASPH) funds signed by I.V. Stalin, L.M. Koganovich, A.I. Mikoyan which were rated as classified are the most interesting examples of the use of economic, administrative and socio-psychological methods of management by the party and government leadership of the country. The importance of the author’s analytical method of presenting social policy as an indicator for the economic strategy of late Stalinism is indicated.

Keywords: social policy, late Stalinism, representativeness of the source base, society, government, political elite

For citation: Bespyatova, E.B. (2023), “An invitation to reflection. Documentary evidence on the social policy of the USSR in the post-war years (1947–1953)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Political Science. International Relations” Series*, no. 1, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-12-23

Проблема формирования социально-экономической модели позднего сталинизма в довольно представительной историографии послевоенного периода советского государства занимает особое место, продолжая оставаться одновременно объектом наболевших общественных дискуссий, острой проблемой научного дискурса и «белым пятном» в исторической реконструкции советского периода. Вместе с тем вырисовывается уникальная перспектива в дальнейшем развитии отечественного (и зарубежного) россиеведения. Ее проблематика противоречива, а направления диалектичны.

С одной стороны, в современных исследованиях отчетливо просматривается целенаправленный поиск к выявлению и установлению российской надэтнической идентичности [Зарубежное россиеведение 2014, с. 75]. С другой – при осмыслении феномена общественных трансформаций в постсоветский период отечественная гуманитаристика столкнулась с широкой гражданской потребностью в изучении советского образа жизни [Барышева 2015, с. 161–167; Барышева 2011, с. 123–131]. Не случайно значительная часть контента медиапространства, посвященного различным аспектам советского прошлого, обращена к реконструкции именно социальной истории. В таком контексте методологическому подходу к разработке концептуальной базы феномена «сталинской» экономической модели следует быть многомерным и соотносить значение модернизации не только с масштабом репрессий, но и с комплексом прагматических и ценностных ориентиров. При этом особую значимость должны приобрести и уже приобретают исследования социальной сферы экономики, позволяющей раскрывать социальную деятельность советского государства. В этом смысле драматичный послевоенный период предоставляет исключительный материал для анализа идеологии и практики социальной реальности советского времени.

В рамках предлагаемой статьи попытаемся критически рассмотреть некоторые вопросы научно-познавательных предпосылок для проведения фундаментальных социально-экономических исследований позднего сталинизма.

Объединяющим фактором в атмосфере чрезвычайной поляризации взглядов и крайней политизированности данной проблематики явилось общее для исследователей стремление преодолеть стереотипы в оценке политической экономии социализма и потенциала практической экономики советского государства. Однако следует признать, что доминантное направление на преодоление стереотипов советского политического и идеологического наследия в постсоветской историографии создало новый стереотип, конструирующий советскую реальность как антигуманную обще-

ственную систему, призванную манипулировать человеческими ресурсами в интересах деспотической власти.

Очевидно, что научно-экспертному сообществу не только не удалось достигнуть историографического консенсуса, но и сама возможность конструктивного анализа проблем сталинизма вновь оказалась под влиянием когнитивных практик, с одной стороны, и медийного исторического знания – с другой [Логунов 2017, с. 74–86; Фокин 2016, с. 64–73]. Из этого можно заключить о пролонгации гипотетического статуса проблем позднего сталинизма и преждевременности подведения итогов так называемой архивной революции 1990-х гг. с последующим переходом к серьезным теоретическим обобщениям [Медушевский 2010, с. 3].

Новейшая научная реальность в изучении «советского проекта» характеризуется рядом факторов, генерирующих стратегию научного поиска:

Во-первых, это отсутствие прочного методологического фундамента исторического познания.

Во-вторых, это применение разнообразных познавательных принципов, исключая, по сути, основополагающий постулат.

В-третьих (что очень важно), это понимание генеральной исследовательской задачи, а именно определение эффективности или неэффективности советской социально-экономической модели. Такая задача направлена прежде всего на выявление причин краха Советского Союза.

И наконец, исторический анализ осуществляется сразу в нескольких предметных полях политической, экономической, интеллектуальной и повседневной истории.

Хоть и в дискуссионном ключе, но в отечественной науке все чаще рассматриваются перспективы применения стратегии методологического синтеза [Методологический синтез 2005; Усков 2021; Репина 1999, с. 7–38; Репина 2008, с. 29; Марцева 2019, с. 338]. На наш взгляд, подобная методологическая парадигма является актуальным и многообещающим направлением исторического познания, отвечающим условиям и запросам современных исторических изысканий.

Итак, в сложившихся обстоятельствах методологического плюрализма запрос к научной общественности на «бесклассовость» и объективность гуманитарного знания предопределил синтез структурного и социокультурного подходов и «по умолчанию» – расширение объема целевых изысканий, интенсифицирующих в первую очередь репрезентативность источниковой базы. В таком поисковом диапазоне фактическая составляющая, наполненная введенными в научный оборот широкими архивными материалами

и усиленная номотетическими аналитическими процедурами (такими, как компаративистика, герменевтический анализ текстов и контент-анализ), предоставит необходимый материал для установления эмпирических закономерностей, отражающих многообразие советской реальности. В свою очередь, феноменологический метод исторического исследования предоставит возможность понять человека прошлого, его систему ценностно-значимых представлений и поведение в рамках существующих причинно-следственных связей.

Думается, что взаимодействие этих методологических приемов исторического познания и исследовательских процедур позволит отойти от фрагментарных реконструкций, обеспечит высокий уровень исторического моделирования интересующей нас эпохи позднего сталинизма. На смену «бессмысленному коллекционированию» [Каравашкин, Юрганов 2003, с. 9] должно прийти осознанное и целостное восприятие коренных сдвигов в советском социалистическом прошлом.

По мнению ученых, специализирующихся в области социальной истории СССР/России второй половины XX в. (прежде всего профессора Е.Ю. Зубковой), интенсификация историографической базы послевоенного периода, связанная с введением в научный оборот новых документальных материалов и освоением пространства социальных практик советского образа жизни, по-прежнему страдает избирательным и эмпиричным характером. Это касается хронологических периодов, персонализации и предметных полей [Зубкова 2019, с. 12].

Сравнительно недавно внимание исследователей переключилось с 1920–1930-х гг. на послевоенный период, с жизнеописания лидеров из «высших политических сфер» на послевоенную повседневность различных социальных групп. Анализ государственных мероприятий и стратегий выживания в области социальной политики проводится в кандидатских и докторских диссертациях, научных статьях и монографических исследованиях [Авдонин 2021; Молдчик 2004; Зезина 2019; Колесник 2019; Мазур, Горбачев 2022].

Доступность исторического материала обеспечили и современные возможности документирования истории с помощью цифровых технологий. Однако разнообразие форм использования цифровых форматов, по мнению профессиональных историков, играет скорее отрицательную, чем положительную роль. Избыточный и противоречивый контент информации озадачивает неискушенного пользователя, склоняя его к примитивной интерпретации многофакторного и многомерного советского прошлого. Очевидно, что «цифровая история» генерирует особую значимость введения

в научный оборот широкого круга репрезентативных исторических источников и, в первую очередь, архивных материалов. Вот почему исключительной важности явлением стала публикация материалов в серии «Документы советской истории»¹.

Однако для противодействия искажению и упрощению истории советского периода, для предупреждения превращения ее в средство политического манипулирования и пропаганды экстенсификация новых документальных комплексов явно недостаточна.

Системный и целостный подход к изучению явлений и процессов советского периода в целом, и конкретно периода позднего сталинизма диктует, параллельно с пространственной реконструкцией его отдельных сторон, выполнение углубленного анализа механизмов коммуникации общества и власти.

При подобных обстоятельствах «прорывным» событием в исторической науке можно считать документально-издательский проект Российского архива социально-политической истории, воспроизводящий и интерпретирующий экономическую, социальную и культурную реальность послевоенного периода. Авторским коллективом в составе доктора исторических наук, лауреата Государственной премии РФ В.В. Журавлева и кандидата исторических наук Л.Н. Лазаревой была поставлена задача: на базе ранее неизвестных архивных источников осветить теоретические и практические аспекты формирования и корреляции экономической модели позднего сталинизма с социальной и культурной политикой.

Краеугольным камнем исследования стал вышедший в 2017 г. сборник «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии»², посвященный теоретическим основам выработки экономической модели. Логическим продолжением исходной документальной публикации является вышедший в 2020 г. сборник материалов и документов «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы»³ и подготовленная к изда-

---

¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2002. 654 с.; Последние письма Сталину, 1952–1953: [реконструкция документального комплекса] / Сост. Г.В. Горская и др. М., 2015. 541 с.; Советская жизнь, 1945–1953 / Сост. Ю. Зубкова и др. М., 2003. 719 с.

² Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии: 1947–1953 гг.: Документы и материалы / Сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2017. 647 с.

³ Социальная политика СССР в послевоенные годы, 1947–1953 гг.: документы и материалы / Сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2020. 716 с.

нию книга, объектом исследования которой определена культурная политика позднего сталинизма.

Сразу после выхода второго сборника, посвященного социальной политике позднего сталинизма, стал очевиден системно-исторический подход исследовательского проекта. Анализ и осмысление достижений и провалов «сталинской модели» дополнился развернутым форматом социальной проблематики. Обширная база ранее не подвергавшихся изучению документов фондов ЦК ВКП(б)–КПСС И.В. Сталина, Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, В.М. Молотова и А.А. Жданова Российского государственного архива социально-политической истории открыла исследователям объемную картину: трудностей и проблем послевоенной повседневности; механизма принятия политических решений и реализации социальной политики; отношения партийно-правительственного руководства страны к экономическим, административным и социально-психологическим методам управления; драматичного состояния аграрного сектора. Феноменологическая парадигма «понять человека прошлого и через него окружающий его мир» [Медушевская, Румянцева 1997, с. 20], т. е. мысленно погрузиться в послевоенную реальность, реализуется при знакомстве с документами, воссоздающими настроения в обществе.

Выдвигаемая для осмысления различных аспектов формирования и корреляции экономической модели позднего сталинизма авторская гипотеза о том, что начавшаяся холодная война и отступничество союзников по антигитлеровской коалиции (обещанный в 1945 г. кредит в 5–6 млрд долларов, к 1946 г. сократился до 1 млрд долларов, а к 1947 г. вовсе растворился [История России 2018, с. 410]) не позволили в полной мере реализовать запланированные мероприятия в области социальной политики⁴, исследуется и подтверждается посредством теоретических дискурсов «описание-объяснение» [Савельева, Полетаев 2008, с. 232–239].

Дискурс «описание» осуществляется в пяти разделах сборника документов о социальной политике позднего сталинизма (Раздел 1. «Прокрустово ложе» послевоенной социальной политики. Февраль 1946 – май 1952 г.; Раздел 2. Финансовые механизмы социальной политики. Август 1944 – апрель 1953 г.; Раздел 3. Рабочие и горожане. Ноябрь 1945 – октябрь 1948 г.; Раздел 4. Социальная политика в аграрном секторе. Февраль 1945 – апрель 1950 г.; Раздел 5. Некоторые итоги. Декабрь 1953 – февраль 1962 г.).

Целью обширной документальной публикации новых ранее неизвестных или малоизвестных источников является раскрытие

---

⁴ Там же. С. 9–10.

и содержательное наполнение этапов и направлений социальной политики позднего сталинизма в ситуации набравшей обороты холодной войны, «выдавливающей ресурсы из гражданских отраслей народного хозяйства»⁵.

В связи с этим отдельно остановимся на проблеме репрезентативности документальной выборки, осуществляемой на базе архивных материалов.

Для исследователя, преследующего цель всесторонней реконструкции эпохи позднего сталинизма и наиболее полного понимания потенциала хозяйственного механизма «сталинской экономической модели», важной задачей является раскрытие законотворческого процесса. В отношении вышеупомянутого сборника репрезентативность информации о содержании процесса принятия решений достигается благодаря подборке документальных источников государственного администрирования, отличающихся ограниченным доступом и содержащих информацию «ограниченного распространения». При этом для исследователя ценность документа с реквизитами грифа секретности и «для служебного пользования» заключается не столько в наличии военной или государственной тайны, сколько в его использовании узким кругом доверенных лиц, что сводит к минимуму вероятность манипуляции фактами конфиденциантами при обсуждении социально-политического курса. Знакомство с документальными свидетельствами, содержащими неприукрашенные оценки текущей реальности, открывает перспективу получить более полное представление о взглядах советского истеблишмента, почувствовать драматургию откровенных обсуждений и разобраться в механизме принятия решений. В некоторых случаях материалы с грифом секретности можно отнести к типу эго-источников. Такие документы, написанные от первого лица и исходящие от конкретных представителей кластера высшего государственного руководства, отражая аутентичные взгляды и поведенческие практики руководителей государства, способствуют объемному восприятию феномена эпохи позднего сталинизма.

В качестве примера можно привести имеющую гриф «секретно» «Докладную записку Л.З. Мехлиса И.В. Сталину о крупных извращениях в отношении частного, допущенных Министерством финансов СССР» (документ 112)⁶. Этот обстоятельный документ, насыщенный большим количеством «перекрестных ссылок», позволяет сделать, как минимум, два заключения. Во-первых, заочная дискуссия министра государственного контроля СССР Л.З. Мех-

---

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 577–588.

лиса и начальника Управления по налогам и сборам в системе Наркомата (министерства) финансов Г.Л. Марьяхина о легализации частного в целях «стимулирования производства предметов широкого потребления в послевоенное время»⁷, по сути, сводилась к возможному возрождению нэпа. Во-вторых, доводы и рекомендации обоих государственных деятелей выразительно иллюстрируют прежде всего сохранившийся политэкономический плюрализм и прагматизм при разработке мероприятий социальной политики. А уж потом догматичное следование идеологическим установкам.

Дискурс «объяснение», представляющий собой успешную попытку выявления на эмпирическом материале взаимодействия и взаимообусловленности механизмов формирования социальной политики, авторы расположили во вводной статье. Подобная смысловая нагрузка этой части публикации оказала влияние на содержательную сторону архитектоники введения. Перед читателем в привычном для историко-документальных изданий археографическом предисловии (информация о подборе документов, принципах их комплектования и комментарии к документам) на документальной основе раскрываются обстоятельства, генерирующие социальную политику советского государства в условиях: а) мобилизационной экономической стратегии и «рыночного» маневра государства; б) жизненно необходимой безотлагательности восстановления экономики; в) развертывающейся холодной войны; г) идеологического стереотипа о преимуществах социалистической экономики.

Представляется, что авторскую презентацию социальной политики в качестве индикатора экономической стратегии позднего сталинизма можно считать успешным аналитическим приемом, который отвечает поставленной во введении задаче. Последняя предполагает «выявление объективных и субъективных факторов, действовавших в сложном взаимодействии, задававших вектор развития социальной политики, способствовавших ее успехам и провалам»⁸.

Таким образом, квалифицированная документальная публикация, соответствующая концепции «описание-объяснение», обеспечивает исследователей объемным, репрезентативным материалом, который интенсифицирован содержательно-теоретическим компонентом. Подобный системный подход, несомненно, способствует целостному восприятию сложнейшего исторического периода и приглашает нас к непредвзятому анализу перипетий «советского проекта».

---

⁷ Там же. С. 583.

⁸ Там же. С. 5.

Литература

- Авдонин 2021 – *Авдонин В.С.* «Проектирование» советского политического прошлого во властном дискурсе РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 98–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-98-110.
- Барышева 2015 – *Барышева Е.В.* Символы и ритуалы социалистического города // Проблемы российской истории. Вып. 13: Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 2015. С. 161–167.
- Барышева 2011 – *Барышева Е.В.* Репрезентация власти как форма политического конструирования социальной среды // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2011. № 1 (62). С. 123–131.
- Зарубежное регионоведение 2014 – Зарубежное регионоведение: Учеб. пособие / Под ред. А.Б. Безбородова. М.: Проспект, 2014. 574 с.
- Зезина 2019 – *Зезина М.Р.* Некоторые вопросы исторической реконструкции советской жизни // Российская история. 2019. № 5. С. 19–24.
- Зубкова 2019 – *Зубкова Е.Ю.* Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. № 5. С. 3–14.
- История России 2018 – История России: В 4 т. / Под ред. Н.А. Омельченко. Т. 4. М.: ИНФРА-М, 2018. 618 с.
- Каравашкин, Юрганов 2003 – *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003. 381 с.
- Колесник 2019 – *Колесник В.И.* Георгий Маленков: «Низверженный преемник Сталина». М., 2019. 191 с.
- Логунов 2017 – *Логунов А.П.* Политическое измерение исторического // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 3. С. 74–86.
- Мазур, Горбачев 2022 – *Мазур Л.Н., Горбачев О.В.* Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М., 2022. 350 с.
- Марцева 2019 – *Марцева Л.М.* Методологический синтез в познании России. Омск, 2019. 338 с.
- Медушевская, Румянцева 1997 – *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М., 1997. 71 с.
- Медушевский 2010 – *Медушевский А.Н.* Сталинизм как модель социального конструирования: к завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.
- Методологический синтез 2005 – Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2005. 186 с.
- Молодчик 2004 – *Молодчик А.В.* Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 322 с.

- Репина 2008 – *Репина Л.П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. 29 с. (Серия WP6. Гуманитарные исследования)
- Репина 1999 – *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Ч. 2 // Социальная история: Ежегодник: 1998–1999. М., 1999. С. 7–38.
- Савельева, Полетаев 2008 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Алетей; М.: ГУ ВШЭ, 2008. 522 с.
- Усков 2021 – *Усков Г.С.* Проблема методологического синтеза в контексте историографического исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metodologicheskogo-sinteza-v-kontekste-istoriograficheskogo-issledovaniya> (дата обращения 22 марта 2021).
- Фокин 2016 – *Фокин А.А.* Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 64–73.

References

- Avdonin, V.S. (2021), “ ‘Designing’ the Soviet political past in the power discourse of the Russian Federation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 3, pp. 98–110, DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-98-110>
- Barysheva, E.V. (2015), “Symbols and rituals of a socialist city”, in *Problemy rossiyskoi istorii. Vypusk 13: Sotsialisticheskii gorod i sotsiokul’turnye aspekty urbanizatsii* [Issues of Russian history. Issue. 13. Socialist city and socio-cultural aspects of urbanization], Magnitogorsk, Russia, pp. 161–167.
- Barysheva, E.V. (2011), “Power representation as a form of political construction of the social environment”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, vol. 62, no. 1, pp. 123–131.
- Bezborodov, A.B. (ed.) (2014), *Zarubezhnoye rossiyevedeniye: Ucheb. posobie* [Foreign Russian studies. Textbook], Prospekt, Moscow, Russia.
- Zezina, M.R. (2019), “Some questions of the historical reconstruction of Soviet life”, *Rossiyskaya istoriya*, no. 5, pp. 19–24.
- Zubkova, E.Yu. (2019), “Soviet life as a subject of historical reconstruction”, *Rossiyskaya istoriya*, no. 5, pp. 3–14.
- Omelchenko, N.A. (ed.) (2018), *Istoriya Rossii: V 4 t.* [History of Russia. In 4 vol.], vol. 4, INFRA-M, Moscow, Russia.
- Karavashkin, A.V. and Iurganov, A.L. (2003), *Opyt primeneniya fenomenologii: Trudnyi put’ k ochevidnosti* [Experience of historical phenomenology. The hard way to the obvious], RGGU, Moscow, Russia.
- Kolesnik, V.I. (2019), *Georgii Malenkov: “Nizverzhennyi preyemnik Stalina”* [Georgy Malenkov: “The overthrown successor of Stalin”], Moscow, Russia.
- Logunov, A.P. (2017), “The political dimension of the historic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Political Science. International Relations” Series*, no. 3, pp. 74–86.

- Mazur, L.N. and Gorbachev, O.V. (2022), *Sovetskiye fil'my o derevne: opyt sochetaniya khudozhestvennogo obraza* [Soviet films about the village. The experience of the historical interpretation of the artistic image], Moscow, Russia.
- Martseva, L.M. (2019), *Metodologicheskii sintez v poznanii Rossii* [Methodological synthesis in the knowledge of Russia], Omsk, Russia.
- Medushevskaya, O.M. and Rumyantseva, M.F. (1997), *Metodologiya istorii* [History methodology], Moscow, Russia.
- Medushevskii, A.N. (2010), "Stalinism as a model of social construction. On the completion of a research and publishing project", *Rossiyskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–29.
- Mogilnitskii, B.G. and Nikolayeva, I.Yu. (eds.) (2005), *Metodologicheskii sintez: proshloye, nastoyashcheye, perspektivy* [Methodological synthesis. Past, present, possible prospects], Tomsk, Russia.
- Molodchik, A.V. (2004), *Gosudarstvennaya sotsialnaya politika SSSR I uroven' zhizni sovetskogo naseleniya v 1929–1953 gg.* [State social policy of the USSR and the standard of living of the Soviet population in 1929–1953], D. Sc. Thesis (History), MPGU, Moscow, Russia.
- Repina, L.P. (2008), *Novye issledovatel'skiye strategii v rossiyskoi i mirovoi istoriografii* [New research strategies in Russian and world historiography], Moscow, Russia. (*Seriya WP6. Gumanitarnye issledovaniya*)
- Repina, L.P. (1999), "Change of cognitive orientations and metamorphosis of social history, part 2", *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik: 1998–1999* [Social History: Yearbook. 1998–1999], Moscow, Russia, pp. 7–38.
- Savelyeva, I.M. and Poletayev, A.V. (2008), *Teoriya istoricheskikh znaniy: uchebnoe posobie* [Theory of historical knowledge. Textbook], Aleteyia, Moscow, Russia.
- Uskov, G.S. (2021), *Problema metodologicheskogo sinteza v kontekste istoriograficheskogo issledovaniya* [The issue of methodological synthesis in the context of historiographic research], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metodologicheskogo-sinteza-v-kontekste-istoriograficheskogo-issledovaniya> (Accessed 22 March 2021).
- Fokin, A.A. (2016), "Relics and simulacra of the Soviet in modern Russian media space", *Labirint: Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*, vol. 1/2, pp. 64–73.

Информация об авторе

Елена Б. Беснятова, кандидат исторических наук, доцент, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 78; elena_besp@list.ru

Information about the author

Elena B. Bespyatova, Cand. of Sci. (History), associate professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia; bld. 78, Vernadsky Av., Moscow, 119454, Russia; elena_besp@list.ru

Заметки о концепции государства
Н.М. Коркунова

Франческо Гуарино

*Римский университет «Тор Вергата», Рим, Италия,
gm.francesco@gmail.com*

Аннотация. Цель данной работы заключается в исследовании концепции государства, которая появляется в трудах конца XIX в. Н.М. Коркунова. После краткого биографического введения, где описываются жизнь и труды правоведа, кратко излагаются его воззрения о государстве в контексте с современной ему немецкой юриспруденцией.

Коркунов исключил как существование правосубъектности государства, так и существование единой государственной воли, рассматривая их скорее как простые юридические фикции, поскольку они не были явлениями, присущими общественной жизни. Исходя из реалистического подхода, единственным явлением реальности, которое никоим образом не могло бы представлять собой фикцию или средство правовой природы, было бы, во всяком случае, государственное господство как единственный элемент государства, воспринимаемое конкретным человеком.

Представленные выводы подтверждают оригинальность мышления Н.М. Коркунова с методологической точки зрения. Его подход позволяет ему считаться одним из отцов социологии права.

Ключевые слова: Н.М. Коркунов, право, государство, социология, юридическая наука, история политических и правовых учений

Для цитирования: Гуарино Ф. Заметки о концепции государства Н.М. Коркунова // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 24–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-24-31

Notes on the concept of the state
by N.M. Korkunov

Francesco Guarino
University of Rome Tor Vergata, Rome, Italy,
grn.francesco@gmail.com

Abstract. The essay is focused on studying the concept of the State that emerges in the late nineteenth century in the writings by N.M. Korkunov. After a brief biographical introduction, where the life and works of the jurist are recalled, his thought on the State is shortly explained in the context with that of the contemporary German jurisprudence.

N.M. Korkunov excluded both the existence of a legal personality of the State and that of a single State will, considering them rather as mere legal fictions, since they were not phenomena proper to social life. Realist approach brought him to the understanding that the only phenomenon of reality that could not in any way constitute a fiction or an expedient of a legal nature would have been, if anything, the state domination, as the only element of the state concretely perceivable by man.

The provided conclusions confirm the originality of his thinking from a methodological point of view. His methodological approach could perhaps allow him to be considered one of the fathers of the Sociology of Law.

Keywords: N.M. Korkunov, law, state, sociology, legal science, history of political and legal doctrines

For citation: Guarino, F. (2023), "Notes on the concept of the state by N.M. Korkunov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 24–31, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-24-31

Введение

В конце XIX и начале XX в. наука о публичном праве вызвала все более широкий интерес среди российских юристов. К наиболее ярким представителям данной тенденции следует отнести Николая Михайловича Коркунова, который получил известность на родине благодаря оригинальности и сложности его работ, однако он недостаточно известен в Италии и в целом в Европе. Н.М. Коркунов родился в 1853 г. в Санкт-Петербурге, в семье выдающегося русского академика и историка. В 1874 г. Николай Михайлович окончил юридический факультет Санкт-

Петербургского университета, в котором он с 1878 по 1897 г. преподавал. После смерти своего учителя Александра Градовского (1841–1889) он стал заведующим кафедрой государственного права. В 1893 г. Н.М. Коркунов был назначен членом комиссии по кодификации основных законов Финляндии, а в 1895 г. присоединился к Государственному Совету. Однако спустя два года из-за тяжелой болезни он был вынужден покинуть свои академические и административные должности. Выдающийся юрист не дожидаясь первой русской революции 1905 г. и создания Государственной думы в России: он умер в 1904 г. и был похоронен на Смоленском православном кладбище.

Среди его основных работ необходимо упомянуть следующие работы: «Лекции по общей теории права»¹, опубликованную впервые в 1886 г. и переведенную на французский и английский языки, «Международное право»², «Сравнительный очерк государственного права иностранных держав»³, «Русское государственное право»⁴, «Указ и закон»⁵, «История философии права»⁶.

Правовед посвятил себя изучению различных отраслей права, однако всецело не разделял позиций доминирующих канонов, которые в то время базировались главным образом на немецкой юриспруденции и идеологии. Хотя особое влияние на Н.М. Коркунова оказали воззрения Р. фон Иеринга (1818–1892), тем не менее работы российского юриста отличаются своим новаторским и оригинальным методом. Его подход к познанию и изучению права был назван социологическим, что для того времени считалось похвальным, в силу того что он придавал центральное значение социальным, даже и психологическим аспектам правовых отношений [Polyakov 2019, p. 68], что противоречило доминирующим позитивистским доктринам его современников.

---

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 1-е изд. СПб., 1886.

² Коркунов Н.М. Международное право: Лекции, читанные в Военно-юридической академии. СПб., 1886.

³ Коркунов Н.М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Ч. 1: Государство и его элементы. СПб., 1890.

⁴ Коркунов Н.М. Русское государственное право: Пособие к лекциям. Т. 1–2. СПб., 1892–1893.

⁵ Коркунов Н.М. Указ и закон: Исследование. СПб., 1894.

⁶ Коркунов Н.М. История философии права: Пособие к лекциям. СПб., 1896.

Концепция правового государства в Германии и России XIX в.

Как известно, в XIX в. государство в западной интеллектуальной мысли было основным объектом изучения, особенно в Германии [Mannori and Sordi 2001; Fioravanti 2002; Fioravanti 2014; Caravale 2012]. Влияние немецких мыслителей на российских правоведов и философов отразилось в создании особой концепции российского государства, которая противопоставлялась моделям, базирующимся на традициях и идеалах французских, английской и американской революций. В частности, в воззрениях Г.Ф.В. Гегеля государство занимает центральное место как проявление объективного духа, в котором полностью реализуется и раскрывается свобода, создавая предпосылки и предварительные условия для семьи и гражданского общества⁷. В начале 1830-х гг. юрист Ф.Ю. Шталь (1802–1861), достаточно далекий от либеральных идеалов и стойкий сторонник прусской монархии, предложил концепцию верховенства закона (Rechtsstaat), функцией которого он признавал рациональную организацию общества, которая, в свою очередь, преобладала над функцией защиты основных свобод и прав личности. В таком же духе мыслили роль государства и другие немецкие мыслители, такие как К.Ф. Гербер (1823–1891), П. Лабанд (1838–1918) и Д. Еллинек (1851–1911).

Столь «авторитарная» концепция государства была положительно встречена российскими юристами: зачастую они стремились опереться на работы своих иностранных коллег с целью придания большей легитимности российскому самодержавию. Обращаясь же к понятию государства, Н.М. Коркунов также исходил из предпосылок, заложенных европейской, и прежде всего германской, традицией, но с совершенно иной методологической позицией, основанной на социологической матрице.

Понятие государства по Н.М. Коркунову

Среди произведений Н.М. Коркунова, изучающих проблему государства, особо выделяется учебное пособие «Русское государственное право», опубликованное между 1892 и 1893 гг. и предна-

---

⁷ Hegel G.W.F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse, Heidelberg, 1817; *Idem.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin, 1820.

значавшееся для студентов юридического факультета. Это пособие имело особый успех у читательской аудитории: оно переиздавалось даже после смерти своего автора, вплоть до 1914 г.

Первая глава «Русского государственного права» открывается определяющими проблемами, в частности связанными с государством⁸. Ограничиваясь перечислением общих отличительных характеристик государства, автор пособия считал одной из наиболее важных черт государства его монополию на применение силы.

Как уже отмечалось, в научной литературе периода его современников, особенно в германской, преобладали представления о государственной власти как проявлении свободы абсолютного духа. В этом отношении, демонстрируя глубокое знание истории философии права, Н.М. Коркунов отмечал, что в политическом учении античности, напротив, не существовало данной теории, так как античные мыслители придавали самостоятельное значение и первенство разуму, а не проявлению «высших сил», «воли», «духа». Волевая теория власти сформировалась с появления христианских трудов, в частности в операх Святого Августина и Святого Фомы, и получила дальнейшее развитие в светской литературе, достигнув своего апогея в контрактных теориях.

Кроме того, Н.М. Коркунов отмечал, что в теориях Г.Ф.В. Гегеля и в позициях представителей немецкой исторической школы права не существовало концепции произвольного возникновения государств. Тем не менее даже представители данной школы не отождествляли понятие государственной власти с понятием абсолютного духа, общей воли.

Н.М. Коркунов отмечал, что данная политическая доктрина, доминирующая в современной ему юридической науке, не распространилась на другие отрасли знания. По его мнению, познание права, основанное на социологическом или научном методе, категорически исключает концепции «волевого» характера государственной власти.

К доминирующему воззрению, которое разделяли, например, К. фон Гербер и П. Лабанд, наделявшее государство волей, добавлялось и признание во главе государства юридического лица как представителя публичного права. Н.М. Коркунов, в свою очередь, решительно отрицал как существование юридического лица государства, так и существование единой государственной воли. Он рассматривал их скорее как некие юридические фикции, не являющиеся реальными явлениями и присущими общественной жизни. Изучая данный вопрос, он приходит к выводу, что единственное

---

⁸ Коркунов Н.М. Русское государственное право... Т. 1. С. 1–24.

явление реальности, которое никоим образом не могло представлять собой вымысел или уловку юридического характера, является господство государства, воспринимаемого каждым человеком непосредственно. Таким образом, только отталкиваясь от данного факта, можно было дать научное объяснение государственной власти. Он утверждал, что единая воля должна, соответственно, выражаться во всех сферах государственного управления единообразно. Однако любой знакомый с реальной работой политических институтов мог с легкостью заметить, что в реальности дела обстояли совершенно иначе.

Разделение властей, принятое в других конституционных государствах, показывало невозможность установления единой государственной воли. Даже внутри одной ветви власти, например законодательной, подразумевающей зачастую наличие двух отдельных палат, таких как нижняя и верхняя, логически препятствовало формированию единой воли. Кроме того, в некоторых законодательных постановлениях также участвовали воля монарха и институт королевского санкционирования. Также он указывал и на нормативные акты органов местного самоуправления, наделенные определенной степенью автономии и политической независимости, еще больше противоречащие концепции единой государственной воли.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что таким образом Н.М. Коркунов сместил угол обзора с теоретического уровня на эмпирический, реалистический, исторический и социологический подход, который также характеризует и все его работы.

Заключение

Таким образом, по мнению Н.М. Коркунова, только предварительное решение проблемы методологии, принятой в юридическом исследовании, могло бы позволить правильно понять и определить концепцию государства. Настоящая установка стала лейтмотивом для российского правоведа: данная тема охарактеризовала всю философию Н.М. Коркунова, составляя своеобразный «скелет» всех его исследований. Используя безусловно новаторский для того времени метод, он предложил понимание права, основанное на эмпирическом наблюдении за реальностью [Fasso 2020; Faralli 2022]. Н.М. Коркунов, вероятно, вдохновлялся, как и другие представители гуманитарных наук, великими достижениями науки XIX в. и возникшей на их базе позитивистской философией. Особое внимание, уделяемое Н.М. Коркуновым концепции государства,

представляет собой не столько приверженность современным ему попыткам легитимировать русское самодержавие, сколько попытку сформировать понятие «государство» с иных методологических позиций, что позволяет поместить правоведа в число отцов социологии права.

Литература

- Caravale 2012 – *Caravale M.* Storia del diritto nell'europa Moderna e Contemporanea. Roma; Bari, 2012. 480 p.
- Faralli 2022 – *Faralli C.* Le grandi correnti della filosofia del diritto. Dai Greci ad Hart. Torino, 2022. P. 121–142.
- Fasso 2020 – *Fasso G.* Storia della filosofia del diritto. Ottocento e novecento. Roma; Bari, 2020. 584 p.
- Fioravanti 2002 – *Fioravanti M.* Lo stato moderno in Europa. Istituzioni e diritto. Roma; Bari, 2002. 189 p.
- Fioravanti 2014 – *Fioravanti M.* Appunti di storia delle costituzioni moderne. Le libertà fondamentali. Torino, 2014. 234 p.
- Mannori and Sordi 2001 – *Mannori L., Sordi B.* Storia del diritto amministrativo. Roma; Bari, 2001. 564 p.
- Polyakov 2019 – *Polyakov A.* The theory of state and law by Nikolay Korkunov // Russian Legal Realism. Cham, 2019. P. 67–78.

References

- Caravale, M. (2012.), *Storia del diritto nell'Europa Moderna e Contemporanea*, Roma, Bari, Italy.
- Faralli, C. (2022), *Le grandi correnti della filosofia del diritto. Dai Greci ad Hart*, Torino, Italy, pp. 121–142.
- Fasso, G. (2020), *Storia della filosofia del diritto. Ottocento e Novecento*, Roma; Bari, Italy.
- Fioravanti, M. (2002), *Lo stato moderno in Europa. Istituzioni e diritto*, Roma, Bari, Italy.
- Fioravanti, M. (2014), *Appunti di storia delle costituzioni moderne. Le libertà fondamentali*, Torino, Italy.
- Mannori, L. and Sordi, B. (2001), *Storia del diritto amministrativo*, Roma, Bari, Italy.
- Polyakov, A. (2019), “The theory of state and law by Nikolay Korkunov”, in *Russian Legal Realism*, Cham, Germany, pp. 67–78.

Информация об авторе

Франческо Гуарино, аспирант, Римский университет «Тор Вергата», Рим, Италия; Италия, 00173, Рим, ул. Горацио Раймондо, д. 18; grn.francesco@gmail.com

Information about the author

Francesco Guarino, portgraduate student, University of Rome Tor Vergata, Rome, Italy; bld. 18, via Orazio Raimondo, Rome, 00173, Italy; grn.francesco@gmail.com

Три поколения в историографическом осмыслении российского церковно-политического присутствия в Святой Земле, конец XIX–XXI вв.

Максим В. Каиль

*Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия, mvkail@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется историографическая ситуация в области изучения Святой Земли (Палестины) и российского культурно-религиозного и политического присутствия в регионе. Прослеживается динамика изучения Святой Земли в контексте российской политики в регионе, от опытов самоопределения середины – второй половины XIX в. до современности. Специфика региона связана с насыщенностью его религиозно-ценностных и культурных смыслов. Ни его отдаленность, ни прочие факторы не стали препятствием для осознания и исторического осмысления особого христианского родства российского сознания с локосом Святой Земли. Ее изучение стало одним из значимых направлений отечественной гуманитарной мысли конца XIX – начала XX в. Анализ ключевых работ, сюжетно-тематических линий в историографии позволил выявить три поколения в изучении Святой Земли, связанных с определенными эпохами в истории России и истории международных (церковно-дипломатических) отношений. Имперский период характеризовался мощным популяризаторским вектором, первыми опытами в области христианской археологии региона. Постсоветское возвращение к изучению региона характеризовалось вниманием к изучению структур и институтов российского присутствия в регионе (Русская духовная миссия, Императорское православное палестинское общество). Современное поколение исследователей характеризует интерес к изучению реалий новейшей истории, объективации церковно-дипломатического фактора в международных отношениях послевоенного мира.

Ключевые слова: российско-палестинские связи, историография, церковная дипломатия, Святая Земля, религиозный фактор, историографические поколения

Для цитирования: Каиль М.В. Три поколения в историографическом осмыслении российского присутствия в Святой Земле, конец XIX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 32–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-32-47

Three generations in the historiographical understanding of the Russian church-political presence in the Holy Land, the end of the 19th – 21st centuries

Maksim V. Kail

Smolensk State University, Smolensk, Russia, mvkail@mail.ru

Abstract. The article analyzes the historiographical situation in the field of the study of the Holy Land (Palestine) and the Russian cultural, religious and political presence in the region. It traces the dynamics of the study of the Holy Land in the context of Russian politics in the region is traced, from the experiences of self-determination in the middle – second half of the 19th century to the present. The specificity of the region is associated with the saturation of its religious, value and cultural meanings. Neither its remoteness nor other factors became an obstacle to the realization and historical understanding of the special Christian kinship of the Russian consciousness with the locos of the Holy Land. Its study got to be one of the significant directions of the national humanitarian thought in the late 19th – early 20th centuries. The analysis of the key works, plot and thematic lines in historiography revealed three generations in the study of the Holy Land associated with certain epochs in the history of Russia and the history of international (church-diplomatic) relations. The imperial period was characterized by a powerful popularization vector, the first experiments in the field of Christian archeology of the region. The post-Soviet return to the study of the region was characterized by attention to the study of the structures and institutions of the Russian presence in the region (the Russian Spiritual Mission, the Imperial Orthodox Palestinian Society). The modern generation of researchers is characterized by an interest in studying the realities of modern history, the objectification of the church-diplomatic factor in international relations of the post-war world.

Keywords: Russian-Palestinian relations, historiography, church diplomacy, Holy Land, religious factor, historiographical generations

For citation: Kail, M.V. (2023), “Three generations in the historiographical understanding of the Russian church-political presence in the Holy Land, the end of the 19th – 21st centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 1, pp. 32–47, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-32-47

Введение

Святая Земля в широком смысле и Иерусалим в более узком исторически и культурно связаны с Россией, незримо, посредством ценностной карты православных россиян. Многовековая традиция

пребывания в регионе «русских монастырей», средневековые «хождения» в Святой Город сформировали мощную и живую традицию почитания [История русского православного зарубежья 2016, с. 321–503]. Ценность Святой Земли, христианских святынь, расположенных там, определяла тяготение российских паломников и многовековую мечту о постоянном присутствии России и ее представителей в христианском центре мира. В XIX в. это присутствие было оформлено дипломатически – появилась и стремительно развивалась Русская духовная миссия в Иерусалиме. В последней четверти века ключевым форпостом на Святой Земле становится Императорское православное палестинское общество (ИППО), субсидируемое императорской фамилией и создавшее инфраструктуру как для паломников (подворья и паломнические центры по пути следования в Иерусалим) из портовых центров, так и гуманитарные институты – русские школы в Палестине и Сирии.

Такой интерес к региону, его освоение и осмысление естественным образом получили свое воплощение в историографии. Исторические реалии в России определили дробление эпохи изучения Святой Земли и россиян в ней на три периода, каждому из которых свойственны свои особые сюжетно-тематические, содержательные акценты в описании русской Палестины. Дореволюционная историография представлена многочисленными научно-популяризаторскими работами деятелей ИППО, первыми исследовательскими работами по археологии и истории Палестины. В этот же период появляются первые «самоописания», дневники и мемуары деятелей Русской духовной миссии в Иерусалиме и ИППО (ставшие впоследствии ценным источником по истории российского освоения региона). Так, дневники и сочинения многолетнего начальника РДМ в Иерусалиме и собирателя «русской Палестины» (имея в виду его предприимчивость, исключительную хозяйственную активность, обеспечившую бурный рост российской инфраструктуры в Святой Земле: было куплено и законно оформлено 13 участков площадью свыше 420 тыс. кв. м, стоимостью около миллиона золотых рублей) архимандрита Антонина (Капустина, 1817–1894) стали в постсоветский период отправными для развития палестинской проблематики в современной историографии¹.

---

¹ *Капустин А., архим.* Пять дней на Святой Земле. М.: Индрик, 2007. 256 с. (1-е изд. 1866); *Он же.* Заметки поклонника Святой Горы / Предисл. и коммент. А.А. Турилова. М.: Индрик, 2017. 368 с.

Первое поколение

Столь заметная активизация «русского делания» в Палестине естественно нашла свое отражение и в общественной мысли. Львиную долю аналитических записок составляли сочинения пребывавших в Палестине российских имперских чиновников, деятелей Русской духовной миссии и ИППО. Не ставя задачу подробного обзора всех направлений дореволюционного русского палестиноведения, изучения православного Востока, сосредоточимся на относящейся к тематике настоящего обзора церковно-политической составляющей. В первом поколении исследователей Палестины были, прежде всего, основатели российской церковной инфраструктуры на Святой Земле, прежде всего архимандрит Порфирий (Успенский), инициатор и первый начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, оставивший огромное наследие в области изучения Сирии, Палестины, документального наследия Афона и Синая². Отдельные из них обстоятельны и информативны³. Огромный вклад в познание Святой Земли и популяризацию возможностей паломничества внес один из членов-учредителей, многолетний секретарь ИППО и многоопытный паломник В.Н. Хитрово (1834–1903). По его работам тысячи православных паломников узнавали о святынях Святой Земли, получали навигацию в пути⁴. Сделавшиеся доступными издания Общества попадали к широкому кругу потенциальных паломников. Вместе с тем Хитрово и его поколение активных членов ИППО внесли и значимый вклад в изучение Палестины⁵. Одной из сквозных линий осмысления связей России и Палестины той поры была мысль о единстве исторического пути, наследовании Россией ценностей Палестины, религиозное освоение и несение попечения о них.

---

² *Порфирий (Успенский), епископ*. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского / Под ред. П.А. Сырку. Т. 1–8. СПб., 1901.

³ *Титов Ф., священник*. Очерк из истории сношений России с православным Востоком. Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1902. 440 с.; *Капустин А., архимандрит*. Пять дней на Святой Земле...

⁴ *Хитрово В.Н.* К животворящему Гробу Господню: Рассказ старого паломника. СПб., 1881; *Он же*. Письма о Святой Земле. СПб., 1898.

⁵ *Хитрово В.Н.* Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Вып. 1. Т. 1. СПб., 1881. 132 с.; *Он же*. Научное значение раскопок, произведенных Православным Палестинским Обществом на русском месте близ Храма Гроба Господня в Иерусалиме. СПб., 1885.

Российскому присутствию на Святой Земле уже на рубеже веков уделяли внимание в научных сообществах и политической элите стран, имеющих свои интересы в регионе, прежде всего Великобритании и Франции. Так, в 1901 г. в Париже вышло обстоятельное эссе, вышедшее из-под пера атташе консульства Франции в Иерусалиме Альфонса д'Алонзо под названием «Россия в Палестине»⁶. Нужно отметить, что зарубежные дипломаты с большим вниманием наблюдали расширение российского присутствия в Палестине, анализировали взаимоотношения России с Иерусалимским патриархатом, греческим клиром. Французский автор делает экскурс в историю связи России и Святой Земли, рассматривает отношения русской церкви с греческим монашеством, в деталях реконструирует приход в Палестину Императорского Православного палестинского общества, процесс формирования земельной собственности и инфраструктуры России в Иерусалиме во второй половине XIX в. Рассматривались и сами религиозные практики: участие в совершении богослужений в святых местах Палестины. Пожалуй, это сочинение – первый обстоятельный зарубежный труд, описавший «Русскую Палестину» к началу XX в.

К 1917 г. Россия стала одним из влиятельных участников международного взаимодействия в Палестине, потеснив незыблемые прежде возможности Британской империи. Лишь революционные события в России и последовавший период раннесоветского отрицания, когда из-за отсутствия правопреемства в дипломатии и отказа советского правительства признавать влияние конфессиональных институтов в международной политике произошел фактически уход из региона, разрыв коммуникаций, изменили данное положение вещей. Этот процесс разрыва связей фрагментарно освещен в историографии и опубликованных источниках⁷. Во многом церковно-дипломатическая коммуникация с Иерусалимским патриархатом строилась на основе «кормлений» последнего в Москве. Известно, что до революции Иерусалимский патриархат имел довольно обширное представительство в Москве. В составе имущества был дом по Пречистенскому бульвару, 29, Филипповскому переулку, дома 18 и 13, а также угловой дом на Арбате и Арбатской площади⁸. При этом вопрос владения был урегулирован

---

⁶ *D'Alonzo A. Russie en Palestine. Paris: L. Boyer, 1901. 141 p.*

⁷ *Россия в Святой земле: Документы и материалы: В 3 т. / Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова, И.Ю. Смирнова. М., 2015, 2017.*

⁸ Обращение представителя Иерусалимского патриархата архимандрита Афанасия в Наркомюст по вопросу муниципализации имущества // ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 697. Л. 75.

необычным образом – все дома находились в личном владении патриарха. Позднее, в борьбе с советской экспроприацией, представитель патриарха писал: «Иерусалимскому Патриарху издавна принадлежит в Москве на правах полной собственности так называемое Иерусалимское Патриаршее в Москве Подворье, служащее центром Иерусалимской духовно-дипломатической миссии в России, находящееся на Пречистенском бульваре и в Филипповском переулке и заключающееся в домах, выстроенных Патриархом на собственные средства...»⁹. Но в 1919 г. никакие ходатайства и ведомственная переписка не помогли – владения были муниципализированы, доходные дома подворья переданы в жилищный фонд.

Вопросы церковной собственности нашли фрагментарное освещение в современной историографии: ключевыми среди рассматриваемых являются вопрос закрепления/утраты прав на объекты православной инфраструктуры [Головкин 2020, с. 202–218], а также положения российских монашествующих, оставшихся на Святой Земле в постреволюционный период [Паламаренко 2019; Белякова 2021, с. 190–200].

Деятельность российских «представительств» в Святой Земле сворачивается с началом Первой мировой войны – пресекается поток паломников, многие вынужденно остаются в Палестине, не имея возможности в новых обстоятельствах вернуться на родину.

Научное познание Святой Земли теплилось и в раннесоветской России. Формально ИППО действовало в составе Государственной академии материальной культуры (ГАИМК). В первое постреволюционное время продолжали научную деятельность ученые старшего поколения, ранее принимавшие деятельное участие в работе ИППО. Хотя исследовательская практика сошла на нет, направления поддерживали знаковые фигуры, такие как Н.Я. Марр.

Символическую память о «русской Палестине» хранили и российские эмигранты, сформировавшие историографическую ветвь в изучении региона и русской культурной традиции, с ним связанной. Эмигрантскую структуру ИППО возглавлял князь А.А. Ширинский-Шихматов, но научное наследие этого направления невелико [Занемонец 2019].

В Палестине вплоть до окончания Второй мировой войны действовал Британский мандат, оставлявший очень узкие возможности для деятельности российских православных обществ, находящихся на Святой Земле [Sherman 2001]. Особенно сложным было положение послушниц и монашествующих русских монастырей,

---

⁹ Обращение представителя Иерусалимского патриарха архимандрита Афанасия в Наркомюст // ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 697. Л. 89.

находившихся вне гражданства и подданства, без внятных источников существования в условиях юрисдикционного выбора – русские обители и храмы переходили в управление Русской православной церкви за рубежом либо под омофор Константинопольского или Иерусалимского патриархов [Каиль, 2021].

Второе поколение

Новый этап в коммуникации Русской православной церкви Московского Патриархата (РПЦ МП) с православным Востоком открылся под влиянием «нового курса» в советской вероисповедной политике 1943–1946 гг. Он представляет особый интерес в силу относительно слабой изученности, а также в связи с очевидным влиянием сложившихся в середине XX в. реалий на современные процессы коммуникации РПЦ МП в регионе. Этот период получил качественно новое продолжение в 1948 г. в связи с образованием Государства Израиль, поддержанного Москвой. Формирование государства способствовало значительному укреплению влияния СССР в регионе, происходившего в сопровождении культурно-дипломатической поддержки со стороны Московской Патриархии.

На новом витке государственной политики в регионе (когда на смену ценностям и интересам монаршего двора и ИППО пришли дипломатические интересы Советского Союза, определявшиеся в контексте начала холодной войны) официальные структуры озаботились прежде всего имущественными вопросами. Как ни парадоксально, в послевоенных советских реалиях прагматический интерес к региону отнюдь не способствовал возрождению практики его изучения. В делопроизводстве Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР (осуществлявшего коммуникацию правительства и церковного административного центра – Московской Патриархии; фонд Р-6991 Государственного архива Российской Федерации) в делах, посвященных коммуникации с Палестиной и православным Востоком, фигурируют лишь несколько справок и аналитических записок, характеризующих Святую Землю, ее православную инфраструктуру, исторические и культурные связи с исторической Россией. Эти материалы претерпевают определенную эволюцию от утилитарных копировок статей энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона в 1944–1945 гг. к развернутым аналитическим запискам сотрудников Отдела внешних церковных сношений в 1946–1948 гг. Но эти материалы лишь суммировали ранее отложившийся аналитический материал.

Такое положение вещей не изменится вплоть до начала 1990-х гг., когда в новой политико-социальной реальности, в условиях научно-плюрализма произойдет реконструкция структур, общественных организаций, занимающихся палестинской проблематикой. Первопроходцами темы стали Н.Н. Лисовой [Лисовой 2006; Лисовой, Смирнова 2015], А.В. Назаренко. Настоящим патриархом современного российского палестиноведения 1990–2010-х гг. являлся Н.Н. Лисовой [Назаренко 2006]. Лично участвовавший в возрождении ИППО и формировании научной повестки общества, Николай Николаевич не был чужд философским построениям. Так, именно он продемонстрировал мировоззренческое значение святынь Святой Земли для русского религиозного сознания. История российского присутствия (институционального, церковно-дипломатического, духовного) в Святой Земле получила в работах Лисового особенно яркое, объемное и последовательное раскрытие и постепенно стала темой научных конференций и семинаров, сформировав коммеморативную практику и оформив историографическую традицию [Лисовой 2000; Лисовой 2003].

Вскоре круг исследователей, всецело посвятивших свою научную работу изучению православного Востока, палестиноведению и истории культурных связей России и Святой Земли, пополнили И.Ю. Смирнова, Л.А. Герд [Герд 2006; Герд, Вах, Петрунина 2020], К.А. Вах и другие историки. Палестиноведение прошло этап становления, заняв заметное место в поле исторических исследований уже на рубеже 2000-х гг.

Значительный вклад в изучение Святой Земли в 2000–2010-е гг. внесли масштабные публикации источников, осуществленные Н.Н. Лисовым, Р.Б. Бутовой и И.Ю. Смирновой. В это же время активно существенно расширяется исследование проблематики политической истории российско-палестинских связей [Якушев 2013].

В той или иной мере тематику развивали десятки исследователей, представляющих региональные и зарубежные подразделения современного ИППО – наиболее полный и актуальный состав представителей этого поколения представлен в новейшей энциклопедии, приуроченной к 140-летию общества¹⁰. Масштаб этой деятельности, в том числе и в регионах России, достигает (а теперь и превышает) параметры дореволюционного периода [Нечаева, Микитюк 2014].

---

¹⁰ Энциклопедия Императорского Православного Палестинского общества: 1882–2022 гг.: 140-летию ИППО посвящается / Сост., ред., предисл. С.Ю. Житинева. М.: Индрик, 2022. 956 с.

Для работ авторов этого – второго – поколения исследователей русской Палестины характерны широта научного охвата, масштабные практические работы, реконструирующие биографии лидеров православия, большие периоды в развитии отношений исторической России и Святой Земли, освещающие взаимоотношения Русской православной церкви с патриархатами православного Востока.

Важной особенностью второго (постсоветского) поколения историографии русской Палестины является включение в исследовательское поле советского ее периода. И в этом плане далеко не все темы и сюжеты вводятся в исследовательский контекст с нулевой позиции. Так, собственно в советский период опыт исторических связей со Святой Землей оказывался осмыслен в церковной высшей школе и среди практиков и архитекторов церковной дипломатии эпохи. Начиная свою масштабную церковную карьеру в Русской духовной миссии в Иерусалиме иеромонах, впоследствии митрополит и глава ОВЦС Никодим (Ротов), находясь в миссии, на сохранившихся там материалах подготовил магистерское сочинение, ныне изданное и представляющее значимую веху в изучении и самоописании РДМ [Ротов 2019].

Будущий глава церковной дипломатии рассмотрел в своей работе фактически не изученный в ту пору период Британского мандата, по сохранившимся в миссии документам раскрыл важную проблему политико-дипломатической конкуренции в регионе России и Британии, поставив задачи полноценного церковного возвращения в регион.

Палестиноведение 3.0

Изучение новейшей истории российско-израильских отношений, истории культурно-религиозного, политико-дипломатического присутствия в регионе становится центральным в работах сегодняшней генерации исследователей. Становление этого третьего историографического поколения по сути происходит сегодня и не завершилось. При этом мы маркируем ряд характерных для него признаков: акцент на политической истории и политико-дипломатических детерминантах российско-палестинских связей, концептуализм и применение новейших исследовательских стратегий и концепций в палестинской проблематике. Его формируют исследователи постсоветского поколения, в работах которых наблюдается попытка выявить объективные факторы религиозной и культурной политики, связывающие Россию новейшего времени со Святой Землей. В работах этой группы значительно меньше тем избегания, с достаточной полнотой и субъектностью рассматри-

ваются взаимоотношения двух полюсов российского православия (советского и эмигрантского) – система их контактов, присутствия (и борьбы за присутствие) в Святой Земле. Ряд своих публикаций посвятила реконструкции конкуренции двух ветвей отечественного православия XX в. В.А. Герасимова [Герасимова 2021; Герасимова 2020, с. 294–317]. В ее работах получила освещение практика паломничества представителей РПЦЗ в Святую Землю, сюжеты самовосприятия деятелей РПЦЗ на Святой Земле.

Сегодня начинают свое профессиональное становление ряд молодых исследователей, работающих над кандидатскими диссертациями и публикующих тематические статьи, посвященные актуальным проблемам новейшей истории церковных связей с православным Востоком [Климова 2020; Климова 2018]. Действует молодежная секция ИППО, сконцентрированная прежде всего на общественных мероприятиях и практиках коммеморации, но обладающая и потенциалом развития исследовательской составляющей.

Одним из наиболее последовательных представителей молодой исследовательской группы палестиноведов является Е.В. Паламаренко, посвятивший свое кандидатское исследование истории возрождения Русской духовной миссии в Иерусалиме в советский период [Паламаренко 2019]. Эта реконструктивная работа положила начало и большой научно-организационной работе автора, инициировавшего создание тематического периодического издания «Христианство на Ближнем Востоке». В своем основном исследовании автор пришел к заключению о важности контактов структур Московской Патриархии с Иерусалимской патриархией, от позиции которой зависели перспективы и возможности российского присутствия в регионе и у святынь Святой Земли [Паламаренко 2019, с. 368]. Фиксация, точная трактовка значимых политико-дипломатических событий эпохи имеет большое значение в развитии темы.

Важным объективирующим фактором в палестиноведении новейшего времени стало признание роли продуктивного взаимодействия церковных и государственных структур в деле возвращения на Святую Землю: признание и фактографическое рассмотрение реалий, конкретных инициатив и практик этого взаимодействия, особенно активного в середине – второй половине 1940-х гг.

Явным маркером становления нового исследовательского поколения на рубеже 2010-х и 2020-х гг. является появление работ большого сюжетно-тематического охвата и теоретического звучания. Так, группой молодых сибирских исследователей была подготовлена коллективная монография «Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в.» [Воображая Палестину 2021].

Обращают на себя внимание исходные познавательные установки коллектива: «...на сегодняшний день вопрос о возвращении русской собственности на Святой земле принципиально решен, актуальная задача состоит не в том, как прирастить русские постройки в Палестине, а как освоить возвращенную территорию, придать ей “русскость”, сделать “своим” и “родным” пространством...» [Воображая Палестину 2021, с. 20]. Авторы собрали большой фактический, иллюстративный, статистический материал. Но главным достоинством работы являются теоретико-методологические поиски, учитывающие подходы зарубежных школ и авторов, разрабатывавших ранее проблематику «трансфера смыслов». Идеи переноса символов и смыслов Святой Земли в России, в различные географические локации, которые точно были исследованы авторами (от Сибири до Беларуси) ярко иллюстрируют важность иерусалимских святынь для русского традиционного сознания: «Присутствие России на Святой земле воспринимается как безусловный и значимый элемент русской православной идентичности в различных сообществах... а само пространство “Русской Палестины” включает в себя разные уровни: это и инфраструктура русских построек, и судьбы русских людей, и образы русской духовной и материальной культуры, и пространство русского быта. Все это, с одной стороны, помогает поддерживать русскую идентичность, с другой – служит укреплению духовных связей России со Святой землей в долгосрочной исторической перспективе» [Воображая Палестину 2021, с. 720].

Важным представляется осмысление опыта советского периода взаимодействия со Святой Землей, от посещения русских монастырей солдатами Красной Армии в 1945 г. до редких приездов официальных церковных делегаций, командированных в РДМ в Иерусалиме священников и единичного пополнения монастырей, до сложностей взаимоотношения с представителями мира «прежней России», находившимися на русских объектах Святой Земли, и смелых ходатайств перед советским правительством о возрождении русского присутствия и воссоздании Православного палестинского общества. Подобные материалы в очередной раз подчеркивают многомерность советской действительности, развенчивая миф о тотальной ее секулярности¹¹.

Как представляется, в монографии соединилось несколько пластов отечественного познания и осмысления «российской Святой Земли»: от освоения и охвата ее, мотивирования паломников и

---

¹¹ Обращение М. Истикова к председателю Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпову, 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 15. Л. 90.

всего российского общества к прикосновению к всеобщим христианским святыням Востока (соотносимое с трудами В.Н. Хитрово и архимандрита Антонина Капустина) – через возвращение исторической России в Палестину (к сожалению, почти исключительно политическое после 1948 г. – и развитое в концепции митрополита Никодима (Ротова) – к познанию этического смысла присутствия в Святой Земле (Н.Н. Лисовой, авторы сегодняшнего дня).

Заключение

Определяемые этапы познания «русского Иерусалима» оказались созвучны этапам историографического процесса. В дореволюционной практике отмечалась фиксация текущих событий, собранных практических и исторических сведений о Святой Земле. Тогда же развитие получила и церковная археология, изучение материальных свидетельств о бытии Святой Земли.

В постсоветский период палестиноведение приобретает исследовательскую фокусировку, становясь многосюжетным историографическим направлением и постепенно эволюционируя к изучению реалий новейшей истории, объективации церковно-дипломатического фактора в международных отношениях послевоенного мира. Сегодня в историографической ситуации прослеживается становление нового поколения исследователей российско-палестинских христианских связей и российского присутствия в Святой Земле. Проанализированные историографические результаты позволяют прогнозировать успешное развитие направления.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Святая Земля и Русская духовная миссия в Иерусалиме в структуре церковных связей и духовной жизни Русской Православной Церкви конца XIX – конца XX в.». № 20-09-41017.

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research. The project “The Holy Land and the Russian Spiritual Mission in Jerusalem in the structure of church relations and spiritual life of the Russian Orthodox Church of the late 19th – late 20th century.” № 20-09-41017

Литература

- Белякова 2021 – *Белякова Н.А.* Повседневная жизнь русского женского монашества на Святой Земле в условиях трансформаций Ближнего Востока 1940–1950-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 190–200.
- Воображая Палестину 2021 – Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. / М.С. Шаповалов, А.Ю. Бокатов, А.А. Валитов и др. СПб.: Нестор-История, 2021. 776 с.
- Герасимова 2020 – *Герасимова В.А.* Епископ Мефодий Кампанский и практика паломничества в Святую Землю из Русского Зарубежья: (пере)изобретение традиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (4). С. 294–317.
- Герасимова 2021 – *Герасимова В.А.* Паломничество в Святую Землю и религиозная дипломатия СССР в период холодной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840015404-3-1/> (дата обращения 20 декабря 2022).
- Герд 2006 – *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М.: Индрик, 2006. 445 с.
- Герд, Вах, Петрунина 2020 – *Герд Л.А., Вах К.А., Петрунина О.Е.* Александрийский патриархат и Россия в XIX веке: Исследования и документы. М.: Индрик, 2020. 920 с.
- Головко 2020 – *Головко Д.С.* Русские особняки на улице Пророков в Иерусалиме // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 5. С. 202–218.
- Занемонец 2019 – *Занемонец А.*, диакон. Святая Земля и Русское Зарубежье. СПб.: Алтейя, 2019. 152 с.
- История русского православного зарубежья. Т. 1: Русское православное зарубежье до 1917 г. Кн. 1: Русское православное присутствие на христианском Востоке: X – начало XX в. М.: Изд-во МП РПЦ, 2016. 592 с.
- Каиль 2021 – *Каиль М.В.* Ближневосточное направление в дипломатической миссии Московского Патриархата 1943 – середины 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016650-4-1/> (дата обращения 20 декабря 2022).
- Климова 2018 – *Климова А.А.* Положение Русской духовной миссии в Иерусалиме на фоне Арабо-израильской войны 1948–1949 гг. // Клио. 2018. № 12 (144). С. 117–124.
- Климова 2020 – *Климова А.А.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви с Иерусалимским патриархатом в 1948–1953 годах в контексте советско-израильских отношений // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 1. С. 49–62.
- Лисовой 2000 – *Лисовой Н.Н.* К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 56–89.

- Лисовой 2003 – Лисовой Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, население // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19–37; № 3. С. 84–103.
- Лисовой 2006 – Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 510 с.
- Лисовой, Смирнова 2015 – Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: Церковная политика на православном Востоке. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 775 с.
- Назаренко 2006 – Родное и вселенское: К 60-летию Николая Николаевича Лисового / Отв. ред. А.В. Назаренко. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2006. 431 с.
- Нечаева, Микитюк 2014 – Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское православное палестинское общество в культурной среде российской провинции. М.: Индрик, 2014. 384 с.
- Паламаренко 2019 – Паламаренко Е.В. Деятельность Русской Духовной миссии в Иерусалиме в 1948–1967 гг.: Дис. ... канд. теологии. М.: ОЦАД, 2019. 422 с.
- Ротов 2019 – Ротов Н., архим. История Русской духовной миссии в Иерусалиме: курсовое сочинение. СПб.: Изд-во СПб. Духовной академии, 2019. 440 с.
- Якушев 2013 – Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи: 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013. 536 с.
- Sherman 2001 – Sherman A.J. Mandate days. British lives in Palestine, 1918–1948. Baltimore; London: Johns Hopkins Univ. Press, 2001. 264 p.

References

- Belyakova, N.A. (2022), “The daily life of Russian female monasticism in the Holy Land under the conditions of transformations of the Middle East in the 1940s – 1950s”, *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, vol. 55, no. 4, pp. 190–200.
- Gerasimova, V.A. (2020), “Bishop Methodius of Campania and the practice of pilgrimage to the Holy Land from the Russian diaspora. (Re)invention of tradition”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 4, pp. 294–317.
- Gerasimova, V.A. (2021), “Pilgrimage to the Holy Land and religious diplomacy of the USSR during the Cold War”, *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, vol. 12, iss. 8 (106), available at: <https://history.jes.su/s207987840015404-3-1/> (Accessed 20 Dec. 2022).
- Gerd, L.A. (2006), *Konstantinopol' i Peterburg: tserkovnaya politika Rossii na pravoslavnom Vostoke (1878–1898)* [Constantinople and St. Petersburg. The church policy of Russia in the Orthodox East (1878–1898)], Indrik, Moscow, Russia.
- Gerd, L.A., Vakh, K.A. and Petrunina, O.E. (2020), *Aleksandriiskii patriarkhat i Rossiya v XIX veke: Issledovaniya i dokumenty* [The Patriarchate of Alexandria and Russia in the 19th century. Studies and documents], Indrik, Moscow, Russia.

- Golovko, D.S. (2020), "Russian mansions on the street of the Prophets in Jerusalem", *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, no. 5, pp. 202–218.
- Istoriya russkogo pravoslavnogo zarubezh'ya, tom 1: Russkoe pravoslavnoe zarubezh'e do 1917 g., kniga 1: Russkoe pravoslavnoe prisutstvie na khristianskom Vostoke. X – nachalo XX v.* [Russian Orthodox diaspora history. Vol. 1: Russian Orthodox diaspora before 1917. Book 1: Russian Orthodox presence in the Christian East: 10th – early 20th century] (2016), Izdatel'stvo "Moskovskii Patriarkhat Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi", Moscow, Russia.
- Kail', M.V (2021), "The Middle East direction in the diplomatic mission of the Moscow Patriarchate 1943 – mid-1950s", *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, vol. 12, book 8 (106), available at: <https://history.jes.su/s207987840016650-4-1/> (Accessed 20 Dec. 2022).
- Klimova, A.A. (2018), "The situation of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem against the background of the Arab-Israeli war of 1948–1949", *Klio*, vol. 144, no. 12, pp. 117–124.
- Klimova, A.A. (2020), "The relationship of the Russian Orthodox Church with the Patriarchate of Jerusalem in 1948–1953 in the context of Soviet-Israeli relations", *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, vol. 1, pp. 49–62.
- Lisovoi, N.N.(2000), "On the history of the Russian spiritual presence in the Holy Land and in the Middle East", *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, no. 2, pp. 56–89.
- Lisovoi, N.N. (2003), "Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th century", *Otechestvennaya istoriya*, no. 2, pp. 19–37, no. 3, pp. 84–103.
- Lisovoi, N.N. (2006), *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v.* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th century. Institutions, people, population], Indrik, Moscow, Russia.
- Lisovoi, N.N. and Smirnova, I.Yu. (2015), *Rossiya i Svyataya Zemlya v pervoi polovine XIX veka. Tserkovnaya politika na pravoslavnom Vostoke* [Russia and the Holy Land in the first half of the 19th century. Church policy in the Orthodox East], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Nazarenko, A.V. (ed.) (2006), *Rodnoe i vselenskoe: K 60-letiyu Nikolaya Nikolaevicha Lisovogo* [Native and universal. On the 60th anniversary of Nikolai Nikolaevich Lisovoi], Palomnicheskii tsentr Moskovskogo Patriarkhata, Moscow, Russia.
- Nechaeva, M.Yu. and Mikityuk, V.P. (2014), *Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo v kul'turnoi srede rossiiskoi provintsii* [Imperial Orthodox Palestinian Society in the cultural environment of the Russian province], Indrik, Moscow, Russia.
- Palamarenko, E.V. (2019), "The activity of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in 1948–1967", Ph.D. Thesis (Theology), Moscow, Russia.
- Rotov, N., arkhimandrit (2019), *Istoriya Russkoi dukhovnoi missii v Ierusalime: kursovoe sochinenie* [History of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. Course essay], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi akademii, Saint Petersburg, Russia.

- Shapovalov, M.S., Bokatov, A.Yu., Valitov, A.A., etc. (2021), *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XXI v.* [Imagining Palestine of 2021 – imagining Palestine. The Holy Land and Russian identity in the 19th and early 21st centuries], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Sherman, A.J. (2001), *Mandate days. British lives in Palestine, 1918–1948*, Johns Hopkins Univ. Press, Baltimore, London, UK.
- Yakushev, M.I. (2013), *Antiokhiiskii i Ierusalimskii patriarkhaty v politike Rossiiskoi imperii: 1830-e – nachalo XX veka* [The Patriarchates of Antioch and Jerusalem in the politics of the Russian Empire. 1830s – early 20th century], Indrik, Moscow, Russia.
- Zanemonets, A. (2019), *Svyataya Zemlya i Russkoe Zarubezh'e* [The Holy Land and the Russian diaspora], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Максим В. Кауль, кандидат исторических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия; 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; mvkail@mail.ru

Information about the author

Maksim V. Kail, Cand. of Sci. (History), associate professor, Smolensk State University, Smolensk Russia; bld. 4, Przhevalsky St., Smolensk, Russia, 214000; mvkail@mail.ru

Конструирование образа И.В. Сталина
в биографических очерках о В.И. Ленине
(1924–1956 гг.)

Дмитрий В. Морозов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lzedmitryi@yandex.ru*

Аннотация. Автор данной статьи рассматривает становление и развитие образа И.В. Сталина в биографических очерках, посвященных В.И. Ленину и выпущенных в период с 1924 по 1956 г. Рассматриваются временные этапы этого процесса и инструменты, используя которые авторы текстов конструируют образ И.В. Сталина. Процесс «сталинизации» и «десталинизации» биографий можно разделить на три этапа. Конец 1920 – начало 1930-х гг. характеризуется количественным увеличением числа упоминаний вождя в текстах. Вторая половина 1930-х гг. отражает качественное изменение образа И.В. Сталина, в рамках которого он из простого соратника В.И. Ленина превращается в деятеля глобально-исторического масштаба. Наследник В.И. Ленина начинает проявлять себя как отдельный исторический деятель, который копирует у своего учителя личные качества, выполняет задачи исторического характера и творчески развивает идеи марксизма-ленинизма. Последняя биография рассматриваемого периода, изданная в 1955 г., в свою очередь, свидетельствует о процессе латентной «десталинизации» биографий В.И. Ленина, в рамках которой И.В. Сталин, хотя пока и не становится объектом критики, но теряет многие свои личные качества и вновь выступает в качестве рядового соратника В.И. Ленина.

Ключевые слова: В.И. Ленин, И.В. Сталин, биография

Для цитирования: Морозов Д.В. Конструирование образа И.В. Сталина в биографических очерках о В.И. Ленине (1924–1956 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 48–56. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-48-56

Constructing the image of I.V. Stalin in biographical essays about V.I. Lenin (1924–1956)

Dmitrii V. Morozov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lzedmitryi@yandex.ru*

Abstract. The author of this article considers the formation and development of the image of I.V. Stalin in biographical essays about V.I. Lenin and published in the period from 1924 to 1956. That is the time stages of this process and the tools used by the authors of the texts to construct the image of I.V. Stalin. The process of “Stalinization” and “de-Stalinization” of biographies can be divided into three stages. The late 1920s – early 1930s are characterized by a quantitative increase in the number of mentions of the leader in texts. The second half of the 1930s reflects a qualitative change in the image of I.V. Stalin, in which he turns from a simple comrade-in-arms of V.I. Lenin into a figure of global historical scale. The heir of V.I. Lenin begins to manifest himself as a separate historical figure who copies personal qualities from his teacher, performs tasks of a historical nature and creatively develops the ideas of Marxism-Leninism. The last biography of the period under consideration, published in 1955, in turn, testifies to the process of latent “de-Stalinization” of biographies of V.I. Lenin, in which I.V. Stalin, though having not yet become an object of criticism, he loses many of his personal qualities and once again acts as an ordinary comrade-in-arms of V.I. Lenin.

Keywords: V.I. Lenin, I.V. Stalin, biography

For citation: Morozov, D.V. (2023), “Constructing the image of I.V. Stalin in biographical essays about V.I. Lenin (1924–1956)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relationships” Series*, no. 1, pp. 48–56, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-48-56

Введение

Биографии В.И. Ленина, изданные в первые несколько десятилетий после смерти вождя, отражают в себе множество политических и социальных процессов, развернувшихся в СССР после 1924 г., в том числе и ход внутрипартийной борьбы в коммунистической партии. При ответе на вопрос, кто продолжает дело В.И. Ленина, авторы текстов о жизни революционера 1920-х гг. зачастую отсылают читателя либо к «народу»: «душа Ильича осталась жива в виде тех его идей и настроений, которые ныне

рассеяны в миллионах голов и миллионах сердец»¹, – либо к РКП(б)–ВКП(б): «Нет вождя, остался рабочий класс, – значит, еще крепче и теснее должны сплотиться рабочие массы вокруг детища т. Ленина – Российской коммунистической партии»². Но начиная с 1930-х гг. вопрос о наследовании интерпретировался авторами текстов в пользу И.В. Сталина. Советская историография [Баженов 1976; Баженов 1977; Иллерицкая 1985] лишь кратко касалась вопроса о влиянии культа И.В. Сталина на исторический нарратив о В.И. Ленине, упоминая только о том, что главным недостатком текстов, изданных во второй половине 1930–1940-х гг., является то, что «роль В.И. Ленина как создателя и вождя Коммунистической партии... была принижена» [Савицкая 1971, с. 15]. В данной статье мы поставили перед собой следующие вопросы: каковы этапы «сталинизации» и «десталинизации» биографий о вожде революции? Какими приемами пользуются авторы текстов для формирования образа И.В. Сталина в текстах, посвященных В.И. Ленину?

«Сталинизация» биографий

Первые единичные упоминания о И.В. Сталине появляются еще в самых ранних посмертных очерках о жизни и деятельности В.И. Ленина. Начиная со второй половины 1930-х гг. такие упоминания встречаются все чаще, хотя и удельный вес повествований, посвященных И.В. Сталину, остается пока крайне небольшим. Прежде всего авторы привлекают его высказывания о В.И. Ленине или используют написанные им тексты для освещения отдельных моментов из истории строительства РСДРП³.

Начиная с середины 1930-х гг. в очерках начинает воплощаться культ личности И.В. Сталина. Кратко проиллюстрировать этот процесс могут изменения, произошедшие в трактовке роли профессионального революционера в годы Гражданской войны в биографиях, созданных Е.М. Ярославским в середине и в конце 1930-х гг. Высказывание «Так кончилась борьба, которой руководил Ленин, в которой он проявил величайшие способности вождя

---

¹ *Лепешинский П.Н.* Жизненный путь Ильича. Л., 1925. С. 58.

² *Ходоровский И.И.* В.И. Ленин, великий вождь и учитель трудящихся: популярный очерк для рабочих и крестьян. Ростов-н/Д.; Краснодар, 1925. С. 29.

³ *Зеликсон-Бобровская Ц.С.* Краткий очерк жизни В.И. Ленина в годы царизма. М., 1934. С. 16, 30, 36, 46.

революции»⁴ шесть лет спустя меняется следующим образом: «Так кончилась эта борьба, которой руководили Ленин и Сталин, в которой они проявили величайшие способности вождей революции»⁵.

Исследователи включают в повествование о профессиональном революционере сюжетные линии, посвященные жизненному пути самого И.В. Сталина. Последний оказывается единственным политическим деятелем, кроме самого В.И. Ленина, чей путь революционной борьбы, а в некоторых случаях его краткая биография были помещены внутри жизнеописаний⁶.

В очерках выстраивается та или иная связь между «величайшими людьми современности». И.В. Сталин проходит путь революционной борьбы, аналогичный тому, который прошел В.И. Ленин⁷. И.В. Сталин неизменно поддерживает В.И. Ленина на протяжении всей политической борьбы большевиков. На создание образа И.В. Сталина влияет и способ описания личных встреч самого В.И. Ленина: последний проводит личные встречи либо со своими сторонниками без указаний на конкретное лицо, либо конкретно с И.В. Сталиным.

И.В. Сталин как наследует у В.И. Ленина набор личных качеств, позволяющих ему смело идти «навстречу буре», так и обладает уникальными чертами. Он, в отличие от своего учителя, зачастую предстает в роли своеобразного «кризисного управляющего»: «Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, Ленин, партия посылали товарищей Сталина, Фрунзе, Ворошилова — организаторов важнейших побед Красной Армии»⁸. В жизнеописаниях В.И. Ленина большое место занимает деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны: в первую очередь авторы описывают оборону Царицына и «битву за хлеб». Он укрепляет тылы, достигает дисциплины в армии, предлагает правильные военно-стратегические решения, разоблачает шпионов и предателей⁹. При этом И.В. Сталин, в отличие от В.И. Ленина, полностью лишен описаний, характеризующих его личные, человеческие качества, за исключением похвал со стороны своего учителя.

---

⁴ Ярославский Е.М. Биография Ленина. М., 1934. С. 115.

⁵ Ярославский Е.М. Биография Ленина. М., 1940. С. 130.

⁶ Там же. С. 66–67.

⁷ Там же. С. 189–193.

⁸ Ленин Владимир Ильич: Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1942. С. 222.

⁹ Там же. С. 217, 235–236, 239.

Но простого «подражания» В.И. Ленину и согласия с ним недостаточно для того, чтобы провозгласить, что «Сталин – это Ленин сегодня»¹⁰. Такая возможность появляется у авторов биографических очерков благодаря включению фигуры И.В. Сталина в марксистскую историософскую концепцию развития, используя те же лекала, по которым и сам В.И. Ленин становится вождем [Барышева, Морозов 2021]. Перед И.В. Сталиным, как и перед своим учителем, ставятся задачи исторического значения: «Из чего складывалась борьба против всех сил старого мира? Надо было на месте свергнутой старой власти создать аппарат нового, социалистического государства пролетарской диктатуры... Надо было подавить сопротивление эксплуататоров... Надо было восстановить в годы империалистической и гражданской войн хозяйство... Каждая из этих задач сама по себе грандиозна. Лишь часть из них была выполнена Лениным и Сталиным при жизни Ленина. Большая часть их выполнена после смерти Ленина под руководством Сталина»¹¹. Не случайно ликвидация кулачества как класса приобретает в интерпретации Е.М. Ярославского характер второй революции, равнозначной по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г.¹²

Историософский характер биографий позволяет включить И.В. Сталина в число тех людей, кто творчески развивает марксизм. Как в свое время В.И. Ленин развивал идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, так и И.В. Сталин, придя к власти, подробно разрабатывает планы, изложенные лишь в самых общих чертах своим учителем¹³. Вместе с этим авторы акцентируют свое особое внимание на важности и значимости тех идей, которые будут активно использоваться советской пропагандой 1930-х гг. В первую очередь речь идет о концепции построения социализма в одной стране, объявленной исследователями «величайшим открытием нашей эпохи»¹⁴. Одновременно И.В. Сталин получает монопольное право трактовать и теоретическое наследие В.И. Ленина¹⁵.

В РГАСПИ отложилась стенограмма совещания при дирекции ИМЭЛ¹⁶, на котором обсуждался черновой вариант текста книги «Ленин Владимир Ильич: Краткий очерк жизни и деятельности» –

---

¹⁰ *Ярославский Е.М.* Биография Ленина. С. 182.

¹¹ Там же. С. 205.

¹² Там же. С. 206–207.

¹³ Там же. С. 194–196.

¹⁴ Ленин Владимир Ильич: Краткий очерк жизни и деятельности. С. 159.

¹⁵ Там же. С. 296.

¹⁶ Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б).

первой биографии, изданной в 1942 г. от лица института. В ходе обсуждения текста были высказаны критические замечания, касающиеся конструирования образа И.В. Сталина. По мнению Д.А. Чугаева, старшего научного сотрудника института, несмотря на то что авторский коллектив привел все факты совместной деятельности Ленина и Сталина¹⁷, «все же не получилось великого содружества Ленина со Сталиным»¹⁸. В биографии «всюду показывается деятельность Сталина в такой форме, что Ленин давал Сталину самые важные поручения, Сталин их мастерски выполнял, Сталин всегда проводил ленинскую линию и поддерживал Ленина. Это правильно и безусловно нужно, но этого мало»¹⁹. Основные его претензии сводятся не к количеству собранного эмпирического материала, а к его интерпретации. Если авторский коллектив биографии стремился изобразить И.В. Сталина как ученика В.И. Ленина, то Д.А. Чугаев настаивал на их равновеликости: они совместно разрабатывали вопросы ленинизма, совместно решали все важнейшие государственные вопросы²⁰.

Директор ИМЭЛ М.Б. Митин, напротив, возразил своему коллеге. Он отмечает, что обсуждаемый текст действительно основан на богатой эмпирической базе, но, прежде всего, авторскому коллективу надо «выдержать задачу – дать биографию Ленина»²¹. Таким образом, в данной биографии мы обнаруживаем предел «сталинизации» текста, в рамках которых повествование о В.И. Ленине оставалось бы повествованием о нем же.

«Десталинизация» биографий

Сравнение биографий, изданных ИМЭЛ–ИМЭЛС²², позволяет нам проследить уже за латентной десталинизацией очерков, начавшейся в период между смертью самого И.В. Сталина и XX съездом КПСС. Дело В.И. Ленина в тексте 1955 г. все еще наследуется самой партией во главе с И.В. Сталиным²³, но ис-

---

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 8. Д. 1. Л. 86.

¹⁸ Там же. Л. 95.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 116.

²² Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК КПСС был переименован в 1953 г. в Институт Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК КПСС.

²³ Ленин Владимир Ильич. Краткая биография. М., 1955. С. 297.

следователи вносят уточнения, касающиеся того, какой должна быть партия с точки зрения профессионального революционера. РСДРП–РКП(б)–ВКП(б)–КПСС обладает как традиционным для 1930–1940-х гг. набором черт: она является главным руководителем и организатором, обладает железной дисциплиной²⁴, – так и приобретает новые, уникальные для середины 1950-х гг. характеристики: авторы подчеркивают роль Центрального комитета в управлении партией, пишут об утверждении принципов коллективного руководства и демократического централизма²⁵. Но упоминания о коллективном руководстве в биографии В.И. Ленина не имеют при этом негативного по отношению к И.В. Сталину подтекста, как это, например, прослеживается в разосланном по СССР постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» 1956 г., где принижение роли коллективного руководства в партии ставится уже в упрек И.В. Сталину²⁶.

Сокращается и общее количество упоминаний И.В. Сталина: за исключением сносок, их число уменьшается до 55 во втором издании против 227 – в первом. При этом И.В. Сталин все чаще упоминается не обособленно, а вместе с соратниками В.И. Ленина: всего можно встретить 13 таких описаний во втором издании (23,6% от общего количества упоминаний) против 15 описаний – в первом (6,6% от общего количества упоминаний). Но революционный пантеон в двух изданиях биографий не претерпевает изменений: в его число входят Г.К. Орджоникидзе, Я.М. Свердлов, М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, Ф.Э. Дзержинский, С.М. Киров, А.М. Горький, В.В. Куйбышев, С.С. Спандарян и др.

Во втором издании очерка И.В. Сталин остается верным учеником В.И. Ленина и все еще включается в марксистскую историософскую концепцию: «Великое учение Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина озаряет трудящимся всех стран путь борьбы за светлое будущее человечества»²⁷. Годом позднее в вышеуказанном постановлении ЦК КПСС от 1956 г. хотя и указывается, что «И.В. Сталин... активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов»²⁸, марксизм-ленинизм уже латентно противопоставляется идеям И.В. Сталина: «большой вред делу социалистического

²⁴ Там же. С. 299–300.

²⁵ Там же. С. 301.

²⁶ Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». М., 1956. С. 6–9.

²⁷ Ленин Владимир Ильич: Краткая биография. С. 308.

²⁸ Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». С. 14.

строительства... нанесла ошибочная формула Сталина о том, что будто бы по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться»²⁹. Таким образом, авторский коллектив ИМЭЛС уже традиционно интерпретирует теоретическое наследие В.И. Ленина таким образом, чтобы жизнеописания соответствовали современной на момент издания жизнеописания политической ситуации в стране.

Но ключевое изменение во втором издании биографии связано с исчезновением И.В. Сталина в качестве действующего лица в историческом процессе. Он перестает вести партийное строительство и переписку с В.И. Лениным, его роль в организации Великой Октябрьской социалистической революции значительно уменьшается, хотя авторы сохраняют описание деятельности И.В. Сталина в годы Гражданской войны. И.В. Сталин выполняет прежде всего «источниковедческую роль»: как и в работах первой половины 1930-х гг., авторы лишь ссылаются на его выступления и воспоминания.

Таким образом, можно выделить три подхода к разрешению проблемы влияния культа личности И.В. Сталина на биографии В.И. Ленина 1924–1956 гг. Во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. авторы жизнеописаний выстраивают политическую преемственность между самим вождем и созданной им партией. Во второй половине 1930-х – 1953 г. дело вождя наследует РКП(б)–ВКП(б) и И.В. Сталин, без которого сам В.И. Ленин не смог воплотить в жизнь мечту о пролетарской революции. В период с 1953 по 1956 г. представляется возможным проследить за латентной десталинизацией, выраженной в резком снижении числа упоминаний И.В. Сталина и исчезновении последнего в качестве действующего лица биографии.

Литература

- Баженов 1976 – *Баженов В.В.* Из истории разработки научной биографии В.И. Ленина (1917 г. – середина 30-х годов XX в.) // История и историки: историографический ежегодник. 1974. М.: Наука, 1976. С. 35–61.
- Баженов 1977 – *Баженов В.В.* Биографические исследования в советской историографии: 1917 – середина 1930-х гг. // Исторические записки. Т. 98. М.: Наука, 1977. С. 238–256.
- Барышева, Морозов 2021 – *Барышева Е.В., Морозов Д.В.* Историческое предпосылки складывания культа вождя в советских биографиях В.И. Ленина: 1924–1956 гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 136–146.

---

²⁹ Там же. С. 15.

- Иллерицкая 1985 – *Иллерицкая Н.В.* Разработка Ем. Ярославским биографии В.И. Ленина // История и историки: историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 165–184.
- Савицкая 1971 – *Савицкая Р.М.* Разработка научной биографии В.И. Ленина // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 3–19.

References

- Bazhenov, V.V. (1976), “From the history of the development of the scientific biography of V.I. Lenin. 1917 – mid-30s of the 20th century”, in *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik*. 1974 [History and historians. A historiographical yearbook. 1974], Nauka, Moscow, USSR, pp. 35–61.
- Bazhenov, V.V. (1977), “Biographical studies in Soviet historiography. 1917 – mid-1930s”, in *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], vol. 98, Nauka, Moscow, USSR, pp. 238–256.
- Barysheva, E.V. and Morozov, D.V. (2021), “Historiosophic prerequisites for the formation of the cult of leader in the biographies of V.I. Lenin. 1924–1956”, *History and Archives*, no. 3, pp. 136–146.
- Illeritskaya, N.V. (1985), “Development of the biography of V.I. Lenin by E. Yaroslavsky”, in *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik*. 1981 [History and historians. A historiographical yearbook. 1981], Nauka, Moscow, USSR, pp. 165–184.
- Savitskaya, R.M. (1971), “Development of a scientific biography of V.I. Lenin”, *Voprosy istorii*, no. 4. pp. 3–19.

Информация об авторе

Дмитрий В. Морозов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lzedmitryi@yandex.ru

Information about the author

Dmitrii V. Morozov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lzedmitryi@yandex.ru

Женщины на высших дипломатических должностях
в государствах бывшего СССР:
опыт создания базы данных

Ольга С. Поршнева

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, o.s.porshneva@urfu.ru*

Сергей Л. Разинков

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, s.l.razinkov@urfu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается применение технологии баз данных для анализа социального портрета и коллективной биографии женщин, назначенных на высшие дипломатические должности руководством новых независимых государств на территории бывшего СССР в период 1991–2021 гг. Приводится описание структуры разработанной авторами просопографической базы данных, обосновывается репрезентативность и полнота содержащейся в ней информации. В статье проводится анализ основных показателей социального портрета женщин-дипломатов: динамика численности, базовое образование, временные характеристики карьерного роста, соотношение между карьерными дипломатами и политическими назначенцами, территориально-географическое распределение женщин-послов по государствам аккредитации. Сравнение результатов анализа сведений базы данных с приведенными в научной литературе социально-демографическими характеристиками женщин-послов США, ФРГ и ЕС позволило выявить, с одной стороны, общие тенденции (постоянное увеличение доли карьерных дипломатов), а с другой – различия (в локализации послов по государствам аккредитации). В заключении обобщены сведения об особенностях состава женщин-дипломатов в каждом из постсоветских государств: исходя из динамики численности, социально-демографических и профессиональных характеристик женщин, занимающих высшие дипломатические должности, выделены три группы государств с различными моделями гендерного представительства на дипломатической службе.

Ключевые слова: гендер, женщины-дипломаты, постсоветские государства, просопографическая база данных, социальный портрет, коллективная биография

© Поршнева О.С., Разинков С.Л., 2023

Для цитирования: Поршнева О.С., Разинков С.Л. Женщины на высших дипломатических должностях в государствах бывшего СССР: опыт создания базы данных // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 57–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-57-75

Women in the highest diplomatic service positions
in the states of the former USSR.
The experience of creating a database

Olga S. Porshneva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, o.s.porshneva@urfu.ru

Sergei L. Razinkov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, s.l.razinkov@urfu.ru

Abstract. The article considers the database technology usage for the analysis of the social portrait and collective biography of women appointed to the highest diplomatic positions by the leadership of the newly independent states on the territory of the former USSR between 1991 and 2021. It gives a description of the structure of the prosopographic database developed by the authors, as well as substantiates the completeness and representativeness of its information. The article also analyzes basic features of the social portrait of women diplomats: the dynamics of their number, basic education, career timing, the ratio between career diplomats and political appointees, the geographical distribution of women ambassadors by accreditation states. Comparison of the results of the analysis of the database information with the socio-demographic characteristics of the female ambassadors of the US, Germany and the EU made it possible, on the one hand, to identify general trends (a constant increase in the proportion of career diplomats) and differences (in the localization of ambassadors by accreditation countries). In conclusion, information is summarized on the characteristics of the composition of women diplomats in each of the post-Soviet states: based on the dynamics of the number, socio-demographic and professional characteristics of women holding senior diplomatic positions, three groups of states with different models of gender representation in the diplomatic service are identified.

Keywords: gender, female diplomats, post-Soviet states, prosopographical database, social portrait, collective biography

For citation: Porshneva, O.S. and Razinkov, S.L. (2023), “Women in the highest diplomatic service positions in the states of the former USSR. The experience of creating a database”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political science. History. International relationships” Series*, no. 1, pp. 57–75, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-57-75

Введение

Обеспечение гендерного равенства, расширение участия женщин в политической деятельности и государственном управлении являются одной из актуальных тенденций современного мирового развития, которая неизбежно влияет на кадровый состав дипломатических служб. Дипломатическая деятельность в последнее столетие уже не рассматривается как традиционная и исключительная прерогатива мужчин, и увеличение числа женщин на высших дипломатических должностях¹ является устойчивой мировой практикой. Однако гендерный дисбаланс в этой сфере по-прежнему сохраняется: так, в 2014 г. в мире мужчины составляли 85% послов, а их доля среди ключевых переговорщиков была еще выше [Aggestam, Towns 2019, pp. 9–10]. При этом доля женщин на высших дипломатических должностях существенно варьируется на национальном уровне, особенно в новых независимых государствах, созданных на территории бывшего СССР. Если в Эстонии, Латвии, Литве, Молдове она составляет 25–40% (превышая среднемировой показатель), то в России не превышает 1% [Воеводина 2021, с. 50].

Ситуацию с гендерным представительством на высших дипломатических должностях в Российской Федерации отечественные исследователи характеризуют как неблагоприятную для женщин, описывая ее метафорами «карьерного лабиринта» в дополнение к «бетонной стене» и «стеклянному потолку» [Воеводина 2021, с. 42]. Это понимание отражает очевидный гендерный дисбаланс и «вертикальную гендерную сегрегацию», при которой «на пути к вершине административной пирамиды количество женщин как в Центральном аппарате, так и в загранучреждениях стремится к нулю» [Воевода, Морозов, Карпов 2018, с. 25]. При этом «государственные награды, присужденные... чиновникам МИД, поблескивают на лацканах мужских пиджаков» [Зонова 2009, с. 98]. Исследователи из других постсоветских государств на основе анализа количественных показателей представительства женщин на высших дипломатических должностях также констатируют

---

¹ Под высшими дипломатическими должностями в контексте данной работы понимаются посты руководителя внешнеполитического ведомства – министра иностранных дел / его заместителей / Чрезвычайного и Полномочного посла, возглавляющего посольство или представительство страны в международной организации / руководителя линейного структурного подразделения Министерства иностранных дел первого уровня иерархии (управление, департамент).

наличие гендерного дисбаланса на национальном уровне. Отмечается, например, что в МИД Украины «декларируемое гендерное равенство не всегда срабатывает на практике» [Захарова, Марценюк 2015, с. 4], а в МИД Литвы «мужчины чаще занимали более высокие должности, их карьерный рост происходил быстрее и они проводили меньше времени на позициях более низкого уровня» [Bleiere 2020, p. 40].

Для объяснения причин сохранения гендерного дисбаланса на дипломатической службе постсоветских государств и выявления тенденций кадрового развития женщин-дипломатов как отдельной профессиональной группы необходимо сочетание качественного и количественного подходов, включая применение междисциплинарных методов научного исследования. При этом важным инструментом анализа социального портрета и изучения коллективной биографии женщин-дипломатов является база данных, содержащая индивидуальные социально-биографические характеристики каждого из членов этой профессиональной группы.

Данный подход можно рассматривать в контексте предложенной К. Аггестам и А. Таунс «новой программы гендерных исследований», направленной на расширение территориальных рамок гендерных исследований в сфере дипломатии за счет обращения к регионам, расположенным за пределами Западной Европы и США, на переход от отдельных тематических описательных работ к систематическим сравнениям, которые позволяют проследить изменение гендерной динамики во времени, и на использование результатов исследований в качестве теоретической основы для трансформации дипломатии [Aggestam, Towns 2019, pp. 23–24].

Просопографическая база данных как источник информации о женщинах-дипломатах

Базы данных, как упорядоченный массив информации из конкретной предметной области, систематизированной для эффективного поиска и выборок, занимают важное место в методологическом инструментарии исторической информатики. Так, М. Таллер называет анализ и классификацию извлеченной из разнообразных источников информации на основе технологии баз данных в качестве одной из ключевых областей применения компьютерных методов в гуманитарных науках [Таллер 2012, с. 8]. Л.Н. Мазур

рассматривает базы данных в качестве эффективного метода систематизации информации, позволяющего в том числе на уровне микроисторического исследования «отразить в совокупности структурно-функциональные и динамические особенности предмета и объекта исследования» [Мазур 2010, с. 48]. Применительно к исследованию социального портрета женщин-дипломатов требуется обращение к просопографическим базам данных, отражающим коллективную биографию определенной социальной, профессиональной или иной группы на основе индивидуальных сведений о ее представителях (социально-биографические данные, трудовая деятельность, культурно-образовательный уровень и т. д.)².

Разработанная авторами просопографическая база данных «Женщины-дипломаты в новых независимых государствах на пространстве бывшего СССР (1991–2022 гг.)» нацелена на реконструкцию социального портрета и коллективной биографии женщин, занимавших и занимающих высшие дипломатические должности во внешнеполитических ведомствах государств на постсоветском пространстве, с одной стороны, как гендерно однородной профессиональной группы и, с другой стороны, как гетерогенной социальной совокупности, различия внутри которой обусловлены особенностями формирования дипломатического корпуса на национально-государственном уровне. Анализ сведений, содержащихся в базе данных, позволит ответить на ряд исследовательских вопросов и выявить важные характеристики социального портрета:

- количество женщин на высших дипломатических должностях (в разрезе государств и во временной динамике);
- соотношение между кадровыми дипломатами и политическими назначенцами;
- территориально-географическое распределение женщин-послов по государствам аккредитации;
- временные характеристики карьерного роста;
- сведения об уровне образования и знании иностранных языков.

База данных реализована в СУБД Microsoft Access и имеет структуру, состоящую из центральной таблицы «Персоны», четырех основных таблиц («Образование», «Карьера», «Ученая степень», «Языки») и четырех вспомогательных таблиц-справоч-

---

² *Verboven K., Carlier M., Dumolyn J.* A short manual to the art of prosopography // *Prosopography approaches and applications. A handbook* / Ed. by K.S.V. Keats-Rohan. Oxford: Prosopographica et Genealogica, 2007. P. 39.

ников, содержащих систематизированную информацию (наименования стран мира и международных организаций, категории дипломатических должностей, группы специальностей по образованию и т. д.), необходимую для упрощения ввода и обработки сведений базы данных.

В таблице «Персоны» содержатся общие биографические сведения о 255 женщинах-дипломатах высокого ранга (ФИО, дата и место рождения, информация о семейном положении и пр.). В таблице «Образование» (435 записей) собрана информация о профессиональном образовании дипломатов, в том числе послевузовском образовании, стажировках и курсах повышения квалификации (наименование учебного заведения, период обучения, специальность и т. д.). В таблице «Карьера» (1955 записей) содержатся сведения о профессиональной деятельности персон как в момент их работы во внешнеполитическом ведомстве, так и в предшествующий/последующий период (занимаемая должность, организация/подразделение, период работы и пр.). В таблице «Ученая степень» (52 записи) содержится информация об ученой степени и годе ее получения. В таблице «Язык» (538 записей) объединены данные об иностранных языках, которыми владеют дипломаты (название языка и уровень владения).

Источниками биографических сведений для базы данных послужили открытые и общедоступные информационные ресурсы: официальные сайты внешнеполитических ведомств; правовые акты, распорядительные документы и пресс-релизы о назначении на должность и освобождении от должности; резюме и *curriculum vitae* дипломатов, размещенные на веб-страницах посольств и международных организаций; материалы в СМИ, в том числе интервью с дипломатами; списки дипломатического корпуса; ежегодники, издаваемые внешнеполитическими ведомствами; страницы дипломатов в Википедии и профессиональных социальных сетях и т. д.

Разнородность источников, ограниченность и противоречивость содержащихся в них сведений сказалась на полноте сведений базы данных, которая существенно варьируется по странам (табл. 1).

Таблица 1

Оценка полноты сведений баз данных

Страна	Кол-во записей (персон) в БД	Из них имеются сведения								Среднее кол-во записей о трудовой деятельности на персону	Индекс полноты
		о возрасте		об образовании		о знании языков		%	чел.		
		чел.	%	чел.	%	чел.	%				
Азербайджан	6	6	100	4	67	2	33	4	0,59		
Армения	10	8	80	7	70	6	60	6	0,66		
Беларусь	8	6	75	6	75	3	38	6	0,59		
Грузия	24	23	96	23	96	17	71	8	0,83		
Казахстан	9	9	100	9	100	9	100	11	0,99		
Кыргызстан	19	19	100	16	84	16	84	9	0,86		
Латвия	32	20	63	27	84	24	75	10	0,76		
Литва	30	26	87	30	100	19	63	12	0,88		
Молдова	15	11	73	7	47	8	53	5	0,54		
Россия	7	7	100	7	100	4	57	7	0,79		
Туркменистан	2	1	50	2	100	1	50	8	0,67		
Узбекистан	4	4	100	3	75	0	0	3	0,50		
Украина	25	25	100	25	100	20	80	9	0,89		
Эстония	34	30	88	33	97	24	71	10	0,84		
	225	195	87	199	88	153	68	9	0,80		

Таблица 2

Количество женщин-послов по сведениям базы данных (БД) и статистическим данным Европейской экономической комиссии ООН (UNECE)³

Страна	1995 г.			2000 г.			2006 г.			2012 г.			2015 г.			2019 г.		
	БД		UNECE	БД		UNECE	БД		UNECE	БД		UNECE	БД		UNECE	БД		UNECE
	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*	чел.	%*
Армения	-	-	1	-	1	2,8	2	5,0	3	7,5	3	7,5	7	-	-	-	-	-
Беларусь	1	-	2	-	5	8,7	4	6,3	3	4	7,0	4	7,0	1	-	-	-	-
Грузия	-	-	2	9,1	5	14,3	3	8,6	5	10,7	10	11,7	7	11,7	7	11,7	7	11,7
Казахстан	1	3	13,0	8,7	2	-	2	3,8	1	1,7	4	6,2	4	6,2	4	6,2	4	6,2
Латвия	4	7	24,1	28,2	9	15	28,8	13	16	28,1	12	19	32,2	19	19	32,2	19	32,2
Литва	2	3	7,5	6,5	7	7	16,3	11	12	20,7	13	15	27,3	15	16	27,1	16	27,1
Молдова	-	-	-	-	4	5	20,8	2	1	3,7	6	4	13,3	7	9	28,1	9	28,1
Украина	-	-	1	-	2	3	3,0	4	2	1,5	4	-	-	-	-	-	-	-
Эстония	2	2	11,8	11,1	12	10	23,8	9	11	26,8	9	9	20,9	20	16	40,0	16	40,0

* В графе % приведена справочная информация о доле женщин среди послов в министерстве иностранных дел страны.

³ Источник: Ambassadors by sex // UNECE Statistical Database. URL: https://w3.unece.org/PXWeb2015/prxweb/en/STAT/STAT_30-GE_05-PublicAnddecision/ZZZ_en_GEPDAmbassadors_r_px/table/tableViewLayout1/ (дата обращения 28 декабря 2022).

Репрезентативность базы данных также имеет важное значение для просопографического исследования, представляющего собой попытку преодолеть опасность порождения выводов на основе отдельных случаев и создания обобщений из нескольких красноречивых примеров. В табл. 2 приведены результаты оценки репрезентативности на основе сравнения сведений со статистическими данными о количестве женщин-послов по отдельным странам и временным периодам.

Случаи несоответствия сведений о количестве женщин-дипломатов на должности послов, содержащихся в БД и статистических данных UNECE, по нашему мнению, могут быть объяснены как ограниченностью и неполнотой источниковой базы БД по отдельным странам (особенно для первой половины изучаемого периода), так и качеством статистических данных.

Тем не менее приведенные результаты верификации содержания просопографической базы данных позволили сделать вывод о том, что БД обладает достаточной степенью полноты и репрезентативности для исследования социального портрета женщин-дипломатов постсоветских государств.

Анализ отдельных показателей социального портрета женщин-дипломатов

Сведения базы данных позволяют реконструировать или уточнить динамику численности женщин-дипломатов, полученное ими базовое образование, временные характеристики карьерного роста (например, возраст назначения на высшую дипломатическую должность), соотношение между карьерными дипломатами и политическими назначенцами, территориально-географическое распределение по государствам аккредитации и т. д. В базе данных представлена информация о 225 женщинах на высших дипломатических должностях в министерствах иностранных дел новых независимых государств на территории бывшего СССР, из которых 214 чел. занимали должность посла, 3 и 2 чел. являлись соответственно министром и замминистра иностранных дел (не имея опыта работы на других высших дипломатических должностях), и для 6 чел. высшей точкой дипломатической карьеры стало руководство департаментом в центральном аппарате МИД. Некоторые характеристики социального портрета женщин-дипломатов по странам приведены в табл. 3.

Таблица 3

Характеристики социального портрета
женщин-дипломатов государств бывшего СССР
по материалам базы данных

Страна	Всего, чел.	Доля кадровых дипломатов, %*	Доля политических назначенцев, %**	Средний возраст назначения на высшую дипломатическую должность, лет**	Доля женщин-послов, назначенных в страны G20 и ООН, %***
Азербайджан	6	50	50	50,3	25
Армения	10	80	20	44,1	42
Беларусь	8	63	38	46,8	24
Грузия	24	33	67	45,0	35
Казахстан	9	56	44	47,4	36
Кыргызстан	19	45	55	46,4	51
Латвия	32	84	16	43,8	19
Литва	30	80	20	47,5	23
Молдова	15	53	47	42,9	48
Россия	7	50	50	49,7	8
Туркменистан	2	25	75	52,5	38
Узбекистан	4	63	38	37,7	0
Украина	25	72	28	46,3	14
Эстония	34	87	13	43,4	23
	226	67	33		

* При определении доли кадровых дипломатов и политических назначенцев допускалось соотношение 0,5/0,5.

** Рассчитан только для женщин-послов (214 чел.).

*** Рассчитана с учетом возможности совмещения должности посла в нескольких странах или международных организациях; учитывались отделения ООН в Нью-Йорке, Вене и Женеве.

Численность женщин-дипломатов на высших дипломатических должностях

Анализ сведений базы данных о количестве женщин – руководителей дипломатических миссий иллюстрирует три модели изменения динамики численности женщин-послов новых независимых государств на территории бывшего СССР в период 1991–2021 гг.: для стран из первой группы (Россия, Беларусь и государства Центральной Азии) характерно сохранение стабильных по времени и незначительных по численности показателей (рис. 1); в государствах Южного Кавказа (в первую очередь Грузии и Армении) наблюдается значительное увеличение числа женщин-послов с начала 2000-х гг. (рис. 2); для Украины, Молдовы и стран Балтии наиболее показателен непрерывно высокий прирост показателей численности (рис. 3), что объясняется различными начальными условиями для создания дипломатической службы и практиками ее развития.

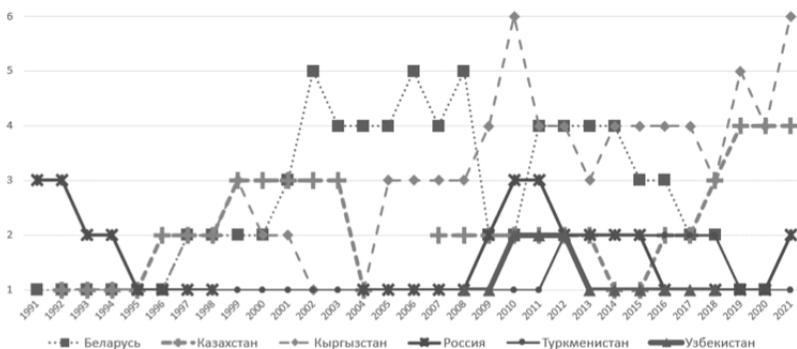

Рис. 1. Количество женщин-послов России, Беларуси и государств Центральной Азии в 1991–2021 гг. по материалам базы данных

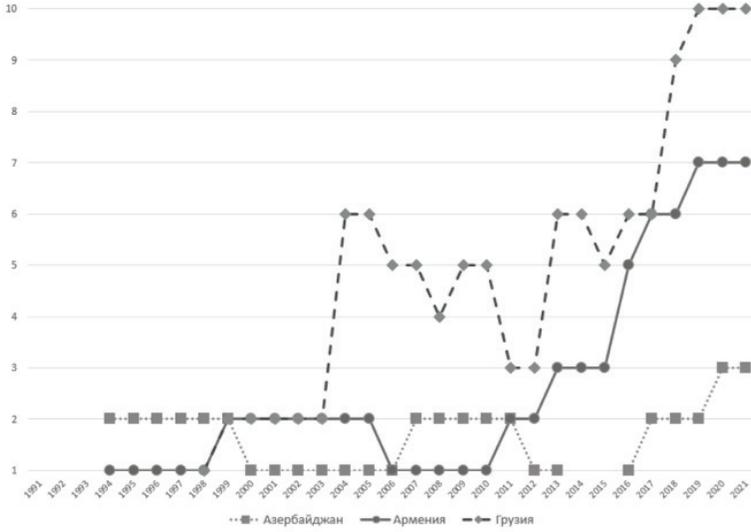

Рис. 2. Количество женщин-послов государств Южного Кавказа в 1991–2021 гг. по материалам базы данных

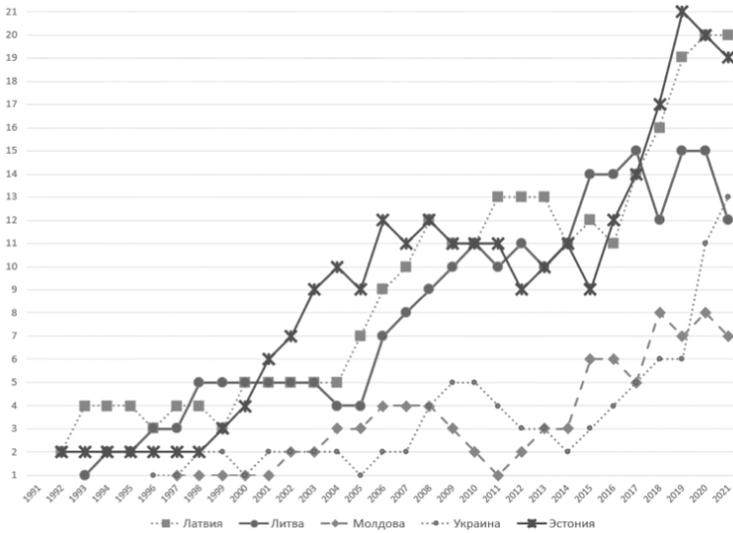

Рис. 3. Количество женщин-послов Украины, Молдовы и Балтийских государств в 1991–2021 гг. по материалам базы данных

Образование

Анализ 327 записей базы данных о высшем профессиональном образовании женщин-дипломатов (без учета курсов повышения квалификации и профессиональных стажировок) показывает, что образование в области международных отношений получили 29% дипломатов, филологическое – 22, юридическое – 13, экономическое – 12, естественно-научное – 6, в сфере государственного управления – 4, историческое – 4, психолого-педагогическое – 3, в области философии и общественных наук – 3, журналистики, коммуникации и PR – 2, в сфере искусства – 2%. Показатели образования на уровне конкретных государств во многом связаны с хронологическим периодом (последовательное увеличение количества дипломатов, имеющих диплом в сфере международных отношений) и соотношением между кадровыми дипломатами и политическими назначенцами.

Временные характеристики профессиональной карьеры

Анализ материалов базы данных показывает, что средний возраст назначения женщин-дипломатов на должность посла составляет 45,4 года, однако этот показатель существенно варьируется в зависимости от страны и хронологического периода. Например, в 1990-е гг. в МИД многих постсоветских государств существовала общая практика назначения на должность послов преимущественно молодых кандидатов (даже в возрасте 29–35 лет), что объяснялось дефицитом кадров с опытом дипломатической работы [Мосаки 216, с. 146]. В последующие периоды для некоторых государств (Эстония, Литва, Молдова, Латвия) характерно увеличение показателя среднего возраста назначения на должность посла и замедление карьеры женщины-дипломата (в сравнении с мужчинами). Так, в Эстонии в 1990-е гг. женщине-дипломату требовалось 7 лет работы на дипломатической службе перед назначением на должность посла, в то время как для мужчин среднее время составляло 4 года, в 2000-е гг. соотношение сохранялось (9–10 лет для женщин по сравнению со сроком 5–8 лет для мужчин) [Bleiere 2020, pp. 41–42].

Кадровые дипломаты и политические назначенцы

Применительно к дипломатической службе США исследователи отмечают, что если общее соотношение между послами – политическими назначенцами и карьерными дипломатами – на протяжении последних 60 лет остается практически неизменным и составляет пропорцию 30/70 [Scoville 2019, p. 89], то доля карьерных дипломатов среди женщин-послов (по сравнению с политическими назначенцами) постоянно увеличивается – с 35% в 1990 г. до 85% в 2018 г.⁴ Результаты анализа сведений базы данных подтверждают тенденцию к увеличению доли кадровых дипломатов среди женщин, назначенных главами дипломатических представительств руководством новых независимых государств, возникших на территории бывшего СССР (рис. 4), при этом соотношение кадровых дипломатов и политических назначенцев существенно различается на уровне конкретного государства (см. табл. 3).

Рис. 4. Соотношение женщин –
кадровых дипломатов и политических назначенцев –
на высших дипломатических должностях
в постсоветских государствах, чел.

⁴ Schiemichen L. Madam ambassador. A statistical comparison of female ambassadors across the U.S., German, and EU Foreign Services // EU Diplomacy Papers. 3/2019. College of Europe, Bruges, 2019. P. 22.

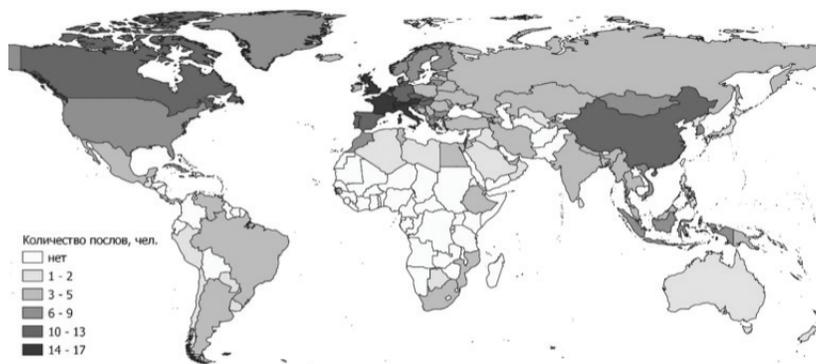
Однако в конкретных случаях зачастую сложно однозначно отнести конкретную персону к одной из указанных категорий. Так, например, в карьере Элеоноры Митрофановой до ее назначения первым заместителем министра иностранных дел (2003–2004 гг.) и послом Российской Федерации в Болгарии (с 2021 г.) прослеживаются черты, присущие как карьерному дипломату (базовое образование в МГИМО, владение несколькими иностранными языками, опыт работы в ЮНЕСКО), так и, в большей степени, политическому назначенцу (отсутствие опыта последовательного прохождения всех уровней дипломатических должностей, активная политическая деятельность в высших органах государственной власти, связи в руководстве ЛДПР). При анализе карьеры директора департамента информации и печати МИД России М.В. Захаровой некоторые исследователи отмечают, что «назвать ее кадровым дипломатом довольно сложно» [Воеводина 2021, с. 46].

По нашему мнению, для более точной оценки средствами просопографической БД соотношения между карьерными дипломатами и политическими назначенцами целесообразно не бинарное отнесение персоны к одной из указанных категорий, а использование соответствующих индексов «дипломатической карьеры» и «политического влияния», полученных на основе ряда метрик и изменяющихся в диапазоне от 0 до 1. По аналогии с индикаторами оценки профессиональности дипломата, представленными Р. Сковиллем (знание соответствующих иностранных языков, знание страны пребывания, опыт участия во внешней политике, управленческий опыт) [Scoville 2019, p. 104–139], в качестве дальнейшей перспективы исследования нами предложен ряд адаптированных к структуре и содержанию базы данных метрик для расчета индексов дипломатической карьеры и политического влияния:

<i>Метрики индекса дипломатической карьеры</i>	<i>Метрики индекса политического влияния</i>
1. Наличие базового образования в сфере международных отношений	1. Продолжительная политическая карьера
2. Последовательное прохождение с нижнего уровня всех ступеней дипломатической карьеры	2. Избрание в высший представительный орган или нахождение на руководящих должностях в правительстве страны до назначения в МИД
3. Соразмерное соотношение времени работы в дипломатических представительствах за рубежом с деятельностью в центральном аппарате МИД	3. Высокая частота упоминания в СМИ до назначения в МИД
4. Владение иностранными языками	

Территориально-географическое распределение послов по государствам аккредитации

Западная практика территориального распределения женщин-послов показывает, что они максимально представлены в небольших государствах Африки и Микронезии, республиках бывших СССР и Югославии, а также международных организациях (ЮНЕСКО, ОЭСР, ООН, ОЗХО), но практически не назначаются в стратегически важные государства G20⁵. В случае с женщинами-послами постсоветских государств наблюдается во многом противоположная картина (рис. 5) – в 1991–2021 гг. они были назначены в 106 государств (включая государствоподобное образование – Мальтийский орден и Косово, независимость которого не признали большинство стран мира) и 19 международных организаций, при этом максимально были представлены в государствах Европейского союза, США, Канаде и Китае.

Рис. 5. Распределение женщин-послов государств бывшего СССР по странам мира в 1991–2021 гг. (с учетом совмещения должности посла в нескольких странах)

Заключение

Просопографическая база данных может стать эффективным инструментом исследования социального портрета и коллективной биографии женщин-дипломатов, как гендерно однородной

⁵ Ibid. P. 13–18.

профессиональной группы, так и национально разнородной социальной совокупности.

Женщины на высших дипломатических должностях, представляющие независимые государства, образовавшиеся после распада СССР, с точки зрения основных социально-биографических характеристик во многом схожи со своими западными коллегами – представляют собой элитную социально-профессиональную группу, состоящую преимущественно из уроженок крупных городов (часто – столиц), получивших, как правило, углубленное школьное образование в области иностранных языков, высшее образование в сфере международных отношений (либо в связанных сферах международной экономики или права) в отечественном вузе с последующим обучением или стажировкой в иностранном университете; зачастую являются кадровыми дипломатами, последовательно прошедшими все уровни карьеры в центральном аппарате МИД и зарубежных учреждениях.

Национально-государственная специфика социального портрета женщин на высших дипломатических должностях может быть отражена посредством трех моделей: 1) государство с неизменным во времени и незначительным числом женщин-дипломатов, среди которых велика доля политических назначенцев, направляемых послами во второстепенные для национальных интересов страны государства и международные организации (типично для России); 2) государство, в котором количество женщин-дипломатов имеет тенденцию увеличиваться со временем, однако в определенные периоды может снижаться под влиянием результатов выборов, соотношение между кадровыми дипломатами и политическими назначенцами сохраняется на примерно равном уровне, высока доля женщин-послов в стратегически важных странах и международных организациях (характерный образец – Грузия); 3) страна, где доля женщин-дипломатов значительна и стабильно увеличивается со временем, большинство из них являются кадровыми дипломатами, владеют тремя и более иностранными языками и в своей деятельности ориентируются на западный образовательный бэкграунд и дипломатическую практику (показательны Эстония, Латвия, Литва). Остальные независимые государства, образовавшиеся после распада СССР, могут быть отнесены с существенными оговорками к одной из упомянутых моделей либо образуют переходные типы, демонстрируя часть характерных черт нескольких моделей.

Литература

- Воевода, Морозов, Карпов 2018 – *Воевода Е.В., Морозов В.М., Карпов В.В.* Женщины-дипломаты в России: к вопросу о гендерном дисбалансе // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 24–35. DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.3.
- Воеводина 2021 – *Воеводина Л.Н.* Гендерный дисбаланс на дипломатической службе Российской Федерации: Карьерный лабиринт к дипломатическому рангу чрезвычайного и полномочного посла // *Наука, общество, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты*. Пенза, 2021. С. 41–73.
- Зонова 2009 – *Зонова Т.В.* Гендерный фактор в политике и дипломатии // *Международные процессы*. 2009. Т. 7. № 20. С. 94–100.
- Мазур 2010 – *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования: Учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.
- Мосаки 2016 – *Мосаки Н.* Особенности дипломатической элиты Грузии // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 2. С. 141–162. DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/11.
- Таллер 2012 – *Таллер М.* Дискуссии вокруг Digital Humanities // *Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании*. 2012. № 1. С. 5–13.
- Захарова, Марценюк 2015 – *Захарова О., Марценюк Т.* Гендерні особливості дипломатичної служби в Україні та у світі. Київ: МЦПД, 2015. 52 с.
- Aggestam, Towns 2019 – *Aggestam K., Towns A.* The gender turn in diplomacy. A new research agenda // *International Feminist Journal of Politics*. 2019. Vol. 21. Iss. 1. P. 9–28. DOI: 10.1080/14616742.2018.1483206.
- Bleiere 2020 – *Bleiere D.* Sievietes atjaunotās Latvijas ārējā un drošības politikā 1990. gados: ārlietu dienests // *Sievietes Latvijas ārpolitikā un drošības politikā / red. A. Sprūds, E. Vizgunova*. Rīga: Latvijas Ārpolitikas institūts, 2020. Lpp. 27–60.
- Scoville 2019 – *Scoville R.* Unqualified ambassadors // *Duke Law Journal*. Vol. 69. No. 1. P. 71–196.

References

- Aggestam, K. and Towns, A. (2019), “The gender turn in diplomacy. A new research agenda”, *International Feminist Journal of Politics*, vol. 21, iss. 1, pp. 9–28.
- Bleiere, D. (2020), “Sievietes atjaunotās Latvijas ārējā un drošības politikā 1990. gados: ārlietu dienests” [Women in the foreign and security policy of a renewed Latvia in the 1990s. Foreign service], in Spruds, A. and Vizgunova, E. (ed.), *Sievietes Latvijas ārpolitikā un drošības politikā* [Women in Latvian politics and security policy], Rīga, Latvia, pp. 27–60.
- Mazur, L.N. (2010), *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research], Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

- Mosaki, N. (2016), "Specifics of Georgia's diplomatic elite", *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)*, vol. 14, no. 2, pp. 141–162.
- Scoville, R. (2019), "Unqualified ambassadors", *Duke Law Journal*, vol. 69, no. 1, pp. 71–196.
- Thaller, M. (2012), "Discussions around Digital Humanities", *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*, no. 1, pp. 5–13.
- Voevoda, E.V., Morozov, V.M. and Karpov, V.V. (2018), "Women diplomats in Russia. On the issue of gender imbalance", *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 24–35.
- Voevodina, L.N. (2021), "Gender imbalance in the diplomatic service of the Russian Federation. Career labyrinth to the diplomatic rank of ambassador extraordinary and plenipotentiary", in *Nauka, obshchestvo, innovatsii: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty* [Science, society, innovation. Current issues and modern aspects], Penza, Russia, pp. 41–73.
- Zaharova, O. and Martsenyuk, T. (2015), *Genderni osoblivosti diplomatichnoï sluzhbi v Ukraini ta u sviti* [Gender features of the diplomatic service in Ukraine and in the world], Mizhnarodnii tsentr perspektivnikh doslidzhen', Kyiv, Ukraine.
- Zonova, T.V. (2009), "Gender factor in politics and diplomacy", *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)*, vol. 7, no. 20, pp. 94–100.

Информация об авторах

Ольга С. Поршнева, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; o.s.porshneva@urfu.ru

Сергей Л. Разинков, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; s.l.razinkov@urfu.ru

Information about the authors

Olga S. Porshneva, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 19, Mira Av., 620002, Ekaterinburg, Russia; o.s.porshneva@urfu.ru

Sergei L. Razinkov, associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 19, Mira Av., 620002, Ekaterinburg, Russia; s.l.razinkov@urfu.ru

Казусы формирования экологической истории и экологической антропологии в России: о непохожей судьбе иностранных терминов

Даниил В. Пузанов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН,
Ижевск, Россия, lpdmor@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ процессов приспособления сформировавшихся в США дисциплин (“ecological anthropology”, “environmental history”) к отечественной этнографии и истории соответственно. Попытку институционально оформить особую науку, находящуюся на границе предметных полей экологии и этнографии, первым предпринял еще в начале 1980-х гг. В.И. Козлов. В результате его активных действий за обширной областью, изучающей смежные с экологией и этнографией проблемы, закрепилось название «этническая экология». Дословный перевод «экологическая антропология» и «этно-экология» (в том значении, в котором термин используется на Западе) в России обычно применяется только при описании зарубежной традиции.

При формировании отечественной экологической истории наблюдался прямой перенос зарубежной традиции на российскую почву, поддержанный активностью иностранных институций. Поэтому проблема конструирования названия новой для России дисциплины в большей мере связывается с вопросом перевода “environmental history”.

Анализ двух противоположных путей институционализации новых научных направлений позволяет по-новому взглянуть на вопросы национальных особенностей общей предметной структуры социального и гуманитарного знания и роль субъективного фактора в формировании научных традиций.

Ключевые слова: экологическая история, история окружающей среды, этноэкология, социальная антропология, экологическая этнография, экология человека, терминология

Для цитирования: Пузанов Д.В. Казусы формирования экологической истории и экологической антропологии в России: о непохожей судьбе иностранных терминов // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 76–84. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-76-84

Incidents of the formation of environmental history and ecological anthropology in Russia. On the dissimilar fate of foreign terms

Daniil V. Puzanov

*Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia, lpdmor@gmail.com*

Abstract. The article provides a comparative analysis of the processes of adapting of the disciplines formed in the USA (“ecological anthropology”, “environmental history”) to national ethnography and history, respectively. In the early 1980s V.I. Kozlov was the first to attempt institutionalizing a special science that is on the border of the subject fields of ecology and ethnography. As a result of his active actions, the name “ethnic ecology” was fixed for a vast field studying questions related to ecology and ethnography. The literal translation of “ecological anthropology” and “ethnoecology” (in the meaning in which the term is used in the West) in Russia is usually used only when describing a foreign tradition.

During the formation of the national ecological history, there was a direct transfer of the foreign tradition to the Russian soil, supported by the activity of foreign institutions. Therefore, the issue of constructing the name for a new discipline in Russia is more connected with the question of translating “environmental history”.

The analysis of two opposite ways of institutionalization of new scientific directions allows us to take a fresh look at the issues of national specifics of the general subject structure of social and humanitarian knowledge and the role of the subjective factor in the formation of scientific traditions.

Keywords: ecological history, environmental history, ethnoecology, social anthropology, ecological ethnography, human ecology, terminology

For citation: Puzanov, D.V. (2023), “Incidents of the formation of environmental history and ecological anthropology in Russia. On the dissimilar fate of foreign terms”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 76–84, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-76-84

История и этнография, несмотря на разницу зарубежной (где социальная антропология имеет тесные связи с социологией) и отечественной (в которой этнологию причисляют к историческим дисциплинам) классификаций, в обеих традициях плотно взаимосвязаны. С усилением интереса мировой общественной среды к вопросам экологии становится актуальной проблема истории

формирования экологической проблематики в социогуманитарной сфере, в том числе и в истории и этнографии. Приобщение историков и этнографов к проблеме изучения окружающей среды шло разными путями, проходило разные этапы, но в обоих случаях речь идет о неисчисляемом объеме литературы.

Вызовом отечественной научной традиции стала проблема примирения мировых исследовательских трендов с традиционными для нашей страны направлениями. Российские история и этнография в этом отношении демонстрируют уникальный пример разных путей развития. Преднамеренные попытки сформировать пограничную дисциплину между экологией человека и этнографией начались еще в СССР в начале 80-х гг. К тому времени в США уже давно существовало крупное научное направление под названием “ecological anthropology” (в некоторых работах [Townsend 2000] ту же дисциплину называют “environmental anthropology”), которое в отечественных исследованиях переводилось дословно как «экологическая антропология». Тем не менее просто перевести и приспособить данный термин к советской науке было трудно. Антропология воспринималась в Советском Союзе как естественно-научная дисциплина, в то время как предметное поле социальной антропологии преимущественно принадлежало этнографии/этнологии. Выход был найден в конструировании названия, которое соответствовало бы отечественной традиции наименования пограничных дисциплин. Так родилась «этническая экология» – направление, которое в зависимости от контекста либо воспринимали как синоним зарубежной экологической антропологии, либо противопоставляли друг другу оба понятия, подчеркивая разницу иностранной (прежде всего американской) и отечественной традиций.

В начале 80-х гг. В.И. Козлов [Козлов 1983, с. 3, 7] писал об этнической экологии (этноэкологии) как о возникающей в данный момент дисциплине и, кажется, был уверен, что вводит новый термин. О существовании «экологической антропологии» исследователь знал, но неправоммерно сужал ее предметные рамки [Козлов 1983, с. 6–8]. В данной статье отсутствуют признаки знакомства автора с термином “ethnoecology”, который за рубежом обозначает как дисциплину, изучающую натуралистические представления этнических сообществ, так и само обозначение этих этнических представлений. Ко времени написания работы эта этноэкология уже не просто имела давнюю историю развития, но и активно перестраивала свою прежнюю методологическую базу [Milton 1997, p. 485]. В статье 1983 г. В.И. Козлов еще не предлагал термин «этническая экология» в качестве своеобразного адаптированного перевода “ecological anthropology”. Но тенденция к отождествле-

нию двух дисциплин (при признании отличий национальных традиций) возникает у исследователя к концу 80-х гг. Вернее сказать, что В.И. Козлов вместе с соавторами последовательно переводил “ecological anthropology” в адаптированном для советской традиции виде — как «экологическая этнография» [Козлов, Ямсков 1989, с. 86]. Но сами историографические обзоры, в которых речь велась преимущественно о западной традиции, содержали в названии именно «этническая экология». В работах этого периода В.И. Козлов демонстрирует превосходное знание многообразия направлений зарубежной экологической антропологии. Этноэкология как наука о мировоззрении рассматривается здесь как одно из направлений экологической этнографии [Козлов, Ямсков 1989, с. 94]. В начале 90-х гг. В.И. Козлов [Козлов 1994, с. 97–119] стал более последовательно связывать экологическую антропологию с советской этнической экологией. При этом исследователь отмечал, что круг вопросов, интересовавших отечественных специалистов, сближал их скорее с американской культурной географией [Козлов 1994, с. 112].

На протяжении всех этапов эволюции своих взглядов В.И. Козлов продолжал активно пропагандировать свое понимание термина «этноэкология». Эти усилия не прошли даром, и именно в таком виде, как своеобразный адаптированный аналог экологической антропологии данное понятие и закрепилось в России. Дословный перевод «экологическая антропология», как и «этноэкология» в американском понимании, обычно используется исключительно в историографических работах, посвященных зарубежной науке. Хотя само по себе существование двух идентичных терминов из параллельных традиций, конечно, обращало на себя внимание советских исследователей. Например, И.И. Крупник предложил использовать для обозначения науки об этноэкологическом мировоззрении термин «народная экология» [Крупник 1989, с. 13–14].

Из исторических дисциплин в России, возникающих на стыке с экологией, наибольшую популярность в последнее время приобретает экологическая история. В отличие от этноэкологии здесь наблюдается прямой перенос сложившихся на Западе традиций на российскую почву. Отечественные экологические историки работают в тесной кооперации с зарубежными научными институтами, на что уже обращали внимание историографы [Lajus 2017; Moon 2017, pp. 49–50].

В институциональном плане современная «экологическая история» представляет собой активно воспроизводящую свою идентичность дисциплину, настроенную на экспансию. Возможно, с этим связано то обстоятельство, что один из основных «пропагандистов»

направления – Д.Р. МакНилл [МакНилл 2008, с. 24, 29–30] дал ему максимально широкое определение. Фактически «экологическая история» в таком понимании ограничивается только природно-средовой проблематикой и общими традициями исторической науки, ориентированной преимущественно на изучение письменных документов. Возникнув в США, “environmental history” осуществила довольно быструю экспансию в научные структуры других стран, в числе которых оказалась и постсоветская Россия. Эти процессы породили ряд проблем и дискуссий.

Разошлись взгляды на то, как воспринимать сам вопрос проникновения экологической истории на российскую почву: тематически или институционально. В первом случае отечественные экологоцентричные направления (особенно историческая география, история природных ресурсов, социоестественная история) изучались как предшественники либо составная часть российской экологической истории [Калимуллин 2006, с. 18, 30; Дурновцев 2014; Дурновцев 2019, с. 26]. Исследователи, рассматривающие проблему с институциональных позиций, напротив, отмечают крайне слабое развитие в нашей стране экологической истории [Lajus 2017, p. 627; Мягков, Недашковская 2018, с. 442]. Представляет определенный интерес попытка Г.П. Мягкова и Н.И. Недашковской [Мягков, Недашковская 2018, с. 442] связать вопросы институализации экологической истории в России с особенностями развития отечественной исторической географии и ее положением в общей структуре гуманитарных и социальных наук.

Если проблемы перевода на русский язык “ecological anthropology” были связаны прежде всего с расхождениями в представлениях о предметных границах крупных направлений в науке, то в экологической истории в центре внимания оказался вопрос корректного и удобного перевода “environmental history”. Наиболее распространенный в настоящий момент перевод «экологическая история» утверждается уже в современной России (в конце 80-х гг. данный термин использовался без привязки к этой американской дисциплине [Круть, Забелин 1988, с. 12; Альтшулер, Мнацаканян 1989, с. 99–100]). Довольно активную попытку оспорить такое обозначение в последнее время предпринимает В.И. Дурновцев, считающий, что дословный перевод «история окружающей среды» уместнее. Исследователь отмечает и некоторую путаницу, которая может возникнуть в связи с тем, что на Западе “ecological history” в свое время воспринимался как синоним другой дисциплины – «исторической экологии» [Дурновцев 2014, с. 60–61]. В то же время в некоторых своих работах В.И. Дурновцев [Дурновцев 2019] явно преувеличивает значение названия для определения содержания

дисциплины. При этом исследователь вынужден считаться со сложившейся традицией и довольно активно использовать термин «экологическая история», в том числе и в названиях своих работ. Косвенно это может способствовать закреплению устоявшейся традиции.

Когда исследователи пытаются обосновать целесообразность того или иного термина, они обычно демонстрируют свое представление о тех акцентах, которые уместно расставить, собственный взгляд на семантические поля как отечественных, так и зарубежных слов, правила образований слов и словосочетаний (в том числе и в рамках научной традиции) и т. д. Но на практике успех того или иного названия, по всей видимости, зависит не столько от глубокой теоретической истины или вопросов лингвистической корректности, сколько от организационных проблем и субъективных факторов. Удобство употребления термина, его краткость, стратегии продвижения и частота употребления в популярных источниках могут оказаться решающими.

И в то же время едва ли стоит игнорировать общие тенденции распределения предметных полей гуманитарных наук в разных национальных традициях. В рамках исторической дисциплины эти проблемы не так очевидны, как в этнографии. Но едва ли случайным является то, что советские историки, так же как и этнографы, интересуясь близкой к экологии проблематикой, часто тяготели к географии. И эти тенденции в отдельных направлениях этих наук можно проследить до сих пор. С другой стороны, попытка формирования крупной дисциплины, находящейся на стыке с экологией (в первую очередь экологией человека) в отечественной истории, так же как и в отечественной этнографии, испытывает трудности. Несмотря на все институциональные достижения этноэкологии и экологической истории, они по-прежнему имеют успех только в отдельных научных центрах, а не в масштабах страны [Томилов 2009, с. 220; Lajus 2017, pp. 628–629]. И едва ли случайно то, что попытка обратить внимание именно на экологический и средовой аспекты взаимодействия культуры и природы вынуждают историков и этнологов обращаться прежде всего к науке США.

Литература

Альтшулер, Мнацаканян 1989 – *Альтшулер И.А., Мнацаканян Р.А.* К вопросу об экологической истории СССР // Русский космизм и ноосфера: Тезисы доклада Всероссийской конференции. М., 1989. Ч. 1. С. 99–101.

- Дурновцев 2014 – *Дурновцев В.И.* Экологическая история как научно-образовательный проект для гуманитарного университета // Экологическая история России: этапы становления и перспективные направления исследований: Материалы Международной научной конференции (Елабуга, 13–15 ноября 2014 г.). Елабуга: Изд. Яковлева Наталия Андреевна, 2014. С. 49–67.
- Дурновцев 2019 – *Дурновцев В.И.* Российская экологическая история (environmental history): штрихи к недорисованному портрету // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Вып. 1. М., 2019. С. 17–31.
- Калимуллин 2006 – *Калимуллин А.М.* Историческое исследование региональных экологических проблем. М.: Прометей, 2006. 368 с.
- Козлов 1983 – *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3–16.
- Козлов 1994 – *Козлов В.И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994. С. 97–119.
- Козлов, Ямсков 1989 – *Козлов В.И., Ямсков А.Н.* Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989. С. 86–107.
- Крупник 1989 – *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Круть, Забелин 1988 – *Круть И.В., Забелин И.М.* Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М.: Наука, 1988. 414 с.
- МакНилл 2008 – *МакНилл Д.Р.* О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история / Под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. СПб.: Алетейя, 2008. С. 23–83.
- Мягков, Недашковская 2018 – *Мягков Г.П., Недашковская Н.И.* От географического детерминизма к экологической истории: гуманитарии в преддверии нового «поворота» // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Материалы Всероссийской научной конференции (Чебоксары, 14–15 мая 2018 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 436–444.
- Томилов 2009 – *Томилов Н.А.* Этническая экология и традиционно-бытовая культура // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3 (64). С. 219–224.
- Lajus 2017 – *Lajus J.* Environmental history in Russia and about Russia // Environment and History. 2017. № 23. P. 627–630.
- Milton 1997 – *Milton K.* Ecologies: anthropology, culture and the environment // International Social Sciences Journal. 1997. Vol. 49. Iss. 154. December. P. 477–495.
- Moon 2017 – *Moon D.* The Curious case of the marginalisation or distortion of Russian and Soviet environmental history in global environmental histories // International Review of Environmental History. 2017. Vol. 3. Iss. 2. P. 31–50.
- Townsend 2000 – *Townsend P.K.* Environmental anthropology. From pigs to policies. Long Grove: Waveland Press Inc, 2000. VII, 119 p.

References

- Altshuler, I.A. and Mnatsakanyan, R.A. (1989), "On the question of the environmental history of the USSR", in *Russkii kosmizm i noosfera: tezisy dokladov Vserossiiskoi konferentsii* [Russian cosmism and the noosphere. Abstracts of reports of the All-Russian Conference], Moscow, 1989, part 1, Moscow, Russia, pp. 99–101.
- Durnovtsev, V.I. (2014), "Environmental history as a scientific and educational project for the humanities university", in *Ekologicheskaya istoriya Rossii: etapy stanovleniya i perspektivnye napravleniya issledovaniy* [Environmental history of Russia. Stages of formation and promising areas of research. Proceedings of the International Scientific Conference (Yelabuga, November 13–15, 2014)], Izdatel' Yakovleva Nataliya Andreevna, Yelabuga, Russia, pp. 49–67.
- Durnovtsev, V.I. (2019), "Russian ekologicheskaya istoriya (environmental history). Touches to an unfinished portrait", in *Problemy ekologicheskoi istorii / istorii ok-ruzhayushchei sredy* [Issues of ecological history / environmental history], issue 1, Moscow, Russia, pp. 17–31.
- Kalimullin, A.M. (2006), *Istoricheskoe issledovanie regional'nykh ekologicheskikh problem* [Historical study of regional environmental issues], Prometei, Moscow, Russia.
- Kozlov, V.I. (1983), "The principal questions of ethnic ecology", *Sovetskaya Etnografiya*, no. 1, pp. 3–16.
- Kozlov, V.I. (1994), *Etnicheskaya ekologiya: stanovlenie distsipliny i istoriya problem* [Ethnic ecology. The formation of discipline and the background of issues], Moscow, Russia.
- Kozlov, V.I. and Yamskov, A.N. (1989), "Etnicheskaya ekologiya" [Ethnic ecology], in *Etnologiya v SShA i Kanade* [Ethnology in the USA and Canada], Nauka, Moscow, USSR, pp. 86–107.
- Krupnik, I.I. (1989), *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethno-ecology], Nauka, Moscow, USSR.
- Krut', I.V. and Zabelin, I.M. (1988), *Ocherki istorii predstavlenii o vzaimootnoshenii prirody i obshchestva* [Essays on the history of ideas about the relationship between nature and society], Nauka, Moscow, USSR.
- Lajus, J. (2017), "Environmental history in Russia and about Russia", *Environment and History*, no. 23, pp. 627–630.
- MakNill, D.R. (2008), "Observations on the nature and culture of environmental historyI", in Aleksandrov, D., Bryuggemaier, F.-I. and Lajus, Yu (eds.), *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya* [Human and nature. Environmental history], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 23–83.
- Milton, K. (1997), "Ecologies: anthropology, culture and the environment", *International Social Sciences Journal*, vol. 49, iss. 154, December, pp. 477–495.
- Moon, D. (2017), "The Curious case of the marginalisation or distortion of Russian and Soviet environmental history in global environmental histories", *International Review of Environmental History*, vol. 3, iss. 2, pp. 31–50.

- Myagkov, G.P. and Nedashkovskaya, N.I. (2018), "From geographical determinism to environmental history. Humanitarians on the eve of a new 'turn'", in *Problemy prosveshcheniya, istorii i kul'tury skvoz' prizmu etnicheskogo mnogoobraziya Rossii (k 170-letiyu chuvashskogo prosvetitelya I.Ya. Yakovleva): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Cheboksary, 14–15 maya 2018 g.)* [Issues of enlightenment, history and culture through the prism of ethnic diversity of Russia (on the 170th anniversary of the Chuvash educator I.Ya. Yakovlev). Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Cheboksary, May 14–15, 2018), Sreda, Cheboksary, Russia, pp. 436–444.
- Tomilov, N.A. (2009), "Ethnic ecology and traditional household culture", *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 64, no. 4–3, pp. 219–224.
- Townsend, P.K. (2000), *Environmental anthropology. From pigs to policies*, Waveland Press Inc, Long Grove, USA.

Информация об авторе

Даниил В. Пузанов, кандидат исторических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск, Россия; 426067, Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; lpdmor@gmail.com

Information about the author

Daniil V. Puzanov, Cand of Sci. (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia; bld. 4, Lomonosov St., Izhevsk, Russia, 426067; lpdmor@gmail.com

Титульная геральдика Московского царства и западноевропейская геральдическая традиция

Евгений В. Пчелов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dep_kvssid@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется история влияния европейской геральдической традиции на титульную геральдику Московского царства XVI–XVII вв. Выделяется два этапа такого влияния, каждый из которых имел свои характерные особенности. Первый этап был связан с созданием первого комплекса титульных гербов, которые были представлены на Большой печати Ивана IV, сделанной в конце 1570-х гг. Среди 24 титульных гербов Большой печати пять гербов были заимствованием из геральдики Прибалтики и Великого княжества Литовского. Они означали те территории, которые были присоединены в ходе Ливонской войны или на которые претендовал Иван IV. В качестве источников геральдических изображений выступали печати и даже монеты того времени. Изображения с них переносились на Большую печать без каких бы то ни было изменений. Иными словами, это было прямое заимствование европейских гербов в геральдику России. Вторым этапом связан с созданием в 1672 г. царского «Титулярника», первого русского свода гербов. Из 33 гербов «Титулярника» непосредственно заимствованными из европейской геральдики (в основном из геральдики Речи Посполитой) были девять. Однако способы заимствования были более разнообразными. Помимо прямого перенесения гербовых фигур, гербы изменялись, в них усиливалась христианская символика. С другой стороны, гербы могли заимствоваться по принципу принадлежности к определенной категории территорий. Наконец, еще одним способом было заимствование или отдельных гербовых фигур, или геральдических композиций. Такое разнообразие способов заимствования ясно свидетельствует о возросшей геральдической культуре Московского царства к концу XVII в.

Ключевые слова: геральдика, титул, сфрагистика, Московское царство

Для цитирования: Пчелов Е.В. Титульная геральдика Московского царства и западноевропейская геральдическая традиция // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 85–93. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-85-93

© Пчелов Е.В., 2023

Titular heraldry of the Moscow Tsardom and the Western European heraldic tradition

Evgenii V. Pchelov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dep_kvsid@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the history of the influence of the European heraldic tradition on the titular heraldry of the Moscow Tsardom of the 16th – 17th centuries. There are two stages of such influence with its own characteristic features for each. The first stage was associated with the formation of the first complex of titular coats of arms, which were presented on the Great Seal of Ivan IV, made in the late 1570s. Among the 24 titular coats of arms of the Great Seal, five coats of arms were borrowed from the heraldry of the Baltic States and the Grand Duchy of Lithuania. They meant those territories that were annexed during the Livonian War or claimed by Ivan IV. Seals and even coins of that time acted as sources of heraldic images. From them images were transferred to the Great Seal without any changes. In other words, it was a direct borrowing of European coats of arms into the heraldry of Russia. The second stage is connected with the creation in 1672 of the tsar's "Titulyarnik" (Titular Book), the first Russian compilation of coats of arms. Of the 33 coats of arms of the "Titulyarnik", nine were directly borrowed from European heraldry (mainly from the heraldry of the Polish-Lithuanian Commonwealth). However, the methods of borrowing were more diverse. In addition to the direct transfer of the armorial figures, the coats of arms were changed, Christian symbols was strengthened in them. On the other hand, coats of arms could be borrowed on the principle of belonging to a certain category of territories. Finally, another way was to borrow either individual armorial figures or heraldic compositions. Such a variety of ways of borrowing clearly testifies to the increased heraldic culture of the Muscovy by the end of the 17th century.

Keywords: heraldry, title, sphragistics, Muscovy (Moscow Tsardom)

For citation: Pchelov, E.V. (2023), "Titular heraldry of the Moscow Tsardom and the Western European heraldic tradition", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International relations" Series*, no. 1, pp. 85–93, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-85-93

Геральдика тех территориальных образований, названия которых входили в титул московских государей, прошла в XVI–XVII вв. длительный путь развития. На его протяжении она неизбежно соприкасалась с геральдикой Западной Европы, поскольку оригинальной геральдической системы в средневековой Руси не

существовало. Но западноевропейские геральдические традиции так или иначе проникали на Русь, а в период Московского царства становились известными в придворных кругах благодаря вначале печатям и монетам европейских монархов, изображениям гербов на дипломатических документах, а затем и геральдическим сочинениям. Поэтому неудивительно, что при создании собственных титульных гербов в Московском царстве ориентировались на западноевропейский геральдический опыт, конкретное влияние которого на этот пласт геральдических эмблем остается, впрочем, малоизученным. Задачей настоящего исследования, таким образом, является проследить влияние западноевропейской геральдики на комплекс русских титульных гербов и определить те способы, с помощью которых оно осуществлялось. Насколько это влияние было значительным и в каких формах оно воплощалось?

Первым памятником русской титульной геральдики является Большая печать Ивана Грозного, которая была сделана в конце 1570-х гг. (до 1578 г.). На этой двусторонней печати помимо государственных эмблем представлены также 24 титульные эмблемы (в виде «печатей»), соответствующие объектам территориального титула русского царя. Само создание печати было вызвано событиями Ливонской войны и стремлением отразить территориальные приобретения (или притязания на них) как в самом титуле, так и в его эмблематической визуализации. В историографии неоднократно указывалось, что сама круговая форма расположения титульных эмблем на этой печати восходит к печатям западноевропейских государей, и прежде всего польских королей [Stökl 1972, ss. 52–54]. Как бы то ни было, Большая печать Ивана Грозного входит в ряд подобных сфрагистических памятников своего времени. Из 24 ее титульных эмблем пять имеют очевидное зарубежное происхождение. Это три печати ливонских территорий, а именно:

1. «Печать архиепископа Рижского». Изображение ее, как было установлено, взято с оборотной стороны шиллингов последнего Рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского из династии Гогенцоллернов [Stökl 1972, s. 60, abb. 38]. В щите здесь соединены: в верхней части герб Рижского архиепископа (перекрещенные х-образно крест и посох), а в нижней – знак соборного капитула (лилия) [Фёдоров 1966, с. 161–162, 165].

2. «Печать магистра Лифляндских земель». В этом качестве выступает личная печать с гербом ландмейстера Тевтонского ордена в Ливонии Вильгельма фон Фюрстенберга, который в августе 1560 г. попал в русский плен, где и умер, по-видимому, в 1568 г. [Stökl 1972, ss. 59–60, abb. 37]. Его печать осталась в царском архиве, а потому была хорошо известна [Линд 1994, с. 203].

3. «Печать города Кеси». На известных прорисовках Большой печати, сделанных в XIX в., эта печать по какой-то причине именуется печатью города «Ревале», т. е. Ревеля [Линд 1994, с. 206]. На самом деле здесь помещено зеркально повернутое (в связи с обращенностью к центральной на Большой печати фигуре фигуре двуглавого орла) изображение с печати города Вендена (т. е. Цесиса, Кеси) [Stökl 1972, s. 60, abb. 39, 40]. Венден был взят русской армией 6 сентября 1577 г. (и оставался под русской властью до 21 октября 1578 г.), однако сам по себе этот факт не может служить решающим датированным признаком для всей Большой печати, поскольку, к примеру, Рига никогда не подчинялась Ивану IV [Линд 1994, с. 204]. Иными словами, по крайней мере, одна из ливонских печатей была демонстрацией притязаний, а не реального обладания.

Все эти три печати в дальнейшем в титульной геральдике России не использовались.

Помимо них, на Большой печати Ивана Грозного присутствуют еще две «печати», имеющие зарубежное геральдическое происхождение – обе они относятся к геральдике Великого княжества Литовского. Это печать Великого княжества Смоленского на лицевой стороне печати, которая представляет собой изображение идущего медведя. Именно таким был смоленский герб в рамках литовской геральдики. Однако на Большой печати Ивана Грозного произошла инверсия, объяснимая зеркальным соотношением матрицы и оттиска печати [Пчелов 2011, с. 172–173]. В результате смоленский и тверской гербы оказались переставлены местами, и у смоленского медведя появилась легенда «Печать Великого княжества Тверского». Позднее, уже при Михаиле Федоровиче, эта ошибка была исправлена, но поскольку Смоленск был утрачен Россией во времена Смуты, то смоленская эмблема выпала из системы титульных гербов Московского царства.

Еще одна печать, на оборотной стороне Большой печати, это – «Печать Полоцкая». Полоцк был очень важным элементом территориального титула, поскольку взятию этого города в 1563 г. придавалось очень большое, можно сказать, судьбоносное значение (буквально спустя два года после создания Большой печати, в 1579 г., Россия Полоцк утратила). Собственно говоря, это и была самая крупная победа в период русско-литовской войны. В качестве полоцкой печати на Большой печати выступает известный литовский геральдический символ – так называемые столбы Гедимины, или колюмны. Изображение этих колюмн в гербовом щите входило в состав тех гербов, которые окружали центральное гербовое изображение на Больших печатях Великих князей Литовских. Однако там они не означали какой-либо конкретный территори-

альный объект. Коломны служили символом литовских князей, своего рода их родовым знаком, знаком династии Гедиминовичей [Rimša 2005, pp. 73–75]. Таким образом, Иван Грозный заимствовал геральдический символ литовской правящей династии. На городских же полоцких печатях того времени бытовало совсем другое изображение – корабль (иногда с фигурой стоящего на борту епископа) [Цитоў 1993, с. 225–226]. Однако эти печати, видимо, не были известны создателям Большой печати, которые ориентировались на Большие печати Великих князей Литовских, где коломны как раз были представлены в числе территориальных (хотя и не только территориальных) гербов. Видимо, как обозначение одного из важнейших городов Литвы родовой знак Гедиминовичей и попал на Большую печать Ивана Грозного [Соболева 1991, с. 221].

Итак, из 24 территориальных гербов Большой печати одна пятая часть имела европейское геральдическое происхождение и опиралась на европейский сфрагистический и даже нумизматический материал, воспроизводя гербовые изображения без каких бы то ни было изменений.

В дальнейшем вплоть до создания «Титулярника» 1672 г. никаких новых европейских геральдических заимствований в русской титульной геральдике не прослеживается. Ливонские земли и Полоцк были утрачены, а возвращенный в 1654 г. Смоленск обрел новый герб, ничего общего не имеющий с прошлым, – это была пушка, на которой впоследствии появилась сидящая птица гамаюн. Этот герб был создан в России и, вероятно, должен был символизировать то военное противостояние, в результате которого Смоленск был присоединен к Московскому царству.

В «Титулярнике» 1672 г., который стал, по сути, первым русским гербовником, представлены 33 титульных герба. Часть из них опиралась на предшествующую гербовую традицию, часть, по-видимому, была создана заново в процессе подготовки этой книги. К этому времени никаких титульных гербов иностранного происхождения в русской территориальной геральдике уже не было. Однако они появились в «Титулярнике», причем особенности их заимствования были гораздо более разнообразными, чем при создании Большой печати столетней давности.

Из 33 гербов к абсолютно очевидным европейским геральдическим заимствованиям можно отнести девять (т. е. почти треть). В процессе многолетней войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг. были захвачены новые земли, а царский титул пополнился новыми территориальными элементами. Поэтому большая часть очевидных заимствований относится опять-таки к польско-литовской геральдике. Сразу четыре герба – Великий князь Литовский, Полоцкий,

Витебский и Мстиславский – представляют собой изображение Погони, известного гербового символа Литвы. В гербе Великого князя Литовского рыцарь на коне держит щит с двойным крестом, в гербе Полоцком – щит с изображением Погони же, в гербах Витебском и Мстиславском – всадники без щитов. Первый герб полностью соответствует гербу Великого княжества Литовского. Другие представляют собой несколько, впрочем, несущественно, измененные гербы соответствующих воеводств Речи Посполитой. Иными словами, все это прямые заимствования из польско-литовской геральдики. Герб Волынский в «Титулярнике» выглядит абсолютно геральдично – с передачей гербовых тинктур (единственный такой случай, за исключением Подольского герба). Это опять-таки точное воспроизведение соответствующего герба из геральдики Речи Посполитой (даже своеобразная форма креста передана вполне точно). Герб Подольский также восходит к польско-литовской геральдике, но имеет одно существенное дополнение. На Подольском гербе времен Великого княжества Литовского изображалось золотое солнце в серебряном поле. В «Титулярнике» же к солнцу был добавлен венчающий его небольшой золотой крест. При этом форма креста напоминала крест из герба Волынского. Такое дополнение герба христианским элементом было общей тенденцией для титульной геральдики в «Титулярнике» [Пчелов 2021b] и должно было подчеркнуть христианский характер православного Московского царства.

Наконец, в «Титулярнике» присутствовали еще два герба бывших земель Речи Посполитой и вновь представленные с изменениями. Это гербы Киевский и Черниговский, которые восходили к гербам соответствующих воеводств. Герб Киевского воеводства представлял собой щит с изображением серебряного ангела в красном поле, который держал в руках опущенные вниз навстречу друг другу меч и ножны (важно заметить, что это был герб именно воеводства, т. е. территориальный, а не городской – у Киева был совсем другой герб) [Гречило 1999]. В «Титулярнике» это изображение изменилось. Ангел в правой руке держал поднятый, а не опущенный меч, в левой – щит, а ножны висели у него на поясе. В этом варианте изображение приближалось к иконописной традиции представления Архангела Михаила. В гербе Черниговского воеводства был помещен двуглавый орел, увенчанный одной короной [Румянцева 1986, с. 51]. Возможно, появление двуглавого орла в гербе воеводства могло указывать, что до начала XVII в. Черниговская земля относилась к Московскому царству. В «Титулярнике» орел стал одноглавым, увенчанным короной, и при этом голова орла была повернута вправо от зрителя. Визуально он почти

точно совпал с белым орлом Польского королевства (в «Титулярнике», даже несмотря на условность цветопередачи, он изображен белым) и, тем самым, мог указывать, что Черниговская земля была отвоевана у Речи Посполитой (как бы продолжая оригинальную семантическую традицию прежнего герба). Но и здесь было сделано дополнение: черниговский орел в левую лапу получил длинный крест, который держал диагонально. Таким образом, вновь была усилена христианская семантика территориального символа.

Еще одно заимствование из европейской геральдики обязано своим происхождением Швеции [Пчелов 2021а]. В составе земельных гербов Шведского королевства есть герб Лапландии, в котором изображен дикий лесной человек – сильван. Так в европейской геральдике обозначались глухие и далекие северные территории. По-видимому, лапландский сильван и послужил основой для Кондинского герба, где вооруженный дубиной дикарь идет по лесу. Особенности его изображения (венки из листьев на голове и на поясе) не оставляют сомнений в очевидном влиянии европейской геральдики. Возможно, шведским (или каким-либо иным) геральдическим прототипом объясняется и композиция герба Болгарского. Он представляет собой изображение зверя, которое в «Титулярнике» было дополнено крестом с хоругвью и затем переосмыслено в качестве «агнца с прапором». Изобразительным прототипом здесь мог послужить какой-либо из европейских земельных гербов – например, герб Готланда из шведской геральдики или велюньский герб Польского королевства, в котором изображался Агнус Деи. Но это, в отличие от кондинского сильвана, было лишь композиционным, чисто изобразительным, а не семантическим заимствованием.

Таким же заимствованием изобразительного мотива, возможно, следует признать герб «Кабардинские земли» из «Титулярника», который по своей композиции напоминает герб шведской провинции Нерке (этот земельный герб, как и другие гербы Швеции, был известен русским дипломатам, в частности, по грамотам шведских королей). Хотя в центре кабардинского герба находится гербовый щиток с полумесяцем, прямо воспроизводящий представленный в том же «Титулярнике» «герб салтана Турского», только без звезды и с зеркальным расположением полумесяца. Сложно определить конкретный прототип Владимирского герба, который с изобразительно-геральдической точки зрения находит аналогии как в шведской территориальной и династической геральдике (королевский герб Гёталанда, герб курфюрстов Пфальца), так и в геральдике воеводств Речи Посполитой (здесь особенно показателен герб Русского воеводства с центром во Львове – его гербовый лев почти идентичен владимирскому, но владимирский держит крест,

опять-таки вполне вписывающийся в христианскую эмблематическую тенденцию «Титулярника»).

Таким образом, следует признать, что в конце XVII в., на этапе «Титулярника», европейские геральдические заимствования стали более разнообразны как по форме, так и по самим способам таких заимствований. Если ранее заимствования осуществлялись без изобразительных изменений и применительно к конкретным присоединенным территориям, то теперь, помимо этого пути, появились также заимствования с изменениями гербовых фигур (гербы Подольский, Киевский, Черниговский), но для тех же самых территорий; заимствования гербов для территорий подобного типа (герб Кондинский), и, наконец, заимствования исключительно отдельных гербовых элементов или композиций, не сопряженные ни с семантическими аналогиями, ни с геральдикой реально присоединенных территорий. Все это показывает постепенное освоение европейской геральдической культуры в Московском царстве XVI–XVII вв., которое приобрело к концу XVII в. весьма глубокий и разнообразный характер.

Литература

- Rimša 2005 – *Rimša E.* Heraldry. Past to present. Vilnius: Versus Aureus, 2005. 208 p.
- Stökl 1972 – *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1972. 87 s.
- Цитоў 1993 – *Цитоў А.* Пячаткі старажытнай Беларусі. Мінск: Польша, 1993. 239 с.
- Гречилю 1999 – *Гречилю А.Б.* Герб города Киева (конец XV – 80-е годы XVIII в.) // Гербовед. 1999. № 36. С. 40–44.
- Линд 1994 – *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 201–226.
- Пчелов 2011 – *Пчелов Е.В.* Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV – XVII в. М.: Старая Басманная, 2011. 204 с.
- Пчелов 2021a – *Пчелов Е.В.* Северо-восточные земли Русского царства в титульной территориальной геральдике XVI–XVII вв. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 6. С. 101–106.
- Пчелов 2021b – *Пчелов Е.В.* Территориальная геральдика Московского царства в «Титулярнике» 1672 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 665–674.
- Румянцева 1986 – *Румянцева В.В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев: Наукова думка, 1986. 126 с.
- Соболева 1991 – *Соболева Н.А.* Русские печати. М.: Наука, 1991. 240 с.
- Фёдоров 1966 – *Фёдоров Д.Я.* Монеты Прибалтики XIII–XVIII столетий. Таллин: Валгус, 1966. 422 с.

References

- Fedorov, D.Ya. (1966), *Monety Pribaltiki XIII–XVIII stoletii* [Coins of the Baltic States of the 13th – 18th centuries], Tallin, USSR.
- Grechilo, A.B. (1999), “Coat of arms of the city of Kiev (late 15th – 80s of the 18th century)”, *Gerboved*, no. 36, pp. 40–44.
- Lind, J. (1994), “The Great State Seal of Ivan IV and some heraldic symbols of the Livonian War times used in it”, in *Arkhiv russoi istorii* [Archive of Russian history], vol. 5, pp. 201–226.
- Pchelov, E.V. (2011), *Bestiarii Moskovskogo tsarstva: zhivotnye v emlematike Moskovskoi Rusi kontsa XV–XVII v.* [Bestiary of the Moscow Tsardom. Animals in the emblematics of Moscow Russia of the late 15th – 18th centuries], Moscow, Russia.
- Pchelov, E.V. (2021), “The North-Eastern lands of the Russian Tsardom in the titular territorial heraldry of the 16th – 17th centuries”, in *Uchonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 43, no. 6, pp. 101–106.
- Pchelov, E.V. (2021), “Territorial heraldry of the Moscow Tsardom in the ‘Titulyarnik’ (The Titular Book) of 1672”, *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 665–674.
- Rimša, E. (2005), *Heraldry. Past to present*, Vilnius, Lithuania.
- Rumyantseva, V.V. (1986), *Emblemy zemel' i gerby gorodov Levoberezhnoi Ukrainy perioda feodalizma* [Emblems of lands and coats of arms of cities of the Left-Bank Ukraine of the feudal period], Kyiv, USSR.
- Soboleva, N.A. (1991), *Russkiye pechati* [Russian seals], Moscow, USSR.
- Stökl, G. (1972), *Testament und Siegel Ivans IV*, Westdeutscher Verlag, Opladen, Germany.
- Цитоў, А. (1993), *Пячаткі старажытнай Беларусі* [Seals of the Old time Belarus], Мінск, Belarus.

Информация об авторе

Евгений В. Пчелов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; dep_kvssid@rggu.ru

Information about the author

Egenii V. Pchelov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; dep_kvssid@rggu.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327(510)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-94-107

Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (конец 1970-х – 1990-е гг.)

Анна В. Бояркина

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, aboyarkina@gmail.com*

Аннотация. Исследование дипломатического искусства китайского руководства продолжает привлекать все больше внимания российских и зарубежных исследователей. В работе проведен анализ внешнеполитических стратегий и теорий лидера второго поколения руководителей Китайской Народной Республики (КНР) Дэн Сяопина (конец 1970-х – 1990-е гг.). Бесспорно, и первый руководитель КНР Мао Цзэдун, затем и Дэн Сяопин оказали значительное влияние на эволюцию стратегии международных отношений Китая. Именно эти лидеры и установили свои собственные модели, соответствующие духу эпохи, фактически, разделив историю внешней политики Китая на два периода. Знаменитая формула Дэн Сяопина «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» приводит к формулированию и развитию Цзян Цзэминем, руководителем третьего поколения КНР, теории/доктрины «мирного возвышения», затем ставшей «мирным развитием», концепции «мягкой силы», «гармоничного мира» Ху Цзиньтао и другим современным внешнеполитическим концепциям. Ведущим подходом к исследованию проблемы выступает историко-сравнительный метод.

Представляется, что не все внешнеполитические стратегии или теории Дэн Сяопина перешли от обобщений или гипотез к достоверным аналитическим выводам или цельным концепциям. Только Си Цзиньпин начинает формировать целостные концепции в полном понимании этого слова. Главная задача внешнеполитических идей – обобщить, выявить общие закономерности международной жизни и внешней политики Китая.

Ключевые слова: Китай, Дэн Сяопин, идея «независимой и мирной дипломатии», «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя», период реформ и открытости

© Бояркина А.В., 2023

Для цитирования: Бояркина А.В. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (конец 1970-х – 1990-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 94–107. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-94-107

Deng Xiaoping's foreign policy strategy
during the period of economic reforms and openness
(late 1970s – 1990s)

Anna V. Boyarkina
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
aboyarkina@gmail.com

Abstract. The study of the diplomatic art of Chinese leadership proceeds to attract more and more attention of Russian and foreign researchers. The paper analyzes the foreign policy strategies and concepts of the second leader of the People's Republic of China Deng Xiaoping in the late 1970s – 1990s. Undoubtedly, the first China's leader Mao Zedong and then Deng Xiaoping both had a significant impact on the evolution of Chinese foreign relations strategy. It was these leaders who set their own models in the spirit of the era, effectively dividing the history of China's foreign policy into two periods. The famous concept "Taking low profile and trying not to show yourself in any way" strategy proposed by Deng Xiaoping leads to the formulation and development by Jiang Zemin, the Chinese leaders of the third generation, the concept of "peaceful rise", which then became "peaceful development", Hu Jintao's "soft power" and "harmonious world" and other modern concepts of foreign policy. The leading approach to the study of the issue is the historical and comparative method.

It appears that not all foreign policy strategies or theories of Deng Xiaoping have moved from simplistic generalizations, hypotheses to reliable analytical conclusions or solid concepts. Only Xi Jinping is beginning to shape holistic concepts in the full sense of the word. The main task of foreign policy concepts is to generalize and reveal the general patterns of international life and China's foreign policy.

Keywords: China, Deng Xiaoping, "Independent and peaceful diplomacy" strategy, "Taking low profile and trying not to show yourself in any way", period of reforms and opening up

For citation: Boyarkina, A.V. (2023), "Deng Xiaoping's foreign policy strategy during the period of economic reforms and openness (late 1970s – 1990s)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 94–107, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-94-107

Введение

К 100-летию КПК китайская дипломатия подошла вооруженной новыми идеями и концепциями. Однако обращение к внешнеполитическим стратегиям или заветам Дэн Сяопина не случайно в современном уверенно формирующемся миропорядке XXI в. Китай переосмысливает свое место и роль в этом новом мироустройстве. Председатель КНР Си Цзиньпин применяет опыт патриарха реформ Дэн Сяопина, соблюдает пиетет и ценит его стремление добиться национального благосостояния и мирового влияния при сохранении территориальной целостности и политического суверенитета.

Историей и обстоятельствами выдвижения Дэн Сяопином в конце 1980 – начале 1990-х гг. ряда внешнеполитических стратегий и заветов о Китае занимаются многие российские китаеведы (Виноградов 2008; Виноградов 2016; Делюсин 2003; Пивоварова 2009; Портяков 2012; Усов 2003; Усов 2017; и др.). Однако во многом отечественные китаеведы не рассматривают период руководства Дэн Сяопина как преемственный политическим подходам «великого кормчего» и идейно связанный с партийно-государственным дискурсом, касающимся теории и вопросов социально значимых ценностей, международных отношений при Си Цзиньпине. Они наиболее обоснованно анализируют внешнеэкономический курс Дэн Сяопина в качестве долгосрочного с упором на развитие социализма с китайской спецификой. Профессор Китайского народного университета Ди Дуншэн [Di 2007], профессор из Лейденского университета Ф.М. Стивенс [Stevens 2021] и другие китайские и западные специалисты делают акцент на стратегической преемственности Дэн Сяопином линии Мао Цзэдуна и лидеров третьего и четвертого поколений председателем Си Цзиньпином. Д. Шамбо исследует политический стиль руководства и поведение патриарха реформ (трансформационная модель лидера), который идеологически стремится преобразовать китайское общество [Shambaugh 1993]. Однако остается пространство, представляющее интерес для исследований именно внешнеполитических заветов и стратегий Дэн Сяопина, в том числе «независимой и мирной дипломатий», постулата или формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»; его мягкой, более гибкой и уступчивой позицией перед более могущественными державами, СССР и США, как ключ к реализации эффективного внешнеполитического курса КНР.

В отношении самого понятия «стратегия» в китайских и некоторых западных источниках указано, что этот термин первоначально происходит от понятия «тактика». В толковых словарях

китайского языка «Синь Цыхай» («新辞海») и «Синьхуа» («新华词典») слово «стратегия» («战略») означает «военная тактика; генеральный план и руководство общей ситуацией на войне». Далее «стратегия» сравнивается с термином «тактика» («策略») как «способом достижения цели в военном деле, политике, экономике, географии и т. д.; долгосрочная политика, которую государства или партии устанавливают для себя в фиксированный исторический период»¹. Китайское определение этого термина больше фокусируется на общих и долгосрочных аспектах стратегии, в то время как западные дефиниции подчеркивают использование вооруженных сил или угрозу силой. Эти различия также отражены в определениях стратегии международных отношений [Cheng, Zhang 1999, p. 93]. Мы же полагаем, что в период руководства Дэн Сяопина «стратегию» можно интерпретировать как близкую к «способу достижения цели в военном деле, политике, экономике, географии и т. д. и долгосрочной политике, которую государство или партия устанавливают для себя в фиксированный исторический период».

К концу правления Мао Цзэдуна Китай постепенно становится независимым и стратегически значимым государством. Предлагая мировому сообществу теорию «трех миров» вместе с линией «единого фронта» («великого альянса») с США, направленную на сдерживание надвигающейся угрозы советского вторжения, Китай после начала Афганской войны (1979 г.) «пытается перекалибровать баланс сил» в свою пользу и использует для этого структуру региональных сил США [Stevens 2021, pp. 55–56].

После смерти «великого кормчего» новым национальным лидером КНР становится Дэн Сяопин, который не занимает высшие посты в КПК и государстве, однако его влияние на внутреннюю и внешнюю политику КНР возрастает с каждым годом. Несмотря на то что он принадлежит к первому поколению китайской коммунистической элиты (老一代的革命家) [Shambaugh 1993, p. 464], до 1973 г. он не принимает активного участия в разработке внутри- и внешнеполитического курса КНР. Зарубежные поездки Дэна в США, Японию и другие страны в начале 1970-х гг. делают его проводником внешнеполитической платформы, построенной лично Мао Цзэдуном. Он активно участвует в работе X съезда КПК в августе 1973 г., провозгласившего задачу «...усилить сплочен-

---

¹ 新华词典 / 新华词典编组编。北京：商务印书馆出版，1980年8月。[Словарь современного китайского языка Синьхуа / Редкол. Синьхуа. Пекин: Изд-во деловой прессы, 1980. С. 1056]; 新辞海。香港：南光出版社印行，1960年。[Словарь китайского языка Новый Цихай / Сянган: Наньгуан, 1960. С. 436].

ность с пролетариатом, угнетенными народами и нациями всего мира, со странами, подвергающимися третигованию со стороны империализма, колониализма, неоколониализма, гегемонизма СССР и США». В одном из своих высказываний он предполагает возможный удар со стороны СССР и варианты сближения с Западом [Свешников 1999, с. 23–24].

Дэн Сяопин развивает теорию «трех миров» Мао и указывает на изменения, произошедшие в мире. К таким изменениям он относит [Барач 1989, с. 225]:

- 1) многие страны Азии, Африки, Латинской Америки получили независимость;
- 2) невозможность возрождения социалистического лагеря;
- 3) распад капиталистической и империалистической системы.

Развивая положения этой теории на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 4-го созыва в 1975 г., Дэн Сяопин сообщает о наметившейся тенденции к переориентации борьбы против стран сверхдержав и «второго мира», на поддержку Китая «второго мира» и прогрессивного «третьего мира».

Триумфом Дэн Сяопина выступает 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва 1978 г., на котором он предлагает отказаться от антагонистической классовой борьбы и постепенно и довольно открыто в рамках социалистического государства переходить к регулируемой рыночной экономике, определив для этого не ограниченный во времени период [Пивоварова 2009, с. 146–147].

Экономическим реформам и открытости должна соответствовать и внешняя политика КНР. Эта политика, по мнению Дэн Сяопина, должна стать «второй китайской революцией» [Deng 1994, pp. 119–120]², что позволяет ему активно участвовать в международной жизни. Дэн считает, что акцент эпохи сменился с «революции и войны», которую определил Мао, на «мир и развитие» [Di 2007, p. 9].

Развивая свою внешнеполитическую стратегию, Дэн Сяопин провозглашает три великих дела. Это – борьба с так называемым гегемонизмом, т. е. с СССР, и защита мира; возвращение Тайваня и объединение родины [Смирнов 2005, с. 185].

Дэн Сяопин разрабатывает руководящие принципы и решает внешнеполитические вопросы, опираясь на разработанную мо-

---

² 邓小平。国际形势和经济问题/邓小平文选第三卷。北京：人民出版社，2001年4月。[Дэн Сяопин. Международная ситуация и экономические проблемы // Избранные произведения Дэн Сяопина. Т. 3. Пекин: Народное изд-во, 2001. URL: <https://www.12371.cn/special/dxpwx/d3j/> (дата обращения 1 февраля 2023)].

дель коллективного руководства внешней политикой в том числе. В «Избранном» Дэн пишет, что в случае, если «Китай... задерет нос и начнет держаться гегемоном, отдавая распоряжения направо и налево, он сам исключит себя из “третьего мира” и, разумеется, перестанет быть социалистическим государством». Эта внешняя политика разработана Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, и нынешние руководители будут воспитывать подрастающие поколения в ее духе [Дэн Сяопин 1995, с. 147].

В обстановке обострения теоретических дискуссий и «кризиса веры», связанного с прошлыми ошибками и недоверием китайского общества к официальной идеологии, Дэн Сяопин ставит центральную задачу активизации научных политических исследований при использовании зарубежного опыта [Смирнов 2005, с. 149–151]. А главное содержание внешней политики КНР – это открытость и сотрудничество.

Дэн Сяопин подчеркивает, что переход Китая от идеологической составляющей к прагматизму внешней политики – это будущее Китая. Дэн отказывается во внешней политике КНР от революционного подхода Мао, основанного на классовой борьбе. Он предпринимает ряд мер, таких как открытие экономики для внешней торговли и инвестиций. В центре его политической философии представлена прагматичная «теория кошек»³: «черная кошка или желтая кошка, пока она ловит мышей, она хорошая кошка» («黄猫、黑猫，只要捉住老鼠就是好猫»). Дэн применяет ее по отношению к международной обстановке уже в начале 1980-х гг., когда КНР начинает развивать сотрудничество с капиталистическим миром во главе с США. Дэн Сяопин старается не делать поспешных выводов и упустить возможности для развития. Пустые рассуждения для него бесполезны, истину можно смело проверить только на практике. В 2001 г. на саммите АТЭС эта фраза стала вступительным словом премьер-министра Малайзии М. Мохамата, подразумевавшего, что Азия больше всего сейчас нуждается в развитии⁴.

---

³ Теория «кошек/котов» или «кошки/кота» Дэн Сяопина. В китайской грамматике у существительных отсутствует категория рода и числа. 邓小平的“猫论”. В некоторых источниках пишут о белом цвете кошек.

⁴ 邓小平同志«黑猫白猫论»背后的故事. 中新网. 2008年12月17日 [Что скрывается за теорией «кошек» товарища Дэн Сяопина: это сычуаньская поговорка // Информационный портал «Чжунсинь ван». 17 декабря 2008]. 2008. 17 декабря. URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/news/2008/12-17/1490780.shtml> (дата обращения 25 декабря 2022).

Отказ Дэн Сяопина от радикальной идеологической пропаганды и борьбы в пользу экономического сотрудничества и соперничества становится мостом к переходу мирной дипломатии, в том числе и решению вопроса о воссоединении Тайваня с Китаем. 1 января 1979 г. Дэн Сяопин объявляет о проведении политики по возвращению КНР суверенитета над Тайванем, Гонконгом (Сянганом) и Макао (Аомэнем).

Выделим наиболее важные шаги по мирной дипломатии Дэн Сяопина. 12 августа 1978 г. КНР подписывает с Японией Договор о дружбе и мире. 1 января 1979 г. установлены дипломатические отношения с США. Совместное заявление отражает принципы Шанхайского коммюнике. США признают единый Китай, а Тайвань – его провинцией. США должны прекратить дипломатические отношения с Тайванем, считает Дэн Сяопин⁵.

Такие либеральные перемены Китая приветствуются на Западе. Президент США Дж. Картер отмечает, что «мудрый Дэн спешит создать разумную экономическую и политическую систему и заключить союз с Соединенными Штатами Америки против Москвы» [Барач 1989, с. 227]. Это приводит к неизбежному сближению США и КНР. О сближении двух стран свидетельствует и продолжительный визит Дэна в Вашингтон, Хьюстон в январе 1979 г., в ходе которого подписаны соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве, студенческих обменах; режиме наибольшего благоприятствования в торговле [Барач 1989, с. 227].

Перемены во внешнеполитической стратегии Пекина получают поддержку в Вашингтоне. Американская политическая элита надеется, что Дэн именно тот человек, который «вытравит яд коммунизма» и изменит пекинский курс» [Шиляев 2002, с. 76–78]. Во время визита в США Дэн, призывая к объединению в совместной борьбе США, Японию, Европу, Китай и другие страны против Советского Союза, обещает парализовать деятельность СССР и говорит о том, что именно Китай является авангардом борьбы против «экспансии» Советского Союза [Свешников 1999, с. 27]. Как следствие, усиливается противостояние с США, «раскачивание через агентов влияния» в высших государственных и партийных органах [Глазунов 2008, с. 30]. Западные страны, в том числе и США, отрицательно реагируют на действия КНР во Вьетнаме. Поставки США современного оружия на Тайвань вызывают к расхождению

---

⁵ 中共党史大事年表。中共中央党史研究室。北京：人民出版社出版，1987年4月第一版。 [История Коммунистической партии Китая. 1-е изд. Пекин: Народное изд-во, 1987. С. 418–421].

мнений в политическом руководстве КНР в отношении односторонней ориентации на США [Барац 1989, с. 227–228].

По инициативе Дэн Сяопина на 6-м пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 11-го созыва в 1981 г. принято специальное «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» («关于建国以来党的若干历史问题的决议»)⁶. В этом «Решении» Дэн Сяопин особо подчеркивает центральное положение главенствующей роли Мао Цзэдуна и его «идей», в том числе во внешней политике. Он выступает против возврата к «культурной революции» и отделяет «правильные» «идеи Мао» от его ошибок. Отмечено, что руководство КНР будет придерживаться независимой внешней политики. КНР получает помощь от других стран и народов и помогает другим странам и народам. Как активный участник международной жизни Китай понимает, что полная реализация его национальных интересов не может быть отделена от интересов общечеловеческих⁷.

Дэн, формулируя свою внешнеполитическую стратегию, обогащает и творчески перерабатывает уже описанные экономические идеи. Как подчеркивают китайские исследователи, он постепенно, шаг за шагом, «нащупывал камни, переходя реку». Под «камнем» «石头» Дэн подразумевает практические действия «实践» («摸着石头过河»)⁸. По инициативе Дэн Сяопина в конце 1970 – начале 1980-х гг. происходит пересмотр концепции войны и мира и вы-

---

⁶ 【党史上的今天】1981年6月27日, «关于建国以来党的若干历史问题的决议»通过. 党史学习教育 [27 июня 1981 г. принята «Резолюция по некоторым вопросам истории КПК после образования КНР» // <История партии сегодня>]. 1 июля 2021. URL: http://dw.xmxc.com/2021_07/01_15/content-21005.html (дата обращения 21 декабря 2022).

⁷ 胡耀邦在中国共产党十二大上的报告. 共产党员网首页 [Доклад Ху Яобана на XII съезде КПК // Сайт членов КПК]. 2012. 27 сентября. URL: https://fuwu.12371.cn/2012/09/27/ART1348712095996447_10.shtml (дата обращения 22 декабря 2022).

⁸ 邓小平经典语录一览:捉住老鼠就是好猫(组图). 和讯新闻 [Классические цитаты Дэн Сяопина: «Не важно, черная кошка или белая кошка, если она может ловить мышей – это хорошая кошка» // Информационный новостной портал «Хэсюнь»]. 2010. 16 августа. URL: http://news.hexun.com/2010-08-16/124602940_14.html (дата обращения 22 декабря 2022); 中央党校教授: 应正确理解邓小平的“韬光养晦”论断. 凤凰新媒体 [Профессор Центральной партийной школы: Аргумент Дэн Сяопина об идее Дэн Сяопина «держаться в тени, не проявлять себя» // Информационный портал «Феникс»]. 2014. 11 августа. URL: https://sd.ifeng.com/zbc/detail_2014_08/11/2744473_0.shtml (дата обращения 24 декабря 2022).

движение новых внешнеполитических установок. Они затрагивают проблемы взаимоотношения Китая с окружающим миром и принципы решения ряда актуальных вопросов [Свешников 1999, с. 42–44].

На XII съезде КПК в сентябре 1982 г. Дэн формулирует главные стратегические задачи на 1980-е гг.: «Ускорение темпов социалистической модернизации, борьба за объединение родины, включая Тайвань, и борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире». Примечательно, что именно XII съезд КПК становится вехой изменения мировоззрения политического руководства КНР, так как расширяются связи с зарубежными странами⁹. На XII съезде Дэн закладывает фундаментальные характеристики внешней политики мира и независимости («独立自主的和平外交»). Эта стратегия реализуется с 1982 по 1989 г.

Итак, в конце 1980 – начале 1990-х гг. экономическое положение в стране осложняется. Внешнеполитические идеи и концепции Дэн Сяопина коренным образом изменяют внешнюю политику КНР – поворот от подготовки к войне к умиротворению и спокойному состоянию в течение по крайней мере более десяти лет. Ядром внешнеполитической доктрины Китая долгое время является модернизационная концепция Дэн Сяопина, включающая идею «независимой и самостоятельной внешней политики», основной целью которой должно стать ускоренное экономическое развитие Китая. Стратегический принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, не лезть на первое место», выдвинутый в начале 1990-х гг., определяет внешнеполитический курс КНР в период реформ и открытости. Дэн Сяопин отказывается устанавливать институциональные ограничения. Как и у Мао Цзэдуна, авторитет Дэн Сяопина берет начало из его лидерства как революционного, так и главы Центральной военной комиссии (до 1989 г.).

По мнению китайских исследователей, в последующие годы Китаю предстоит перейти от «некоторых действий» («有所作为») к «активным действиям» («积极作为»), что приведет страну к полноценному участию в международной системе и решению большинства глобальных международных проблем [Портяков 2012, с. 24]. Формула патриарха китайских реформ «закрывать прошлое, открывать будущее», выраженная в стратегиях «независимой

---

⁹ 邓小平在中国共产党十二大上的开幕词（一九八二年九月一日）. 共产党员网 [Вступительная речь Дэн Сяопина на XII съезде КПК (1 сентября 1982 г.) // Сайт членов КПК]. 2012. 27 сентября. URL: <https://fuwu.12371.cn/2012/09/27/ART11348710255841791.shtml> (дата обращения 21 декабря 2022).

и мирной дипломатий» и «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя», приводит в том числе и к нормализации советско-китайских отношений [Румянцев, Кожин 2007, с. 22].

Мы считаем, что в процессе разработки масштабной стратегии модернизации Китая по китайскому образцу Дэн Сяопина пересмотрена прежняя концепция развития современного мира, сводившаяся к тому, что его фундамент составляют революция и война. Внешнеполитическая концепция Дэна указывает, что основным инструментом регулирования современных международных отношений является мирная дипломатия, сердцевиной которой выступает мирное развитие страны. Важным направлением внешней политики Дэн Сяопина становится сотрудничество со всеми, в том числе капиталистическими, странами мира, включая США и Японию. Неотъемлемой частью этой новой политики становится налаживание дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки – кульминация дипломатии, инициированной президентом Р. Никсоном и государственным секретарем Г. Киссинджером. Взаимное преодоление прежних идеологических стереотипов и разногласий приводит к нормализации советско-китайских отношений. Важной частью внешнеполитической стратегии Дэн Сяопина является сохранение в Сянгане, Аомэне и на Тайване, после их воссоединения с КНР, существующего там капиталистического строя. Дэн завершает объединение КНР в рамках концепции «одно государство – два строя». Осознавая, что Китаю необходимо развиваться и экономически, и политически, Дэн формирует стабильную внешнюю среду, благоприятствующую международной торговле и инвестициям. В этой связи он отказывается от маоистской поддержки глобальной антикапиталистической революции и не обращает внимания на морские споры с соседними странами, предпочитая постепенно интегрировать КНР в большую часть западного международного порядка во главе с США. Отметим, что Дэн Сяопин, успешно проводивший политику открытости, улучшает взаимоотношения между КНР и странами Запада, что приводит промышленность Китая к развитию передовых технологий.

Как опытный лидер, с целью преодолеть трудный период Дэн предлагает ряд политических установок, которые позже разделят на две фазы: «не высовываться и вести себя сдержанно» и «делать что-то реальное/необходимое», что означает, что Китай должен вести себя сдержанно в мировых делах с целью избежать мирового давления, продолжая при этом открываться и реформироваться. Международное сообщество, возглавляемое США, могло приспособиться к нему.

Вышеизложенное позволяет нам сделать заключение, что Дэн Сяопин отказывается от политики проведения жестких политических линий. Страна готова развивать многосторонние отношения со всеми странами на основе «пяти принципов мирного сосуществования». Дэн решительно выступает за то, чтобы идеологические различия не влияли на внешнюю политику Китая. Не случайно почти через 40 лет после начала реформ Дэна председатель КНР Си Цзиньпин продолжает следовать его политике и дает высокую оценку реформам и открытости.

Литература

- Барач 1989 – *Барач Д.* Дэн Сяопин / Пер. с венг. В.С. Иванова. М.: Международные отношения, 1989. 264 с.
- Виноградов 2008 – *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. 363 с.
- Виноградов 2016 – *Виноградов А.В.* Инспекционная поездка Дэн Сяопина на юг и развитие политики открытости внешнему миру // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. 996 с.
- Глазунов 2008 – *Глазунов О.Н.* Китайская разведка. М.: Алгоритм, 2008. 256 с. (Китайский марафон).
- Делюсин 2003 – *Делюсин Л.П.* Дэн Сяопин и реформация китайского социализма / Московский государственный ун-т, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Муравей, 2003. 207 с.
- Дэн Сяопин 1995 – *Дэн Сяопин.* Избранное: В 3 т. Т. 2: (1975–1982). Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. 555 с.
- Пивоварова 2009 – *Пивоварова Э.П.* Что нового внес XVII съезд КПК в теорию «социализма с китайской спецификой» // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 146–153.
- Портяков 2012 – *Портяков В.Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.
- Румянцев, Кожин 2006 – Информационные материалы: XII Всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация» (Москва, 22–23 мая 2006 г.) / [Отв. ред. Е.Н. Румянцев, П.М. Кожин]. М.: Российская академия наук, Ин-т Дальнего Востока, Центр научной информации и документации, 2007. 273 с. (Серия Г: Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации, вып. 14)
- Свешников 1999 – *Свешников А.А.* Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников /

- Отв. ред. В.С. Мясников. М.: Российская академия наук, Ин-т Дальнего Востока, 1999. 180 с.
- Смирнов 2005 – *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину / Российская академия наук, Ин-т Дальнего Востока; [Науч. ред. М.Л. Тигаренко, П.М. Кожин]. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005. 324 с.
- Усов 2003 – *Усов В.Н.* КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.) / РАН, Ин-т Дальнего Востока. М., 2003. 190 с.
- Усов 2017 – *Усов В.Н.* VIII съезд КПК // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. 8: Китайская Народная Республика (1949–1976) / Отв. ред. Ю.М. Галенович. М.: Наука, 2017. С. 78–90.
- Шиляев 2002 – *Шиляев Е.П.* Лики и профили вождей красного Китая. Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2002. 168 с.
- Cheng and Zhang 1999 – *Cheng J.Yu., Zhang F.W.* Chinese foreign relation strategies under Mao and Deng. A systematic and comparative analysis // *Philippine Journal of Third World Studies*. 1999. Vol. 14. No. 3. P. 91–114.
- Deng 1994 – *Deng Xiaoping*. Reform is China's second revolution // *Selected works of Deng Xiaoping*, Vol. 3: (1982–1992). Beijing: Foreign Languages Press, 1994. 400 p.
- Di 2007 – *Di Dongsheng*. Continuity and changes. A comparative study on China's new grand strategy // *Historia Actual Online*. 2007. No. 12. P. 7–18. URL: file:///D:/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D1%8B/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8/Dialnet-ContinuityAndChangesAComparativeStudyOnChinasNewGr-2380237%20(4).pdf (дата обращения 22 декабря 2022).
- Shambaugh 1993 – *Shambaugh D.* Deng Xiaoping: the politician // *The China Quarterly*. 1993. Sep. No. 135. Special issue: Deng Xiaoping: an assessment. P. 457–490.
- Stevens 2021 – *Stevens M.S.* China's long march to national rejuvenation. Toward a Neo-Imperial order in East Asia? // *Asian Security*. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 46–63. DOI:10.1080/14799855.2020.1739651.

References

- Barach, D. (1989), *Den Syaopin* [Deng Xiaoping], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR.
- Cheng, Yu-Sh. and Zhang, W. (1999), “Chinese foreign relation strategies under Mao and Deng. A systematic and comparative analysis”, *Philippine Journal of Third World Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 91–114.
- Delyusin, L.P. (2003), *Djen Siaopin i reformatsiya kitaiskogo socializma* [Deng Xiaoping and the reformation of Chinese socialism], *Moskovskii gosudarstvennyi universitet, Institut stran Azii i Afriki, Muravei*, Moscow, Russia.
- Deng, Xiaoping (1994), “Reform is China's second revolution”, in *Selected works of Deng Xiaoping*, vol. 3: (1982–1992), Foreign Languages Press, Beijing, China.

- Deng, Xiaoping (1995), *Izbrannoe. T. 2: (1975–1982)* [Selected works, vol. 2: (1975–1982)], Literature in Foreign Languages Publishing House, Beijing, China.
- Di, Dongsheng (2007), “Continuity and changes. A comparative study on China’s new grand strategy”, *Historia Actual Online*, no. 12, pp. 7–18, available at: file:///D:/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D1%8B/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8/Dialnet-ContinuityAndChangesAComparativeStudyOnChinasNewGr-2380237%20(4).pdf (Accessed 22 Dec. 2022).
- Glazunov, O.N. (2008), *Kitaiskaya razvedka* [Chinese intelligence], Algoritm, Moscow, Russia. (*Kitaiskii marafon*)
- Pivovarova, E.P. (2009), “What the 17th Congress of the Communist Party of China has contributed to the theory of ‘Socialism with Chinese Characteristics’”, *Problemy Dal’nego Vostoka*, no. 2, pp. 146–153.
- Portyakov, V.Ya. (2012), “Foreign policy precepts of Deng Xiaoping and their modern interpretation”, *Problemy Dal’nego Vostoka*, no. 5, pp. 14–27.
- Rumyantsev, E.N. and Kozhin, P.M. (eds.) (2007), *Informatsionnye materialy: XII Vserossiiskaya konferentsiya “Filosofii Vostochno-Aziatskogo regiona i sovremennaya tsivilizatsiya” (Moskva, 22–23 maya 2006 g.)* [Information resources. 12th All-Russian Conference “Philosophy of the East Asian Region and Modern Civilization” (Moscow, May 22–23, 2006), Rossiiskaya akademiya nauk, Institut Dal’nego Vostoka, Tsentr nauchnoi informatsii i dokumentatsii, Moscow, Russia. (*Seriya G: Ideino-teoreticheskie tendentsii v sovremenmom Kitae: natsional’nye traditsii i poiski putei modernizatsii, vyp. 14*)
- Shambaugh, D. (1993), “Deng Xiaoping: The Politician”, in *The China Quarterly*, Sep., no. 135. Special issue: Deng Xiaoping: an assessment, pp. 457–490.
- Shilyaev, E.P. (2002), *Liki i profili vozhdiei krasnogo Kitaya* [Faces and profiles of the leaders of red China], OOO “Poligraf-Inform”, Kaluga, Russia.
- Smirnov, D.A. (2005), *Ideino-politicheskie aspekty modernizatsii KNR: ot Mao Tzeduna k Den Syaopinu* [Ideological and political aspects of China’s modernization: from Mao Zedong to Deng Xiaoping], Institut Dal’nego Vostoka RAN, Moscow, Russia.
- Stevens, M.S. (2021), “China’s long march to national rejuvenation. Toward a Neo-Imperial order in East Asia?”, *Asian Security*, vol. 17, no. 1, pp. 46–63, DOI:10.1080/14799855.2020.1739651.
- Sveshnikov, A.A. (1999), *Vneshnepoliticheskie koncepcii KNR i konceptual’nye predstavleniya kitajskih specialistov-mezhdunarodnikov* [Foreign policy concepts of the PRC and the concepts of Chinese international experts], Institut Dal’nego Vostoka, RAS, Moscow, Russia, 180 p.
- Usov, V.N. (2003), *KNR: ot “kul’turnoi revoyutsii” k reformam i otkrytosti (1976–1984 gg.)* [PRC. From “cultural revolution” to reform and opening up (1976–1984)], Institut Dal’nego Vostoka RAN, Moscow, Russia.
- Usov, V.N. (2017), “8th National Congress of the Communist Party of China”, in Tikhvinsky, S.L. (ed.), *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI v., t. 8: Kitaiskaya Narodnaya Respublika (1949–1976)* [History of China from An-

- cient times to the beginning of the 21st century, vol. 8: People's republic of China (1949–1976)], Institut Dal'nego Vostoka, Nauka, Moscow, Russia, pp. 78–90.
- Vinogradov, A.V. (2008), *Kitaiskaja model' modernizatsii: Poiski novoi identichnosti* [Chinese model of modernization. The search for a new identity], Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, Moscow, Russia.
- Vinogradov, A.V. (2016), "Deng Xiaoping's inspection trip to the south and the development of a policy of opening up to the outside world", in Tikhvinsky, S.L. (ed.), *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI v. vol. 9: Reformy i modernizacija (1976–2009)* [History of China from Ancient times to the beginning of the 21st century. Vol. 9: Reforms and modernization (1976–2009)], Institut Dal'nego Vostoka RAN, Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна В. Бояркина, кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, полуостров Аякс, д. 10; aboyarkina@gmail.com

Information about the author

Anna V. Boyarkina, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; bld. 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922; aboyarkina@gmail.com

УДК 94(47+57)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-108-125

К вопросу о роли исламских религиозных деятелей
в контексте Туркестанских походов Российской империи:
на примере переписки
Оренбургской пограничной комиссии
с муллою Шагимардановым

Антон В. Кочнев

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, Екатеринбург, a.kochnev.usu@gmail.com*

Аннотация. Середина XIX в. стала для Российской империи отправной точкой к завоеванию Кокандского ханства и Бухарского эмирата, а также окончательному закреплению в регионе путем создания на присоединенных территориях в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства. Поражение Российской империи в Крымской войне вынудило правительство принять более решительные меры по присоединению Коканда и Бухары путем широкомасштабной военной кампании. Однако необходимость закрепиться в регионе в кратчайшие сроки требовала от командования новых стратегических решений и сотрудничества с представителями местной знати, купечества и духовенства. Статья призвана существенно восполнить историографический пробел в изучении сотрудничества российского командования и мусульманского духовенства в процессе присоединения Средней Азии на основе анализа неопубликованных источников, извлеченных из Государственного архива Оренбургской области. В статье рассматриваются примеры сотрудничества командования с представителями знати, купечества и духовенства, их влияние на возможное мирное урегулирование конфликта или его эскалацию, в том числе проблема коллаборационизма и шпионажа в мусульманской среде, необходимость сотрудничества с русской армией. Выводы статьи позволяют пересмотреть традиционные взгляды на позиции исламских лидеров и значение религиозного фактора как одного из важнейших элементов системы противостояния азиатских ханств и России.

Ключевые слова: международные отношения, Средняя Азия, ханства, Российская империя, ислам, религия, Туркестанские походы

Для цитирования: Кочнев А.В. К вопросу о роли исламских религиозных деятелей в контексте Туркестанских походов Российской империи:

© Кочнев А.В., 2023

на примере переписки Оренбургской пограничной комиссии с муллой Шагимардановым // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 108–125. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-108-125

On the question of the role of Islamic religious figures
in the context of the Turkestan campaigns
of the Russian Empire.

On the example of the correspondence
of the Orenburg Border Commission
with Mullah Shagimardanov

Anton V. Kochnev

Ural Federal University named after the first President of Russia

B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation,

a.kochnev.usu@gmail.com

Abstract. The middle of the 19th century became the starting point for the Russian Empire in terms of the conquest of the Kokand Khanate and the Bukhara Emirate, as well as its final positions consolidation in the region by creating the Turkestan Governor-General in the annexed territories in 1867. The defeat of the Russian Empire in the Crimean War forced the government to take more decisive measures to annex Kokand and Bukhara through a large-scale military campaign, however the need to solidify its hold on the region as soon as possible required the command to make some new strategic decisions and cooperate with representatives of the local elite, merchants and clergy. The article is intended to significantly fill the historiographical gap in the research of the cooperation between the Russian command and the Muslim institutions within the framework of the annexation of Central Asia by introducing and analyzing previously unpublished sources from the State Archive of the Orenburg Region. The article reviews examples of cooperation with representatives of the elite, merchants and clergy, their influence on the possible peaceful settlement of the conflict or its escalation, including the issue of collaboration and espionage in the Muslim environment, possible potential benefits and the need for cooperation with the Russian army. The conclusions of the article allow revising traditional views on the positions of Islamic leaders, as well as reevaluating the significance of a religious factor as one of the most important elements in the system of confrontation of Asian khanates with Russia.

Keywords: International relations, Central Asia, khanates, Russian Empire, Islam, religion, Turkestan campaigns

For citation: Kochnev, A.V. (2023), “On the question of the role of Islamic religious figures in the context of the Turkestan campaigns of the Russian Empire. On the example of the correspondence of the Orenburg Border Commission with Mullah Shagimardanov”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” series*, no. 1, pp. 108–125, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-108-125

Введение

Актуализация политики России в отношении ханств Средней Азии в отечественной историографии традиционно связывается с Петром I и его заинтересованностью в поиске пути в Индию через буферные территории азиатских ханств¹. Несмотря на попытки Петра I выстраивать с ханствами традиционные для азиатской политики России торговые связи, XVIII век характеризуется неудачной дипломатической политикой в отношении азиатских ханств, а также провалом военной кампании в Хиву князя А. Черкасского [Андреев 2011, с. 12–20].

Изменение ситуации в начале XIX в. было связано с пересмотром роли азиатских ханств во внешнеполитической повестке России, что было обусловлено усилением британского влияния в регионе. Агрессивная политика Хивы по отношению к российскому купечеству, игнорирование российских требований и лавирование между интересами Великобритании и России вынудило российское правительство начать военную кампанию 1839 г. Поводом к началу активных боевых действий в регионе стало наличие российских подданных в хивинском плену [Кочнев 2017, с. 100–104].

Провал на хивинском направлении вынудил Российскую империю в скором времени пересмотреть подход к завоеванию Средней Азии. Обострение конфронтации с Великобританией и нарастание напряженности на мировой арене также стимулировали Россию к изменениям в азиатском курсе внешней политики.

Проблема присоединения азиатских ханств к России довольно подробно представлена в отечественной историографии. Среди ранних работ можно выделить труды М.И. Иванина² о зимнем

---

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 124; Миллер Г.Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии, о чиненных для оног отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше. СПб., 1760. С. 9.

² Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 гг. СПб., 1874. 268 с.

походе 1839–1840 гг., а также труды Н.И. Гродекова³, И.Н. Захарьина⁴, М.А. Терентьева⁵. В дореволюционной историографии ключевое место отводилось идее о цивилизаторской миссии России⁶.

В раннесоветской историографии проявлялась тенденция осмысления политики России в Средней Азии как завоевательной, а Туркестанский край именовался колонией [Галузо 1929; Лаврентьев 1930; Лебедев 1936, с. 208–311]. Однако в 1940-е гг. в работах начинает доминировать идея о том, что процесс присоединения ханств и дальнейшей интеграции территорий позволил местному населению приобщиться к прогрессу [Бекмаханов 1946, с. 44–60; Рябинский 1941, с. 3–25; Фиолетов 1941, с. 13–29]. Во второй половине XX в. окончательно закрепляется термин «прогрессивные последствия присоединения» [Лунин 1965; Арапов 1981]. После распада СССР вновь появляется интерес к работам дореволюционных исследователей, актуализируется проблематика вопросов империализма [Дякин 1995].

Среди современных исследователей следует выделить работы С.Н. Абашина, который подробно рассматривает политику России в Средней Азии, уделяя огромное внимание управлению Туркестанским краем, интеграции местных этносов в структуру Российской империи [Абашин 2007; Абашин 2008, с. 456–471], а также работы зарубежных исследователей, посвященные сравнению военной политики России и Великобритании в Средней Азии [Morrison 2008; Morrison 2014, pp. 253–300].

Большое внимание среди современных исследователей уделяется вопросам дипломатии, структуре и иерархии посольств как важнейшему фактору выстраивания международных отношений [Андреев, Резван 2019, с. 51–62], проблемам лояльности мусульманских духовных учреждений к Российской империи [Лысенко 2019, с. 1745–1753], анализируется деятельность Оренбургской пограничной комиссии [Кудрявцева 2018, с. 51–55]. Также необходимо выделить работы К. Мацузато, посвященные институту

---

³ *Гродеков Н.И.* Хивинский поход 1873 г.: Действия кавказских отрядов. Издание редакции исторического журнала «Русская старина». СПб., 1883. 345 с.

⁴ *Захарьин И.Н.* Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. 206 с.

⁵ *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии: В 3 т. СПб., 1906. 510 с.

⁶ *Бряннов А.И.* На память о Фергане, 1876–1901. Новый Маргелан, 1901. 248 с.; *Григорьев В.В.* Среднеазиатские дела. М., 1865. 156 с.; *Хорошхин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. 276 с.

генерал-губернаторств и проблемам интеграции присоединенных территорий [Мацузато 2018, с. 74–103].

Исследование основывается на архивных материалах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (собрание актов канцелярии Оренбургского генерал-губернатора). В качестве дополнительных материалов в работе используются документы из Российского государственного исторического архива (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.).

Несмотря на то что проблема присоединения азиатских ханств к России довольно основательно представлена в историографии, вопросу о сотрудничестве российских властей с представителями мусульманской знати, купечества и духовенства уделялось незначительное внимание. Имеют место спекулятивные оценки, призванные проиллюстрировать добровольное вхождение ханств в состав Российской империи, что противоречит факту военной экспансии. Вопрос о выгоде от вхождения того или иного ханства в состав России для знати и духовенства всегда носил дискуссионный характер и не рассматривался в качестве объекта специального исследования.

В статье предпринята попытка анализа завоевательной политики Российской империи в Средней Азии на основе рассмотрения региональных международных конфликтов с позиции микроисторического исследования. Необходимость изменения парадигмы подхода к проблеме присоединения Средней Азии диктуется современными условиями геополитического взаимодействия с государствами региона на постсоветском пространстве. Важную роль играет актуализация восприятия бывшими советскими республиками так называемого «колониального» прошлого, а также неверный подход к политике России в регионе как к миссионерской.

Актуализация азиатского направления в начале XIX в.

На рубеже XVIII–XIX вв. российское правительство направило целый ряд посольств в азиатские ханства с целью решить вопросы безопасности русских и среднеазиатских купцов и изучить среднеазиатский рынок. В Ташкент были отправлены миссии А.С. Безносикова, Т.С. Бурнашева (1794), Д. Телятникова (1796), М.С. Поспелова и Т.С. Бурнашева (1800), в Бухару – Я.П. Гавердовского (1803), в Коканд – Ф.М. Назарова (1813) [Ерофеева 2007, с. 6]. Однако ни одна из миссий не добилась серьезных успехов. Катастрофический провал в отношении Хивы и отсутствие серьезных

результатов по итогам политики XVIII в. требовали от правительства решительных мер. Продолжала расти напряженность между Россией и Хивой, обостряло ситуацию активное вмешательство Великобритании в политическую ситуацию в регионе.

В период Наполеоновских войн ханства еще не воспринимались как самостоятельный объект внешней политики России. Продолжала сохраняться идея индийского транзита, однако уже в тот период директор оренбургской таможни П.Е. Величко, возглавлявший экспедицию в Хиву 1808–1810 гг., отмечал сложность и даже невозможность выстраивания коммуникации с местными жителями⁷.

Проблема грабежей купеческих караванов рассматривалась в азиатской политике России преимущественно в контексте отношений с Хивой и Бухарой. Не случайно еще в 1804 г. оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский отмечал, что «ограбление наших караванов не одна хищность киргизов производила, но едва ли они не научаемы и подстрекаемы к сему были всегда от хитрых хивинцев и бухарцев»⁸.

После войны 1812 г. в политической повестке отмечается усиление стремления к присоединению территории Хивы военным путем. Международный статус России не допускал уступок в геополитическом соперничестве с Великобританией в регионе, которая начинала планировать военные действия в отношении Афганистана, а также продолжала вести диалог с местными ханами.

Несмотря на целый ряд формальных поводов к началу боевых действий, таких как проблема хивинских пленников и грабежи караванов, российское командование не оставляло попыток невоенного давления на ханства. В рапорте оренбургского военного губернатора П.К. Эссена 1819 г. на имя императора «О мерах обуздания хищнических намерений хивинцев и устройстве прочных торговых сношений»⁹ отмечалось, что изменить ситуацию возможно, повлияв на купечество. В своем разговоре с «торговым головой» Атаниязом Ниязмухаметовым П.К. Эссен указывал на агрессивную политику Хивы и отмечал необходимость прекращения с ней торговли: «Вернувшись с тремя хивинцами и ургенчскими жителями (Атанияз Ниязмухаметов. – А. К.), предложил, что по возвращении в Хиву будут убеждать самого хана и других

---

⁷ Величко П.Е. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости (1803 г., с примечаниями В.В. Григорьева) // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1861. № 2. С. 105–138.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 296. Л. 75–80.

⁹ Там же. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 2997. 8 л.

чиновников тамошнего правительства, дабы не только сблизить, но и постановить на твердом основании обоюдные сношения и что непременно домогаться будут о присылке весною сюда посланца для учинения договора о торговле»¹⁰.

Тем не менее подобные меры не возымели успех, а в 1836 г. было принято окончательно решение о военной экспансии в Хиву. Ультиматум оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского к хивинскому хану резюмировал все требования российского правительства к Хиве и стал иллюстрацией второго катастрофического провала азиатской политики России в регионе. При этом наиболее важную характеристику российско-хивинских отношений накануне похода дал российский посол в Бухаре и Афганистане Я. Виткевич. Он отмечал, что хивинцы «кичатся только на словах, в надежде на авось, но что в душе боятся нас и что одною только силою можно изменить образ их действий. <...> Сами владельцы Средней Азии, по невежеству своему и глупости, не имеют никакого понятия о силе и могуществе России, презирают в душе все немусульманское и коснеют в черством и однообразном невежестве своем, не заботясь о будущем, не занимаясь прошедшим»¹¹. Данная характеристика подчеркивала противопоставление «русского» и «мусульманского» миров, делая акцент на силовой политике.

Осознание важности присоединения ханств к России стало играть ключевую роль в азиатском направлении ее внешней политики. Смена подходов во внешней политике после поражения 1717 г. с силового на дипломатический не просто не дала каких-либо результатов, но и подвергла риску стратегическую позицию противовеса английскому влиянию в регионе. Однако провал военного похода 1839 г. показал, что присоединение ханств не может идти исключительно силовыми методами, что вынудило Россию искать дополнительные способы альтернативного, «мирного» присоединения ханств.

Поворот курса азиатской политики в 1853 г.

Слабый успех российских дипломатических миссий в Хиве в 40-х гг. XIX в. стимулировал активные завоевательные действия в отношении Коканда. Это означало фактическое признание пора-

---

¹⁰ Там же. Л. 1–4.

¹¹ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. С. 23.

жения на хивинском направлении и поиск новых путей присоединения региона. Именно в данном контексте важную роль начинает играть внутренняя конфронтация между ханствами. В начале 50-х гг. XIX в. выгода от вхождения в состав России еще не рассматривалась всерьез мусульманской элитой, а фактор российского вооруженного присутствия воспринимался, вероятнее всего, как возможность ослабить ханство-соперника. Так, при штурме крепости Ак-Мечеть в 1853 г. кокандский хан несколько раз обращался к хивинскому хану за военной помощью, однако Хива не спешила с помощью, хан «ограничил ее посылкою 9 верблюдов со свинцом и порохом»¹². При этом Российская империя также старалась не допустить объединения ханов, предупреждая хивинцев: «Дело наказания Кокандцев не имеет ничего общего с отношениями нашими к Хиве, почему хивинцы могут и должны оставаться в стороне»¹³.

Поражение в Крымской войне кардинальным образом ослабило позиции Российской империи на международной арене. Только в 1857 г. правительство возобновляет попытки проникновения в регион. Важным является тот факт, что в конце 50-х гг. Россия не делает каких-либо попыток вооруженного вторжения, пытаясь выстроить дипломатические отношения с ханствами и не ослабить позиции в англо-русском противостоянии. Традиционно считается, что попытки изменения политического курса ханств после Крымской войны посредством давления на купечество предпринял оренбургский генерал-губернатор А. Катенин, который приказал задержать в Оренбурге торговые караваны из Хивы, чтобы обезопасить находившееся в это время в Хиве российское посольство И.П. Игнатьева [Халфин 1960, с. 86]. При этом именно А. Катенин предложил реализацию плана захвата Средней Азии через Коканд и Бухару.

Однако в историографии опускается тот факт, что во время нахождения в Хиве дипломатической миссии Игнатьева оренбургские служащие вели сбор сведений для начала военной кампании. Так, в 1858 г. Оренбургская пограничная комиссия вела переписку с муллой Шагимардановым о политических отношениях с Хивой и Бухарой¹⁴.

Собранные сведения были зафиксированы в деле от 18 октября 1858 г., и только 6 декабря 1858 г. А.А. Катениным была предложена конкретная программа завоевания Средней Азии через Кокандское ханство путем завоевания Джулека и выхода к рубежу Туркестан–

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7359. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 7475. 18 л.

Чимкент–Аулие-Ата для продвижения к Ташкенту. Кроме того, на хивинском направлении рассматривалось усиление Аральской флотилии и строительство форта на р. Эмбе. Стоит отметить, что в основе программы А.А. Катенина лежали выводы работы специальной оренбургской комиссии, в состав которой входили военные и гражданские лица, связанные со «среднеазиатскими делами»: генерал А.Л. Данзас, председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев, капитан первого ранга А.И. Бутаков, участники дипломатической миссии Н.П. Игнатьева, Н.Г. Залесов и М.Н. Галкин, подполковники В.Д. Дандевиль, М.Г. Черняев и др. [Халфин 1960, с. 192].

Вероятно, разведанные, предоставленные в том числе и муллой Шагимардановым и представленные в виде отчетов А. Катенину, легли в основу выводов о необходимости военного наступления на Коканд.

Шпионская деятельность муллы Батырхана Шагимарданова

При анализе переписки Оренбургской пограничной комиссии с муллой Шагимардановым важно отметить, что ряд листов представляет собой перевод русского текста на старотатарское письмо («иске имлә»), в основе которого лежит арабская графика. Было выявлено, что текст на старотатарском языке соответствует представленным в документах листам с русской скорописью середины XIX в. Важным замечанием является то, что первые документы в переписке датируются сентябрем 1853 г., т. е. переписка начинается спустя месяц после присоединения Ак-Мечети.

Автором первого письма от сентября 1853 г. является председатель Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженский (председатель с 1844 г.), отмеченный в современной историографии как сторонник проведения в степи довольно гибкой политики по привлечению на службу местной элиты [Избасарова 2017, с. 112–122]. Ладыженский отдает Шагимарданову ряд распоряжений по сбору данных об «иностранных владениях, преимущественно о Хиве». В первую очередь Оренбургскую пограничную комиссию интересует наличие у хивинцев укреплений на урочищах, вероятно, стоящих на пути продвижения армии. В тексте письма присутствуют конкретные вопросы о наличии войск или гарнизона, постоянном или временном размещении войск, их количестве, уточняются географические особенности в районе потенциальных укреплений (наличие воды, леса, характеристика грунта). Кроме

того, уточняются сведения об отправке ханом в Константинополь 70 мальчиков для обучения военному искусству¹⁵.

Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия Хивы и Великобритании: действительно ли к хану прибыли три англичанина и просили о возможности прохода войск через Хиву в Россию, а также не имеют ли они «каких-либо дурных намерений» в отношении подчиненных России киргизов. Также уточняется, опасается ли хан англичан, как далеко английские войска от Хивы, с какой стороны могут зайти в Хиву и владеют ли какими-нибудь соседними землями. Отдельно озвучиваются вопросы, касающиеся английских завоеваний в Афганистане: были ли завоеваны Герат, Кабул, Кандагар и т. д., а также ряд бухарских городов, содержится предложение выяснить, действительно ли пределы ханства охраняются многотысячными ханскими армиями, как хан содержит войска на границе и может ли выставить воинов в составе трех армий: 80 тысяч воинов в составе одной армии и двух армий по 40 тысяч человек.

Особый интерес в письме проявляется к казахскому султану, праправнуку хана Младшего жуза Абулхаира, Елекею Касымову. Известно, что в 1852 г. он был пленен хивинцами, но смог сбежать («Каковы причины бегства? Что думают хивинцы?»).

По данным опубликованных источников, Елекей Касымов смог добраться до Аральского укрепления на Сырдарье и предоставить в дальнейшем большое количество полезных сведений о Хиве Оренбургской пограничной комиссии¹⁶. Судя по всему, на момент написания письма Ладыженскому ничего не было известно о судьбе Касымова.

Дальнейший текст письма можно представить следующими запросами:

- 1) мнение хивинцев о российском правительстве и потенциальном сотрудничестве в контексте нахождения в Оренбурге хивинской миссии;
- 2) информация о наличии русских пленных;
- 3) решение в переговорах с Персией по поводу персидских пленных в Хиве;
- 4) информация о лояльности киргизов, туркмен и каракалпаков Хиве;
- 5) данные о степени вооруженности войска и наличии орудий в Хиве.

В деле отсутствует прямая информация о том, удалось ли Батырхану Шагимарданову добыть указанные сведения в полном

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ ЦГА РУз. Ф. 4. Оп. 1. Д. 416а. Л. 94–131.

объеме, однако есть косвенные данные из ответного письма мулле, написанного уже следующим председателем пограничной комиссии В. Григорьевым 20 апреля 1854 г. Отмечается, что в своем рапорте мулла известил комиссию о Есете Котибарове, одном из лидеров казахского восстания против российской власти (был разбит в 1857 г. российскими войсками и помилован А.А. Катениным). Григорьев отмечает высокую оценку качества доставленных сведений со стороны «господина Оренбургского и Самарского генерал-губернатора», обещает Батырхану Шагимарданову поощрение и призывает: «Только не пишите о пустяках».

19 октября 1854 г. Григорьев пишет благодарственное письмо мулле, текст которого указывает на то, что для проверки данных мулла использовал шпиона-киргиза, которого намеревался с этой целью отправить в Хиву. Председатель комиссии высылает 35 рублей серебром «на путевые издержки ему», а также просит уточнить сведения о русле Амударьи: где поворот на запад и не занесло ли русло? Стоит отметить, что значение русла Амударьи было осознано еще в петровский период. Сам мулла Шагимарданов, согласно письму, получает жалованье в 45 рублей.

Далее следует хронологический разрыв, и в следующем письме мулла Шагимарданов обращается непосредственно к генерал-губернатору Катенину, упоминая личную встречу в мае 1858 г. Важно отметить, что мулла указывает на 20-летний срок своей службы Российской империи. Из более ранних писем очевидно, что мулла сотрудничал с пограничной комиссией еще до 1853 г.: распоряжения, отдаваемые ему Ладыженским, не выглядят как попытка установления контакта. Вероятно, что мулла был завербован еще в период подготовки Зимнего похода 1839 г., однако активно обращаться к его услугам стали только после провала на Хивинском направлении.

Первая половина письма состоит из заверений муллы в своей покорности и желании служить. Вероятно, именно это побудило Катенина сделать на полях приписку карандашом: «Прошу Василия Васильевича (Григорьева. – А. К.) со мной переговорить. Я не понимаю, чего он хочет?»¹⁷. Во второй части письма Шагимарданов сообщает о взятии англичанами Герата и соседних городов, а также описывает свое участие в основании укреплений на Мангбшлаке. Упоминает также свое участие в миссии полковника Никифорова в Хиву, что выглядит сомнительным, учитывая, что миссия Никифорова проходила в 1841 г. и среди участников миссии Шагимарданов не упоминается¹⁸. При этом важных сведений в данном послании

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7475. Л. 4.

¹⁸ *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М., 1978. С. 209.

не приводится, письмо не похоже на шпионское донесение, именно поэтому рапорт муллы и вызвал вопрос у Катенина.

Далее в конце сентября 1858 г. Шагимарданов пишет еще одну небольшую записку, в которой сообщает, что еще в 1854 г. отправлял в качестве разведчика в Хиву своего сына Исджана, где тот истратил личные 130 рублей. А также заверяет, что «в Степи народы в совершенном спокойствии» после явления Катениным «милости» (вероятнее всего, имеется в виду амнистия казахским мятежникам весной 1858 г.). А также сообщает, что отправляет сына на дальнейшую службу генерал-губернатору. В ответном послании от 16 ноября 1858 г. Катенин отмечает нецелесообразность поездок Исджана или «кого бы то ни было» в Хиву за «новостями» в изменившихся условиях, а также просит Шагимарданова как частное лицо не вмешиваться в «распоряжения степного начальства по управлению киргизами»¹⁹.

В деле содержится официальный ответ из форта Александровского от 19 июня 1859 г. на запрос из Канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. В ответе сообщается, что в форте, как и ближайшей степи, Батырхана Шагимарданова нет и никому из «киргизских старшин» неизвестно его местонахождение.

Дальнейшая судьба Шагимарданова исследователям неизвестна, однако можно предположить, что после реализации плана Катенина по наступлению на Коканд и тенденции к созданию на захваченной территории Туркестанского генерал-губернаторства необходимость в услугах Шагимарданова отпала.

Нельзя назвать шпионаж Шагимарданова уникальным явлением. Татарские муллы шпионили для России еще в XVIII в. Например, в 1798 г. мулла Махмут Аберешитов собирал сведения о наличии в Хиве «золотой горы»²⁰. Тем не менее актуализация шпионской работы мусульманских деятелей может быть напрямую связана с изменением курса азиатской политики России.

Роль мусульманских элит в создании Туркестанского генерал-губернаторства

В советской историографии эволюция подходов в оценке присоединения Средней Азии проявилась в переходе от концепта «завоевательной политики царизма» к идее о прогрессивных

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1584. Л. 3–10.

последствиях ее присоединения к России. Все это сформировало идею о чуть ли не добровольном вхождении азиатских ханств в состав России [Халфин 1960]. Замена термина «завоевание» на термин «присоединение» не отражала объективной оценки происходящих событий.

Тем не менее нельзя не отметить принципиальную роль мусульманских элит в причастности к русскому завоеванию. Продвижение генерала М.Г. Черняева к Ташкенту ослабило Коканд и поставило его под угрозу завоевания Бухарой. В опубликованных источниках встречается информация о лояльности жителей Ташкента к российской армии²¹.

Черняев опасался, что бухарцы займут Ташкент раньше, и рассчитывал на поддержку жителей во время штурма. Возникает закономерный вопрос: почему жители города хотели подчиниться русской армии? Учитывая побег хана и усиление в городе бухарского влияния, мусульманские элиты выбирали наиболее лояльную администрацию, о чем свидетельствует «памятный адрес» жителей Ташкента, поднесенный Черняеву после вступления русских войск в город. По мнению Черняева, адрес имел значение «политической манифестации»²². «Присяжной лист» жителей Ташкента, сообщающий о смирении в городском управлении, заверен 24 печатями²³.

Тезис о том, что присяга жителей города была добровольной, видится сомнительным в условиях вооруженной осады города, однако факт того, что выбор пал не в пользу Бухары, а в пользу России, косвенно доказывает, что городской элите были очевидны риски бухарского владычества: это могло означать полное истребление бывшей администрации. Тогда как присяга Российской империи открывала возможности получения экономической выгоды в условиях формирования Туркестанского генерал-губернаторства при сохранении частичного самоуправления.

Заключение

Завоевательная политика России в отношении Коканда, Бухары и Хивы является неоднородным явлением. Помимо военных действий, предпринимались попытки использования дипломатических мер и экономического давления. Имели место эпизоды

---

²¹ Львов И. Завоевание Туркестана: Заметки по среднеазиатскому вопросу Д.И. Романовского // Русский вестник. 1868. № 7. С. 152–178.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8049. Л. 1–10.

²³ Там же. Д. 8115. Л. 1–3.

добровольного перехода в подданство, которые, однако, были обусловлены выгодными для элит условиями, особенно значимыми в контексте противостояния ханств.

Особого внимания в рамках оценки завоевательной политики заслуживает проблема российского варианта колониализма. Важно отметить особый статус хивинского и бухарского протекторатов, внутренняя жизнь которых управлялась по собственным законам и собственными чиновниками (под контролем находились только внешние отношения). В современной историографии существует дискуссия о природе российской политики в Туркестане. Так, противники концепции «российского колониализма» считают, что статус колониальной державы не соответствовал сущности Российской империи и никогда не соотносился с характерными чертами европейского колониализма: нет господствующего народа, экономической эксплуатации и т. д. [Миронов 2018]. В противовес этому ряд современных исследователей считают, что Туркестан вполне может описываться как колония Российской империи, несмотря на ряд особенностей, при этом термин «колониализм» не обязательно может носить исключительно негативную коннотацию [Абашин 2015].

Говоря о XIX в., стоит отметить, что смена курсов региональной политики зачастую была обусловлена особенностями подходов генерал-губернаторов к вопросу захвата Средней Азии, но всегда была связана с необходимостью геополитического противостояния Великобритании. Использование в этом контексте шпионов из числа мусульманского духовенства не является неожиданностью, однако позволяет пересмотреть подходы к противостоянию России и ханств как к противостоянию европейского и мусульманского миров и возвести в доминанту противостояние экономическое и геополитическое. Подтверждением данному тезису также являются «добровольные» переходы мусульманской элиты в подданство России, что в условиях борьбы ханств друг с другом за гегемонию оправдывало для них выбор в пользу «меньшего зла». Религиозный фактор мог сказаться на развитии русско-хивинских отношений: утратив самостоятельность, Бухара и Коканд уступили Хиве роль последнего оплота исламского мира, не подчинившегося «неверным». Однако для духовенства и мусульманской элиты очевидной становилась выгода российского присутствия в условиях вражды между ханствами. Необходимо отметить, что характер взаимодействия российской администрации с местным населением и мусульманским духовенством противоречит существовавшей оценке миссии России в регионе как «просветительской» или «цивилизаторской» и указывает на экономический и геостратегический

характер российского ориентализма, целью которого было не подчинение местных «туземных племен» и формирование сырьевого придатка, а интеграция региона и укрепление позиций России на международной арене.

Литература

- Абашин 2007 – *Абашин С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007. 312 с.
- Абашин 2008 – *Абашин С.Н.* Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.
- Абашин 2015 – *Абашин С.Н.* Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М., 2015. 848 с.
- Андреев 2011 – *Андреев А.А.* Русло Амударьи, «песочное золото» или политика Петра Великого в Средней Азии // *Петровское время в лицах – 2011: Труды Государственного Эрмитажа*. Т. 48: Материалы науч. конф. СПб., 2011. С. 12–20.
- Андреев, Резван 2019 – *Андреев А.А., Резван М.Е.* Развитие дипломатической традиции персидских, хивинских и бухарских посольств в России с конца XVI до начала XVIII в. // *Кунсткамера*. 2019. № 2 (4). С. 51–62.
- Арапов 1981 – *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981. 128 с.
- Бекмаханов 1946 – *Бекмаханов Е.Б.* О социально-экономических последствиях присоединения Казахстана к России // *Большевик Казахстана*. 1946. № 11–12. С. 44–60.
- Галузо 1929 – *Галузо П.Г.* Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929. 240 с.
- Дякин 1995 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 70–83.
- Ерофеева 2007 – *Ерофеева И.В.* Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.* Т. 5: Первые историко-этнографические описания казахских земель: первая половина XIX в. Алматы, 2007. С. 1–114.
- Избасарова 2017 – *Избасарова Г.Б.* М.В. Ладыженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи // *Вопросы истории*. 2017. № 12. С. 112–122.
- Кочнев 2017 – *Кочнев А.В.* Российские подданные в хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2017. № 423. С. 100–104.
- Кудрявцева 2018 – *Кудрявцева Е.П.* Деятельность оренбургской пограничной комиссии в качестве подразделения российского МИД // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2018. Т. 20. № 3. С. 51–55.

- Лаврентьев 1930 – *Лаврентьев В.* Капитализм в Туркестане: буржуазная колонизация Средней Азии. М., 1930. 273 с.
- Лебедев 1936 – *Лебедев Л.В.* Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. 1936. Т. 5. С. 208–311.
- Лунин 1965 – *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. 190 с.
- Лысенко 2019 – *Лысенко Ю.А.* Вопрос о благонадежности мусульманских учебных учреждений Туркестанского края в отчетах чиновника особых поручений МВД Л. Наумова // Былые годы: Российский исторический журнал. 2019. № 54 (4). С. 1745–1753.
- Мацузато 2018 – *Мацузато К.* Генерал-губернаторства азиатской России: геополитика и территориальное управление // Личность, общество и власть в истории России: Сб. науч. статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 74–103.
- Миронов 2018 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб., 2018. 896 с.
- Рябинский 1941 – *Рябинский А.* Царская Россия и Бухара в эпоху империализма // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 3–25.
- Фиолетов 1941 – *Фиолетов И.* Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 13–29.
- Халфин 1960 – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. 272 с.
- Morrison 2008 – *Morrison A.* Russian rule in Samarkand, 1868–1910. A comparison with British India. Oxford, 2008. 364 p.
- Morrison 2014 – *Morrison A.* Twin Imperial disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842 // Modern Asian Studies. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 253–300.

References

- Abashin, S.N. (2007), *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia. In search of identity], Saint Petersburg, Russia.
- Abashin, S.N. (2008), “Reflections on ‘Central Asia as part of the Russian Empire’”, *Ab Imperio*, no. 4, pp. 456–471.
- Abashin, S.N. (2015), *Sovetskii kishlak: mezhdu kolonializmom i modernizatsiei* [Soviet kishlak (village). Between colonialism and modernization], Moscow, Russia.
- Andreev, A.A. (2011), “The riverbed of the Amu-Darya, ‘pesoshnoe (sandy) gold’ or the policy of Peter the Great in Central Asia”, *Petrovskoe vremya v litsakh – 2011: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 48: Materialy nauchnoi konferentsii* [Peter’s time in persons – 2011: State Hermitage Museum, vol. 48: Proceedings of the Scientific Conference, pp. 12–20.

- Andreev, A.A. and Rezvan, M.E. (2019), "The development of the diplomatic tradition of the Persian, Khiva and Bukhara embassies in Russia from the end of the 16th to the beginning of the 18th century", *Kunstkamera*, vol. 4, no. 2, pp. 51–62.
- Arapov, D.Y. (1981), *Bukharskoe khanstvo v russkoi vostokovedcheskoi istoriografii* [Bukhara Khanate in Russian Oriental historiography], Moscow, USSR.
- Bekmakhanov, E.B. (1946), "On the socio-economic consequences of Kazakhstan's accession to Russia", *Bol'shevik Kazakhstana*, no. 11–12, pp. 44–60.
- Dyakin, B.C. (1995), "The national question in the internal policy of Tsarism (19th century)", *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 70–83.
- Fioletov, I. (1941), "Bukhara and Khiva Khanates and their relations with Russia", *Istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 13–29.
- Galuzo, P.G. (1929), *Turkestan – koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyucii 1917 g.)* [Turkestan – colony (An essay on the history of Turkestan from the conquest by the Russians to the revolution of 1917)], Moscow, USSR.
- Erofeeva, I.V. (2007), "The handwritten legacy of Lieutenant Ya.P. Gaverdovsky on the history, geography and ethnography of the Kazakh steppe", in *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. 5: Pervye istoriko-etnograficheskie opisanija kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka* [The history of Kazakhstan in Russian sources of the 16–20th centuries, vol. 5: The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. The first half of the 19th century], Almaty, Republic of Kazakhstan, pp. 1–114.
- Izbasarova, G.B. (2017), "M.V. Ladyzhensky a developer of the regional policy of the Russian Empire", *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 112–122.
- Khalfin, N.A. (1960), *Politika Rossii v Srednei Azii (1857–1868)* [Russia's policy in Central Asia (1857–1868)], Moscow, USSR.
- Kochnev, A.V. (2017), "Russian subjects in Khiva captivity at the end of the 18th – beginning of the 19th century. Ways to solve the issue and consequences", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 423, pp. 100–104.
- Kudryavtseva, E.P. (2018), "Activity of the Orenburg Border Commission as a unit of the Russian Foreign Ministry", *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*, vol. 20, no. 3, pp. 51–55.
- Lavrent'ev, V. (1930), *Kapitalizm v Turkestane. Burzhuaznaya kolonizatsiya Srednei Azii* [Capitalism in Turkestan. Bourgeois colonization of Central Asia], Moscow, USSR.
- Lebedev, L.V. (1936), "From the history of Kazakhs' relations with Tsarist Russia in the 18th century", *Krasnyi arkhiv*, vol. 5, pp. 208–311.
- Lunin, B.V. (1965), *Srednyaya Aziya v dorevoljutsionnom i sovetском vostokovedenii* [Central Asia in pre-revolutionary and Soviet Oriental studies], Tashkent, USSR.
- Lysenko, Yu.A. (2019), "The question of the trustworthiness of Muslim educational institutions of the Turkestan region in the reports of the official of special assignments of the Ministry of Internal Affairs L. Naumova", *Bylye Gody. Russian Historical Journal*, vol. 54, no. 4, pp. 1745–1753.

- Matsuzato, K. (2018), "General governorships of Asian Russia. Geopolitics and territorial administration", in *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora V.I. Shishkina* [Personality, society, and power in the history of Russia. Collection of scientific articles about the 70th anniversary of the Doctor in History, professor V.I. Shishkin], Novosibirsk, Russia, pp. 74–103.
- Mironov, B.N. (2018), *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V 3 tomakh. 2-e izdanie, ispravlennoe* [The Russian Empire. From tradition to modernity, in 3 vol., 2-d ed., corrected], vol. 1, Saint Petersburg, Russia.
- Morrison, A. (2008), *Russian rule in Samarkand, 1868–1910. A comparison with British India*, Oxford, UK.
- Morrison, A. (2014), "Twin Imperial disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842", *Modern Asian Studies*, vol. 48, no. 1, pp. 253–300.
- Ryabinsky, A. (1941), "Tsarist Russia and Bukhara in the era of imperialism", *Istoriemarksisht*, no. 4, pp. 3–25.

Информация об авторе

Антон В. Кочнев, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; a.kochnev.usu@gmail.com

Information about the author

Anton V. Kochnev, Cand. of Sci. (History), Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; bld. 51, Lenin Av., Yekaterinburg, 620083, Russia; a.kochnev.usu@gmail.com

УДК 323.27(624)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-126-138

Суданский транзит 2019–2022: от диктатуры аль-Башира к диктатуре аль-Бурхана?

Сергей Ю. Серёгичев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sers80@mail.ru*

Аннотация. 11 апреля 2019 г. в Судане армия вынудила уйти в отставку президента Омара аль-Башира. Поводом к этому послужили непрекращающиеся многомесячные народные выступления. Отставка аль-Башира не удовлетворила демонстрантов, и они стали требовать демонтажа всего режима. В ответ армейская верхушка создала для управления страной Переходный военный совет (ПВС) и попыталась силой усмирить протестующих. Под сильным давлением международного сообщества и суданской улицы армия пошла на компромисс с гражданской оппозицией. В Судане был провозглашен переходный период к демократическому правлению и был создан военно-гражданский Суверенный совет, заменивший ПВС. Вскоре было сформировано Переходное правительство во главе с Абдаллой Хамдоком. В стране стали проводиться мероприятия по оздоровлению экономики и общественно-политической системы. Однако реформы Переходного правительства грозили подорвать экономические и политические позиции военных в Судане. 25 октября 2021 г. глава Суверенного совета генерал Абдель Фаттах аль-Бурхан совершил государственный переворот, отстранив гражданских политиков от власти. Переворот был осужден ведущими странами Запада, которые заморозили свои программы помощи Судану. В Хартуме и других крупных городах Судана вновь развернулось массовое протестное движение под лозунгом «Нет переговорам, компромиссу и партнерству с армией».

Ключевые слова: Переходный военный совет, Суверенный совет, Абдалла Хамдок, Абдель Фаттах аль-Бурхан, переворот 25 октября 2021

Для цитирования: Серёгичев С.Ю. Суданский транзит 2019–2022: от диктатуры аль-Башира к диктатуре аль-Бурхана? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 126–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-126-138

Sudanese transit 2019–2022. From al-Bashir's dictatorship to al-Burhan's dictatorship?

Sergei Yu. Seregichev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sers80@mail.ru*

Abstract. On April 11, 2019, the army forced the resignation of President Omar al-Bashir in Sudan. The reason for that was the incessant many months of people's uprisings. The resignation of al-Bashir did not satisfy the demonstrators and they began to demand the dismantling of the entire regime. In response, the army elite created the Transitional Military Council (TMC) to govern the country and tried to pacify the protesters by force. Under strong pressure from the international community and the Sudanese street, the army compromised with the civilian opposition. In Sudan, a transitional period to democratic rule was proclaimed and a civil-military Sovereign Council was established to replace the TMC. A transitional government headed by Abdullah Hamdok was soon formed. The country began to take measures for improving the economy and the socio-political system. However, the reforms of the Transitional Government threatened to undermine the economic and political position of the military in Sudan. On October 25, 2021, the head of the Sovereign Council, General Abdel Fattah al-Burhan, carried out a coup d'état, removing civilian politicians from power. The coup was condemned by leading Western countries, which froze their aid programs to Sudan. In Khartoum and other major cities of Sudan, a mass protest movement has again unfolded under the slogan "No to negotiations, compromise and partnership with the army".

Keywords: Transitional Military Council, Sovereign Council, Abdullah Hamdok, Abdel Fattah al-Burhan, coup of October 25, 2021

For citation: Seregichev, S.Yu. (2023), "Sudanese transit 2019–2022. From al-Bashir's dictatorship to al-Burhan's dictatorship?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 126–138, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-126-138

Целью данной статьи является комплексный анализ тех глубинных общественно-политических процессов, которые были запущены событиями 10–11 апреля 2019 г. в Судане и идут до сих пор. Сейчас это крайне актуальная тема в современной суданистике и востоковедении, так как от развития внутрисуданской политической ситуации зависит направление вектора развития всего региона Северо-Востока Африки. В отечественной науке до сих пор не было подобного комплексного исследования, посвященного проблемам суданского переходного периода. Задачами настоящей

статьи являются изучение деятельности основных акторов переходного периода в Судане, особенностей их социально-политических программ, ключевых документов переходного периода, причин и последствий военного переворота в октябре 2021 г. Основным полемическим моментом в изучении переходного периода в Судане является дискуссия между условными «оптимистами» и «пессимистами». «Оптимисты» верят в неизбежную победу в Судане гражданских сил и демократии, «пессимисты» же считают время до установления новой диктатуры в стране и спорят по поводу имени очередного «спасителя» страны [Waal 2021; Быстров 2022а].

Традиция военных переворотов в Судане имеет давнюю историю, и связана она с той огромной ролью, которую вооруженные силы играют в жизни страны. Суданская армия выступает в качестве главного гаранта политической стабильности в стране, является целым «государством в государстве», контролирует сотни фирм и предприятий [Battahani 2016, p. 4]. Основными инструментами влияния армии на внутреннюю и внешнюю политику выступают силовой ресурс (собственно вооруженные силы Республики Судан, а также весь остальной блок силовых структур страны, за исключением Сил быстрой поддержки), разведывательный ресурс (военная разведка, Национальная служба разведки и безопасности / Служба общей разведки), экономический ресурс (Военно-индустриальная корпорация и компании-партнеры), административный ресурс (обеспечивается за счет присутствия в госаппарате большого числа выходцев из силового блока страны).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ночь с 10 на 11 апреля 2019 г. в силу непрекращающихся массовых народных протестов (их причинами стали резкое ухудшение социально-экономической обстановки, недовольство провальной политикой правительства, вооруженным насилием с его стороны в отношении мирной оппозиции, невозможность повлиять на курс властей, стремление покончить с многолетним засильем исламистов на политическом олимпе страны) в Судане снова случилась «внеплановая» смена власти¹. Высшее командование суданской армии создало Переходный военный совет Судана (ПВС), его главой стал Авад бен Ауф.

Однако уже 12 апреля Ауф уступил это место Абделю Фаттаху аль-Бурхану². Эта рокировка, помимо внутренних разногласий

---

¹ Sudan's President Bashir forced out in military coup // CNN. 2019. April 11. URL: <https://edition.cnn.com/2019/04/11/africa/sudan-unrest-intl/> (дата обращения 12 августа 2022).

² Ibn Auf steps down as leader of 'transition' in Sudan after one day in role // Middle East Eye. 2019. April 12. URL: <https://www.middleeasteye.com>.

в военном лагере, была вызвана и самой фигурой Ауфа, занимавшего посты министра обороны и первого вице-президента Судана. Ауф был «номером 2» после аль-Башира в прежней системе власти, его преемником. Последнее обстоятельство грозило военным серьезными проблемами со стороны бушующей вовсю суданской улицы, уже отправившей в отставку организатора «революции национального спасения 30 июня 1989 г.» аль-Башира и требующей, чтобы армия спустя 30 лет вернулась наконец-то в казармы.

Поэтому генералы вполне могли настоять на отставке Ауфа под предлогом сохранения гражданского мира и стабильности в стране, прекрасно понимая, как протестанты ненавидят преемника свергнутого аль-Башира (так, узнав, что Ауф назначен главой ПВС, люди на улицах в тот же момент стали вовсю скандировать «мы не меняем вора [аль-Башира. – С. С.] на вора»³).

Бывший президент с момента своей вынужденной отставки сначала находился под охраной военных в своей резиденции (фактически под домашним арестом⁴), затем, 17 апреля, был помещен в тюрьму строгого режима Кобер⁵. Вместе с аль-Баширом были арестованы и его ближайшие соратники (по некоторым данным, около 150 человек)⁶.

В Судане ходят слухи, что местные силовики (Ауф, аль-Бурхан, Дагло) устроили на самом деле превентивную акцию с целью не допустить нового прихода к власти радикальных исламистов [Быстров 2019]. Впрочем, редкий военный переворот в Судане не имел подобных благородных объяснений, так что и это вполне может со временем оказаться всего лишь элементом информационной борьбы.

[net/news/ibn-auf-steps-down-leader-transition-sudan-after-one-day-role/](https://www.nytimes.com/news/ibn-auf-steps-down-leader-transition-sudan-after-one-day-role/) (дата обращения 12 августа 2022).

³ Sudan's president Omar Hassan al-Bashir is ousted, but not his regime // The New York Times. 2019. April 11. URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/11/world/africa/sudan-omar-hassan-al-bashir.html?action=click&module=Top%20Stories&pgtype=Homepage> (дата обращения 18 августа 2022).

⁴ Sudan's Bashir ousted by military and placed under arrest // Reuters. 2019. April 11. URL: <https://news.yahoo.com/sudan-braces-military-announcement-anti-bashir-protests-063129581.html> (дата обращения 16 августа 2022).

⁵ Sudan's Bashir transferred to jail notorious for holding political prisoners during his regime // CNN. 2019. April 18. URL: <https://edition.cnn.com/2019/04/17/africa/bashir-sudan-maximum-security-prison-intl/index.html> (дата обращения 16 августа 2022).

⁶ More than 100 people arrested from president's team in Sudan, including prime minister // TASS. 2019. April 11. TASS. URL: <https://tass.com/world/1053170> (дата обращения 18 августа 2022).

Сразу после переворота 11 апреля военные объявили об отставке кабинета министров и роспуске Национальной ассамблеи Судана (законодательного органа страны), о проведении общесуданских выборов в 2021 г., о «заморозке» действующей конституции, о вводе на три месяца режима чрезвычайного положения⁷. В ответ Ассоциация суданских профессионалов (АСП), ведущая сила оппозиционного альянса «Силы за свободу и изменения», призвала суданцев бороться за полное претворение в жизнь положений главного документа оппозиции «Декларации свободы и изменения»: формирование национального переходного правительства, немедленное прекращение насилия против мирных протестантов, предание суду лиц, ответственных за такое насилие⁸.

Новый рубежный этап в развитии суданского политического кризиса произошел 3 июня 2019 г.: полиция при поддержке спецназа (есть мнение, что это были отряды СБП⁹) разогнала палаточный лагерь оппозиции на площади перед генштабом суданской армии в Хартуме (он возник там за два месяца до этого). Оппозиция заявила о 118 погибших (при разгоне применялся слезоточивый газ, дубинки и огнестрельное оружие) и более 300-х раненых. Власти говорят о 64 погибших. Правозащитные организации назвали это событие «хартумской резней».

5 июля после долгих и непростых переговоров военные и оппозиция сумели наконец договориться и уже 17 июля было заключено соглашение между ПВС и «Альянсом за свободу и перемены» о 39-месячном переходном периоде, во время которого управлять страной будет единый гражданский и военный совет. Этот Суверенный совет будет состоять из 5 гражданских лиц и 5 военных представителей плюс председатель Суверенного Совета, который будет выбран совместным голосованием всех членов Совета (гражданских и военных) из числа гражданских лиц. Суверенный совет назначает на переходный период техническое правительство. В течение трех месяцев должен быть создан Законодательный совет¹⁰. По истечении 39-месячного переходного

---

⁷ Army announces removal of Bashir and formation of Military Council // SUNA. 2019. April 11. URL: <https://www.suna-sd.net/read?id=255920> (дата обращения 16 августа 2022).

⁸ Declaration of freedom and change. Khartoum, 2019. January 1. P. 1.

⁹ “Chaos and Fire”. An analysis of Sudan’s June 3, 2019 Khartoum Massacre. Physicians for Human Rights. March 2020. P. 6.

¹⁰ Political agreement on establishing the structures and institutions of the transitional period between the Transitional Military Council and the Declaration of Freedom and Change Forces. 17 July 2019. Khartoum.

периода должны пройти общенациональные выборы, которые закрепят окончательный возврат к гражданскому правлению¹¹.

17 августа ПВС и АСИ (Альянс за свободу и изменения, реинкарнация «Альянса за свободу и перемены») подписали Конституционную хартию Переходного периода 2019 г.¹² Документ содержал развернутые пункты Соглашения от 17 июля.

21 августа было завершено формирование Суверенного совета Судана. Его главой стал аль-Бурхан.

В состав военного «крыла» Совета вошли: Мухаммед Хамдан-Дакло, Шамс ад-Дин аль-Кабаша, Ясер Абдель Рахман Ата, Ибрагим Джабир.

Оппозиционное «крыло» в Совете образовали: Хасан Шейх эд-Дин Идрис, ученый Сидик Тауэр, Мухаммед аль-Факи Сулейман, Мухаммед аль-Хасан аль-Тайши, Айша Муса и Раджа Никола Абдель Масих¹³. Новым председателем Конституционного суда стала Наамат Абдалла¹⁴.

21 августа к присяге был приведен премьер-министр Судана Абдалла Хамдок. 5 сентября был объявлен состав переходного

---

¹¹ Sudan power-sharing deal reached by military and civilian leaders // The New York Times. 2019. July 4. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/04/world/africa/sudan-power-sharing-deal.html> (дата обращения 20 августа 2022); Military junta and alliance for Freedom and Change reach agreement on transitional period in Sudan // Radio Dabanga. 2019. July 5. URL: <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/military-junta-and-alliance-for-freedom-and-change-reach-agreement-on-transitional-period-in-sudan> (дата обращения 20 августа 2022); Sudan's ruling generals, protest leaders sign power-sharing deal // Aljazeera. 2019. July 17. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/7/17/sudans-ruling-generals-protest-leaders-sign-power-sharing-deal> (дата обращения 22 августа 2022).

¹² Sudan protest leaders, military sign transitional government deal // Aljazeera. 2019. August 17. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/8/17/sudan-protest-leaders-military-sign-transitional-government-deal> (дата обращения 24 августа 2022).

¹³ The Head of the Military Council issues a constitutional decree forming the Sovereign Council // Presidency of the Republic – The Republican Palace. 2019. August 20. URL: <https://www.presidency.gov.sd/eng/news/The%20chairman%20of%20the%20military%20council%20issues%20a%20constitutional%20decree%20forming%20the%20sovereign%20council> (дата обращения 24 августа 2022).

¹⁴ Sudan appoints its first woman Chief Justice // Radio Dabanga. 2019. October 10. URL: <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/sudan-appoints-its-first-woman-chief-justice> (дата обращения 30 августа 2022).

правительства (18 министров и 6 госминистров). МИД впервые в истории страны и арабского мира возглавила женщина – Асма Мохаммед Абдалла. Женщины также возглавили министерства социального развития, по делам молодежи и спорта, а также министерство высшего образования¹⁵.

26 ноября 2019 г. переходное правительство Судана в рамках кампании по борьбе с наследием прежнего режима аннулировало ст. 152 Закона «об общественном порядке», значительно ограничивавшую права женщин. По этой статье многие женщины понесли наказания за «бесстыдные и аморальные акты» (публичное несоблюдение предписанного женщине дресс-кода и распитие алкогольных напитков). Также отныне женское обрезание было объявлено уголовным преступлением. Решение правительства окончательно вступило в силу после утверждения его Суверенным советом 13 июля 2020 г.¹⁶

28 ноября 2019 г. переходное правительство Судана одобрило закон о роспуске бывшей правящей партии страны «Национальный конгресс» Судана (НКС) и демонтажа ее режима, который был у власти более 23 лет (НКС возник в 1996 г.). Закон предусматривает, что «никакой символ режима или олицетворяющей его партии не будет разрешен в какой-либо политической деятельности в течение 10 лет»¹⁷.

В середине декабря 2019 г. суд в Хартуме приговорил бывшего президента аль-Башира к двум годам тюремного заключения за преступления коррупционной направленности. Он отправлен под стражу в специальный коррекционный центр для пожилых преступников¹⁸.

---

¹⁵ Prime Minister Hamdoug presents new Sudanese government // Radio Dabanga. 2019. September 6. URL: <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/prime-minister-hamdoug-presents-new-sudanese-government> (дата обращения 19 сентября 2022).

¹⁶ Sudan: New law amending penal code takes effect [Электронный ресурс] // Library of Congress. 2020. July 23. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2020-07-23/sudan-new-law-amending-penal-code-takes-effect/> (дата обращения 19 сентября 2022).

¹⁷ Sudan dissolves National Congress Party, repeals Public Order Bill // Radio Dabanga. 2019. November 29. URL: <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/sudan-dissolves-national-congress-party-repeals-public-order-bill> (дата обращения 24 сентября 2022).

¹⁸ Sudan's ousted leader is sentenced to two years for corruption // The New York Times. 2019. December 13. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/13/world/africa/sudan-bashir-trial-verdict.html> (дата обращения 28 сентября 2022).

Второй ключевой проблемой революционного Судана после вопроса о параметрах раздела власти между военными и гражданскими лидерами стало состояние экономики страны, чья стабильность, да и само существование, сильно зависит от международной помощи. Формирование переходного правительства под руководством Абдаллы Хамдока и его мероприятия в финансово-экономической сфере позволили немного улучшить инвестиционный климат в стране. Судан вновь стал получать помощь по линии МВФ. Однако команде Хамдока так и не удалось провести все необходимые, в том числе и весьма радикальные, реформы в области экономики и государственного управления. В частности, вернуть под правительственный контроль те фирмы и предприятия, которыми владеют военные, не платя при этом налогов в суданский бюджет. В этой связи в Судане до сих пор считают, что октябрьский военный переворот 2021 г. был вызван во многом стремлением военных защитить свой бизнес от посягательств гражданских властей¹⁹.

Усиление глубоких противоречий между военным и гражданскими лагерями, планы кабинета Хамдока по реализации радикальных мер по оздоровлению экономики, поддержка военных со стороны Египта, ОАЭ и КСА, ожидаемая плановая ротация аль-Бурхана гражданским лидером на посту главы Суверенного совета вынудили суданскую армию в очередной раз дернуть «стоп-кран» и провести радикальную корректировку курса.

25 октября 2021 г. военные арестовали премьер-министра Хамдока и других лидеров гражданского блока, включая членов переходного правительства и Суверенного совета. В стране было вновь объявлено чрезвычайное положение. Военные решили придать своим действиям видимость законности, попытавшись убедить Хамдока, взятого под домашний арест, выпустить заявление о поддержке переворота. Глава переходного кабинета не только отказался это сделать, но и, наоборот, призвал суданцев мирными способами сопротивляться попытке переворота и «защищать их революцию». В ответ военные перевезли Хамдока из его дома в неизвестное место²⁰.

---

¹⁹ Profile: Abdalla Hamdok, Sudan's outgoing civilian leader // Aljazeera. 2022. January 3. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/1/3/profile-abdalla-hamdok-sudans-outgoing-civilian-leader> (дата обращения 2 октября 2022).

²⁰ Sudan military seizes power, detains PM, Ministers in dawn coup // Radio Dabanga. 2021. October 25. URL: <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/sudan-military-seizes-power-arrests-pm-and-civilian-ministers-in-dawn-coup> (дата обращения 2 октября 2022).

План военных, рассчитывавших со временем договориться с умеренными кругами оппозиции (близкими к ведущим партиям страны Юнионистско-демократической партии (ЮДП) и «Аль-Умма») и западными режимами, в первую очередь с США, провалился (узнав о перевороте, Вашингтон сразу же приостановил финансовую помощь Судану²¹). В ответ на действия армейской верхушки радикальная гражданская оппозиция в лице так называемых комитетов сопротивления (входят в зонтичную структуру «Сил за свободу и изменения») вывела массы людей (студентов, старшеклассников, выпускников вузов, учителей, врачей, мелких уличных торговцев и т. д.) на улицы крупнейших суданских городов, чтобы добиться падения режима очередной генеральской хунты.

Несмотря на жесткие меры противодействия со стороны властей (в том числе применение силами безопасности боевого оружия), массовые демонстрации под лозунгами «Трех нет» (нет переговорам с военными, нет компромиссу с генеральской хунтой и нет партнерству с армией в деле управления страной), «Военные, (идите. – С. С.) в свои казармы!», «Долой аль-Бурхана!» продолжают до сих пор. Жертвы среди демонстрантов уже не пугают уставших бояться людей, а лишь усиливают их решимость довести начатую борьбу с военными властями до победного конца. Тем временем в Судане, по оценкам Всемирной продовольственной программы, 18 млн человек (39% населения) находятся на грани голодной смерти²².

На этом фоне дополнительным фактором риска масштабного социального взрыва выступает чрезвычайно высокий уровень молодежной безработицы в Судане: по оценкам местных экспертов (данные на 2020 г.), доля безработных среди молодых суданцев (в том числе и выпускников вузов) последние 10 лет колеблется в диапазоне 80–90%²³. Вследствие этого суданская молодежь массово

---

²¹ As it happened: Sudan military dissolves civilian govt as anti-coup protests turn deadly // France 24. 2021. October 25. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20211025-live-sudan-s-armed-forces-detain-pm-hamdok-for-refusing-to-join-coup> (дата обращения 2 октября 2022).

²² WFP Sudan country brief. August 2022. URL: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000142852/download/?_ga=2.208338390.591906749.1664722050-989563437.1664722050 (дата обращения 2 октября 2022).

²³ Massive youth unemployment in Sudan // Radio Dabanga. 2020. October 5. URL: <https://www.dabangasudan.org/en/all-news/article/massive-youth-unemployment-in-sudan> (дата обращения 6 октября 2022).

эмигрирует за рубеж, в первую очередь в Египет, где уже проживают 4 млн человек [Быстров 2022b].

Кроме этого, еще одним следствием военного переворота аль-Бурхана принято считать начавшееся сразу после него «тихое», но весьма активное возвращение в суданские госструктуры исламистов из числа членов запрещенной НКС, ранее изгнанных оттуда²⁴. Так, на должности руководителей военной разведки были назначены генералы Абдель Наби аль-Махи и Абдельмоним Джалал, оба известные исламисты [Rybarczyk 2022].

Таким образом, изучая глубинные суданские социально-политические процессы в течение последних трех лет, мы можем наблюдать наглядное подтверждение известного афоризма про местную политику: «История Судана всегда повторяется». За одной военной диктатурой всегда следует другая, весь вопрос лишь в том, сколько времени в данный конкретный исторический момент отводится на переходный период от одной генеральской хунты к другой. В этот переходный период в Судане расцветает недолгая (иногда совсем короткая) демократическая «весна-лето». Затем вновь наступает суровая многолетняя «осень-зима» суданской диктатуры.

Сейчас разница с прошлыми сменами суданских политических «сезонов» состоит в том, что в настоящее время радикальная гражданская оппозиция, опираясь на ранее достигнутые успехи (отставка аль-Башира, формирование правительства Хамдока, реформа репрессивного законодательства, запрет и роспуск НКС), хочет сломать вышеописанный механизм смены политических «сезонов» в Судане, даже ценой сохранности самой страны, которая остро нуждается в эффективной экономико-финансовой помощи.

Если у оппозиции это получится, то мы сможем наблюдать настоящее рождение нового Судана, вступающего на трудный и неизведанный путь подлинного демократического развития общества и государства. Шансы на такой исход ситуации у оппозиции действительно есть: протестующие поверили в себя и свои силы, когда добились отставки сначала аль-Башира, а затем и Ауфа; протесты получают информационную поддержку со стороны западных СМИ; военные боятся радикально зачищать улицы суданских городов от протестующих, чтобы не вызвать слишком громкого недовольства со стороны США, ратующих за установление демократии в Судане; социально-экономическая обстановка в стране продолжает ухудшаться и подпитывать протестные настроения.

---

²⁴ Bashir's NCP returns to power in Sudan after recent coup: PCP // Sudan Tribune. 2021. November 7. URL: <https://sudantribune.com/article222768/> (дата обращения 8 октября 2022).

Впрочем, и лицо очередного наступающего сезона суданской диктатуры отнюдь не монолитно. Долгое время считалось, что аль-Бурхан, как и ранее Ауф, всего лишь креатуры командующего Сил быстрой поддержки (СБП, бывшие «джанджавиды») Мухамеда Хамдана Дагло (больше известен как «Хемитти»), который, по общему мнению большинства суданцев, и стоял за переворотом 11 апреля 2019 г. Однако в последнее время аль-Бурхан, как кажется, явил миру свое истинное лицо высокопоставленного ставленника классической военной элиты Судана, которая втайне презирает «выскачку» Дагло (последний не имеет даже законченного школьного образования, не говоря уже о высшем военном/гражданском образовании), явно метящего в нового многолетнего «рулевого» Судана. В то же время суданский генералитет готовит это место под аль-Бурхана.

Фактически сейчас в стране идут две параллельные битвы за власть: 1) радикальная оппозиция против армии; 2) военные (фракция аль-Бурхана) против бывших джанджавидов, а ныне Сил быстрой поддержки (фракция Дагло). Проигравших в этой схватке отдадут на растерзание гражданской оппозиции и международного сообщества (правда, в руки Международного уголовного суда не отдадут, как это уже было с аль-Баширом). При этом программа «максимум» военных, помимо разгрома дарфурского клана Дагло, направлена на удержание власти в стране на неопределенный срок. Программа «минимум» же состоит в сохранении армейским руководством своих господствующих позиций в политике и экономике Судана при формальном и чисто номинальном гражданском правлении. Иными словами, при реализации этого сценария команда аль-Бурхана хочет сохранить суданскую армию и аффилированные с ней экономические структуры как «государство в государстве», надежно защитив их от всяческих возможных посягательств со стороны любой гражданской администрации вне зависимости от ее политической ориентации. В обеспечение реализации этого сценария выступает ряд факторов: Египет, ОАЭ, КСА – за сохранение военных у власти в Судане; Россия и Китай также не возражают против доминирующей роли суданских военных в политике страны; США невыгоден окончательный развал Судана, что может произойти, если в стране начнется полномасштабная гражданская война между сторонниками военных и гражданских режимов, поэтому Вашингтон вполне может поддержать военный лагерь в его притязаниях на власть.

Литература

- Быстров 2022а – *Быстров А.А.* О политической ситуации в Судане на фоне раскола в гражданской оппозиции // Институт Ближнего Востока. 2022. 20 сент. URL: <http://www.iimes.ru/?p=89865> (дата обращения 4 ноября 2022).
- Быстров 2022б – *Быстров А.А.* О причинах массовой миграции из Судана в Египет // Институт Ближнего Востока. 2022. 1 окт. URL: <http://www.iimes.ru/?p=90153> (дата обращения 8 октября 2022).
- Быстров 2019 – *Быстров А.А.* К вынужденной отставке президента Судана О. аль-Башира // Институт Ближнего Востока. 2019. 11 апреля. URL: <http://www.iimes.ru/?p=55097> (дата обращения 18 августа 2022).
- Battahani 2016 – *El-Battahani A.* The Sudan Armed Forces and prospects of change // CMI INSIGHT. 2016. no. 3. P. 1–9.
- Rybarczyk 2022 – *Rybarczyk K.* The return of the islamist regime in Sudan? 2022. URL: <http://democracyinafrica.org/the-return-of-the-islamist-regime-in-sudan/> (дата обращения 9 октября 2022).
- Waal 2021 – *Waal A.* Countering Sudan's coup. The United States faces a crucial test in Khartoum. 2021. URL: https://www.foreignaffairs.com/sudan/countering-sudans-coup?check_logged_in=1 (дата обращения 4 ноября 2022).

References

- El-Battahani, A. (2016), “The Sudan Armed Forces and prospects of change”, *CMI INSIGHT*, no. 3, pp. 1–9.
- Bystrov, A.A. (2022), “On the political situation in Sudan against the backdrop of a split in the civil opposition”, *Middle East Institute*, September, 20, available at: <http://www.iimes.ru/?p=89865> (Accessed 4 Nov. 2022).
- Bystrov, A.A. (2022), “On the causes of mass migration from Sudan to Egypt”, *Middle East Institute*, October, 1, available at: <http://www.iimes.ru/?p=90153> (Accessed 8 Oct. 2022).
- Bystrov, A.A. (2019), “On the forced resignation of Sudanese President O. al-Bashir”, *Middle East Institute*, April, 11, available at: <http://www.iimes.ru/?p=55097> (Accessed 18 Aug. 2022).
- Rybarczyk, K. (2022) *The return of the Islamist regime in Sudan?*, available at: <http://democracyinafrica.org/the-return-of-the-islamist-regime-in-sudan/> (Accessed 9 Oct. 2022).
- Waal, A. (2021) *Countering Sudan's coup. The United States faces a crucial test in Khartoum*, available at: https://www.foreignaffairs.com/sudan/countering-sudans-coup?check_logged_in=1 (Accessed 4 Nov. 2022).

Информация об авторе

Сергей Ю. Серёгичев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sers80@mail.ru

Information about the author

Sergei S. Seregichev, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sers80@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 340(09)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-139-151

А.Ф. Кони – член Государственного совета
Российской империи (1907–1917 гг.)

Данил В. Рыбин

*Санкт-Петербургский институт (филиал),
Всероссийский государственный университет юстиции,
Санкт-Петербург, Россия, danilarybin@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема совершенно не известная в нашей историографии. Это история теневого лидерства одного из крупных общественных деятелей Российской империи – Анатолия Федоровича Кони. Используя свои многочисленные связи и находясь вне политических партий, член Госсовета продвигал либеральные идеи через парламент. Не вступая в конфронтацию с монархией и занимаясь общественными проблемами (пьянство, проституция, образование, судебная реформа и пр.), сенатор тем не менее никогда не отказывался от своих принципов и продвигал их везде, где это было возможно. Анатолий Федорович поддержал создание народного университета, расширение финансирования флота и армии, протестовал против ликвидации финской автономии и злоупотребления 87-й статьей Основных законов империи. Как консервативный либерал, он стремился к плавной эволюции государства в сторону расширения прав человека и европеизации при сохранении самодержавного строя. При этом Кони понимал, что правящая элита вела страну к катастрофе. Взлет политической карьеры знаменитого юриста начался в 1916 г., когда он получил возможность выступать от группы объединенных либералов и требовать проведения неотложных мер по изменению ситуации в стране.

Ключевые слова: А.Ф. Кони, легалисты, консервативные либералы, прогрессивная партия, прогрессивный блок, Государственный Совет

Для цитирования: Рыбин Д.В. А.Ф. Кони – член Государственного совета Российской империи (1907–1917 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 139–151. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-139-151

© Рыбин Д.В., 2023

A.F. Koni – member of the State Council of the Russian Empire (1907–1917)

Danil V. Rybin

St. Petersburg Institute (branch),

*All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia,
danilarybin@rambler.ru*

Abstract. This article deals with an issue completely unknown in our historiography. This is the story of the shadow leadership of one of the major public figures of the Russian Empire – Anatoly Fedorovich Koni. Using his many connections and being outside of political parties, the member of the State Council promoted liberal ideas through parliament. Without entering into a confrontation with the monarchy and dealing with social issues (drunkenness, prostitution, education, judicial reform, etc.), the senator, however, never abandoned his principles and promoted them wherever possible. Anatoly Fedorovich supported the creation of a people’s university and the expansion of funding the fleet and the army, protested against the liquidation of Finnish autonomy and the abuse of Article 87 of the Fundamental Laws of the Empire. As a conservative liberal, he strove for a smooth evolution of the state towards the expansion of human rights and Europeanization while maintaining the autocratic system. At the same time, Koni understood that the ruling elite was leading the country to disaster. The rise of the famous lawyer’s political career began in 1916, when he got the opportunity to speak on the part of a group of united liberals and demand to take urgent measures to change the situation in the country.

Keywords: A.F. Koni, legalists, conservative liberals, progressive party, progressive bloc, State Council

For citation: Rybin, D.V. (2023), “A.F. Koni – member of the State Council of the Russian Empire (1907–1917)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 1, pp. 139–151, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-139-151

Введение

В 1906 г. в разгар первой русской революции председатели Совета министров предпринимали попытки создания «правительства общественного доверия», основанного на союзе государства с умеренными и популярными лидерами. В числе таких лидеров, представлявшего группу легалистов (либерально-консервативных юристов), был Анатолий Федорович Кони. Столыпин предлагал ему посты министра юстиции и министра народного просвещения.

Не чувствуя в себе силы занимать министерский пост, знаменитый юрист несколько раз ответил отказом. Тем не менее обсуждение вопроса о министерской должности ввело Кони в круг высших политиков империи. Отказавшись от должностей, он согласился войти в состав нового Государственного совета Российской империи и стал его членом с 1 января 1907 г.

Основной проблемой, рассматриваемой в нашей статье, является история теневого лидерства в поздней Российской империи на примере А.Ф. Кони. Официальные документы не позволяют нам определить это лидерство, и мы можем его реконструировать только из личной переписки, воспоминаний и общей оценки деятельности сенатора. В научной литературе это лидерство совершенно не описано.

Содержание

В момент обновления Госсовета на рубеже 1906–1907 гг. Анатолий Федорович принял активное участие в разработке Наказа верхней палаты. В частности, он подготовил большую записку по 41-й статье проекта Наказа. Предполагалось определить, кто может участвовать в заседаниях комиссий, рассматривающих отдельные законопроекты. Действующий Наказ не упоминал о членах Госсовета, которые могли бы присутствовать на заседаниях комиссий без участия в обсуждениях. При этом прямого запрета на такое присутствие не было. В качестве примера Кони приводил наказ Госдумы, который позволял депутатам присутствовать на заседаниях любой комиссии парламента. Соответственно, Кони предлагал изменить статью, допустив любого члена Госсовета на заседание любой комиссии без права голоса решительного или совещательного (так как он сам планировал участвовать в работе комиссий)¹.

Кони тщательно выбирал темы, по которым он готовил выступления в Госсовете. Как правило, это были болезненные общественные проблемы, которые не затрагивали основы политической системы. Например, 16 июня 1908 г. он сделал доклад по законопроекту об учреждении народного университета Шаняевского. Доклад был произнесен в Общем собрании Госсовета. Кони с ходу просил Госсовет не создавать специальную комиссию для рассмотрения законопроекта. При этом Кони, несколько вольно играя риторическими приемами, выдвигал второстепенные причины для несоздания комиссии. В том числе упоминал, что проект уже

¹ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 696. Л. 1–11; Д. 3415. Л. 1–2.

рассматривался во многих предыдущих ведомствах, что есть угроза (в соответствии с завещанием покойного Шанявского) истечения срока открытия университета, переход наследства Шанявского в собственность женского медицинского института (но только после смерти его супруги). Далее Анатолий Федорович перешел к более серьезным причинам, ведущим к необходимости открытия университета. В том числе воля завещателя. С большим воодушевлением Кони говорил о необходимости преодолеть безграмотность русского человека, доброго, но неразвитого. Рассуждения о том, нужен ли людям тот или иной тип образования, были сродни спору о том, что если не подходит этот хлеб для голодного, то нечего и другой давать. Подготовка специалиста в казенном университете обходится чрезвычайно дорого и государству, и студенту. Поэтому, когда появляется жертвователь, готовый направить деньги на народное образование, мы ни в коем случае не должны ему отказывать. Кроме того, свободный университет позволит учиться взрослым состоявшимся людям, желающим повысить свою квалификацию. Также он привлечет молодежь, которая в подавляющем большинстве не имела средств на обучение.

Анализируя отдельные нормы проекта Положения об университете, Кони возражал против принуждения лекторов университета согласно статье 6 представлять проекты своих лекций для утверждения в попечительство учебного округа. Требовать это от перегруженного профессора, работающего бесплатно, просто смешно. Анатолий Федорович приводил множество аргументов против такой нормы². Зажигательная речь Кони встретила поддержку в Госсовете, законопроект был принят, и университет Шанявского приступил к работе осенью 1908 г.³

В то же время не у всех деятелей речь Кони вызвала положительный резонанс. Черносотенцы обвиняли Кони в лицемерии и прямой лжи. С их точки зрения, он хотел содействовать созданию свободного университета, рассадника революционного брожения⁴.

Известно несколько речей Кони по финансовым вопросам, рассматриваемым в Госсовете между 1-й и 2-й русскими революциями. Первое такое выступление произошло 22 июня 1908 г. Речь шла о наличии большого количества непогашенных кредитов, оставшихся на балансе государственных органов со времен рус-

---

² Речь А.Ф. Кони по законопроекту о народном университете // Слово. 1908. 21 июня. № 489. С. 6–7.

³ Кони А.Ф. Народный университет Шанявского // Кони А.Ф. На жизненном пути: В 5 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 563–581.

⁴ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 4222. Л. 43.

ско-японской войны, и необходимости выделения значительных средств на постройку новых броненосцев. Госдума пыталась остановить финансирование флота на 1,5 года из-за отсутствия какой-либо программы его развития. Споры между Госсоветом и Госдумой привели к созданию согласительной комиссии, которая собралась 22 июня. Обсуждались траты на содержание флота империи. Основным докладчиком был Кони. Он горячо выступал за быстрое выделение денег на строительство броненосцев. Кони проявил себя как яростный милитарист. Он пугал членов согласительной комиссии угрозами, исходящими от врагов России, и настаивал на необходимости срочной постройки военных кораблей. Причем Кони грамотно и аргументированно доказывал, что Россия плохо готова к крупной войне. Морское министерство не имело программы перевооружения флота, на железных дорогах царил коррупция. Тем не менее, несмотря на неэффективность госаппарата, требовалось немедленно выделять средства на перевооружение в преддверии крупной войны. Кроме того, указывал Кони, строительство нового флота поднимет боевой дух флота и общества.

Второй докладчик – депутат Госдумы А.И. Звегинцев выступал с позиции не военной тревоги, а рационализма. Он указывал, что со времен Цусимы прошло три года, а «импотентное» Морское министерство так и не смогло разработать программу реформ. Депутат выражал уверенность, что забюрократизированное Адмиралтейство в итоге не сможет выработать проект. «Живые силы утонут в этой тине». Далее Звегинцев подробно и тщательно с цифровыми данными доказывал ошибочность и невозможность поспешной постройки 4 броненосцев в 4 года. При общем недоброкачественном составе морских органов, принимающих решения, ничего хорошего ждать не приходилось⁵. Утверждались проекты устаревших типов кораблей, построенные суда было невозможно эксплуатировать и т. д. Несмотря на возражения Госдумы, проект постройки броненосцев был принят⁶.

В 1908 г. Анатолий Федорович отметил еще одним выступлением по финансовым вопросам – о расширении штатов Министерства путей сообщения – 30 октября 1908 г. Как часто это бывало, Кони обобщал проблему штатов министерства до размеров общегосударственного значения. Он подчеркивал, что «временное» продолжалось в данном случае уже 43 года. Сенатор призывал быстрее прекратить эту временность. Он соглашался с тем, что временный

---

⁵ Кони А.Ф. Ассигнование на флот // Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 2. С. 719–725.

⁶ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 698. Л. 1–13.

режим можно продлить с помощью законодательных органов, но на не слишком большой срок. Составить штаты не так уж трудно, опыт работы многолетний, сам парламент работал все лучше и быстрее. Несмотря на выступление Анатолия Федоровича, Госсовет проголосовал за продление временных штатов еще на 2 года⁷.

Среди тем, наиболее часто поднимавшихся членом Госсовета в тот период, можно упомянуть борьбу с пьянством (он входил в разные комиссии и неоднократно выступал с пламенными речами) и проституцией. Кони также участвовал в обсуждении уголовной ответственности за кражу лошадей и крупного рогатого скота (1909 г.)⁸. Много времени он потратил на участие в работе комиссий по реформе местного суда, Сената, по ликвидации попечительств народной трезвости, расширению прав женщин, материалы о которых мы опубликовали в других статьях.

Анатолий Федорович сравнительно редко выступал по вопросам государственного права. Исключением стал его доклад на заседании Госсовета 10 июня 1910 г. по вопросу о применении имперского законодательства в Финляндии. В то время имперская администрация активно «напирала» на права Финского государства, стремясь изменить его статус и уравнивать с остальной Россией, вплоть до отмены унии. В этом она нашла поддержку в Госдуме, где был разработан законопроект, частично вводящий имперское законодательство в Финляндии.

В своей речи Анатолий Федорович в завуалированной форме, делая множество риторических отступлений и не отрицая сам законопроект, намекал на многие серьезные проблемы, которые последуют за принятием такого проекта. По его мнению, законопроект был основан на чувствах и «якобы, необходимости». Чувства при принятии закона вообще недопустимы. Например, анализируя проект, Кони нападал на планы по установлению полного контроля над финскими школами с введением государственной пропаганды. Декларируемая необходимость не подкреплялась целесообразностью. Кони обращал внимание на невообразимые последствия распространения законодательства одной страны на законодательство другой. Например, свобода слова и печати подменялась бы российскими временными правилами о печати, внедрялось общее избирательное российское цензовое право, финское уголовное право и уголовное судопроизводство (по ряду дел) заменялось на российское, более репрессивное.

---

⁷ Кони А.Ф. Штаты Министерства Путей Сообщения // Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 2. С. 712–718.

⁸ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 746. Л. 20.

Невозможно просто выключить прошлое народа и произвольно установить новый строй. Мало того, что закон был неосновательным, он еще был неясным и неопределенным. Так, законопроект в завалуированной форме лишал сейм финансовых прав, а финский банк оставался с мелкими полномочиями. Оставление сейму полномочий в горном деле, тюрьмах можно было расценивать как шутку. Крайне осторожно нужно относиться к языку. Для народа это крайне чувствительная тема. Попытки принудительного распространения русского языка в Финляндии привели бы к вредным последствиям (Совет министров этот пункт не поддерживал). Ряд сфер (пути сообщения, телефонная связь и пр.) в Финляндии опережали Россию, и распространять на них отставшее законодательство было бы опрометчиво. Особое опасение сенатор высказал в отношении пункта, предполагающего предоставление империи право принимать особые законы, вносящие изменения в финские законы. Где же стабильность законов? вопрошал Кони. «Не спешите!» – призывал сенатор. В данном случае Анатолий Федорович вновь пошел против консерваторов и националистов, стремившихся к построению «Великой Руси» любой ценой⁹.

Речь Кони не заставила консервативный Госсовет изменить свое отношение к русификации Финляндии. Закон о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения был утвержден 17 июня 1910 г. Одной из причин принятия законопроекта стала позиция старого друга-конкурента Кони – Н.С. Таганцева, уловившего настроения высшей власти и поддержавшего изменение государственного строя Финляндии. Финляндская автономия была существенно ограничена. Принятие закона способствовало росту сепаратизма и усилило стремление финнов выйти из состава империи, что они и сделали через 7 лет.

В 1911 г. важным вопросом, рассматриваемым в Госсовете, был законопроект о содержании 87-й статьи Основных законов империи (конституции). По запросу Госсовета в Совет министров 24 марта 1911 г. Анатолий Федорович делал доклад на Общем собрании Госсовета о применении упомянутой статьи (правительство пыталось и действовало расширительно, применяя статью в нарушение конституции и ущемляя права парламента). Статья указывала, что в период перерыва в работе Госдумы и Госсовета в чрезвычайных обстоятельствах власть могла принимать указы, имеющие силу закона. По мнению Кони, эта норма статьи была

---

⁹ Кони А.Ф. Финляндия и общегосударственные законы // Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 2. С. 726–738.

вполне понятна. Основной вопрос затрагивал ситуацию – могло ли правительство провести указ на основании 87-й статьи в купе с Госдумой или Госсоветом при несогласии с ним одной из палат парламента. В этом Анатолий Федорович видел серьезную угрозу. Каждый орган власти может ошибаться. В меньшей степени к этому, по его мнению, был склонен Госсовет – палата, состоящая из умудренных опытом высших сановников империи. Ограничить права Госсовета – опасная и неэтичная тенденция. Госсовет поддержал запрос Кони¹⁰.

Сохранилась переписка А.Ф. Кони с активными деятелями Государственной Думы и министрами – А.И. Гучковым (по законопроектам о старообрядцах, по судебной реформе), В.В. Тенишевым, постоянным докладчиком по судебным реформам, Н. Хвостовым (по вопросу о расширении полномочий присяжных заседателей), И. Щегловитовым (по законопроекту об условно-досрочном освобождении) и др. В них политики просили Кони поддержать тот или иной проект. Так как большинство законопроектов, поступавших в Госсовет в 1907–1917 гг., имели либеральную направленность – сенатор их, как правило, поддерживал. Оставаясь при этом зачастую в меньшинстве¹¹. Стоит отметить, что все либеральные проекты реформ, поступавшие из Минюста, Кони активно продвигал. Он был своего рода «человеком» судебного корпуса в верхней палате, представлявшим интересы своей корпорации. На этой основе у него установились дружественные отношения с министром Щегловитовым.

В письмах того времени Кони негативно оценивал семью Романовых. Так, в письме к А.А. Чичериной 21 декабря 1909 г., говоря о Романовых, перефразируя Талейрана, он писал: «Они ничему не научились и ничего не забыли»¹². Интересную характеристику он дал Николаю II. Он считал его умным, но односторонне направленным человеком. Царь отличался бесчувственностью, если не считать его отношение к сыну. Кони перечислял множество ошибочных и бессмысленных решений царя. По его мнению, Николай был трусом, не решившимся на реальные реформы. Безвластный царь потерял власть. Оценивая Александру Федоровну, Кони отмечал ее положительные черты в ранний период царствования. Ее гордыня сыграла в конечном счете роковую роль в истории нашей

---

¹⁰ Кони А.Ф. Запрос председателю Совета министров о применении 87 с. Законов основных // Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 2. С. 739–746.

¹¹ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 905. Л. 1–3; Ф. 564. Оп. 1. Д. 1689. Л. 1–10; Д. 3399. Л. 1–7; Д. 3821. Л. 19–20.

¹² Там же. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 398. Л. 12.

страны¹³. В другом письме к Александре Чичериной на ее вопрос о переменах в правительстве (1914?) он давал нелицеприятную характеристику министрам предвоенного российского правительства. «Сухомлинов – разводной герой... результаты чего мы видим у него на лице, Щегловитов развратил Сенат своими назначениями... презренный Саблер перенял от великого инквизитора <Победоносцева> ...мертвящий дух»¹⁴.

В 1907 г. Кони, впервые попав в состав Госсовета, был включен в группу центра и «примыкал» к ней до 1910 г. С образованием в 1910 г. кружка внепартийного объединения (КВО) Кони вошел в его состав и оставался в нем до конца работы ГС [Демин 2006, с. 306–330]. Вопрос о работе Кони в Государственном совете интересовал современников. Так, член Госсовета от университетов, член кадетской партии Д.Д. Grimm в своих воспоминаниях посвятил Кони отдельную главу. Grimm входил в «левую» (либеральную) группу членов Госсовета, 10–20 человек. Ему было важно определить положение Кони в Совете (то ли чиновника, то ли либерала?) и привлечь его на свою сторону. «Тайнобрачные» (Кони и его сторонники) полулибералы тайно и иногда явно поддерживали «левых», но в их группу не вступали. Со временем Кони вступил в группу беспартийных членов Совета, группу «без определенной политической окраски». Состав группы позволяет сказать, что она сплошь состояла из консервативных либералов, судебных работников и земцев.

По воспоминаниям Grimm, «Совсем иным было положение А.Ф. Кони. Его издавна окружал ореол прогрессивного, высокопринципиального и бесстрашного общественного деятеля. Этот ореол с годами все крепнул и превратился в своего рода догмат. Мне кажется, такая оценка его личности несколько преувеличена. А.Ф. Кони был на редкость богато одаренный человек, выдающийся судебный деятель, превосходный оратор, замечательный стилист, первоклассный эссеист, бытописатель и мемуарист. Вместе с тем он был, бесспорно, человек прогрессивного направления на основе широкого, гуманного миропонимания. Но едва ли можно считать отличительными чертами его духовного склада стойкость характера и бесстрашие в выявлении определенного политического мирозерцания. По крайней мере, он в Государственном Совете ни того, ни другого качества не обнаружил»¹⁵.

---

¹³ *Кони А.Ф.* Николай II // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1968. С. 377–388.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1154. Оп. 1. Л. 53.

¹⁵ *Grimm Д.Д.* Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 169–174.

Далее Гримм пытался определить «политическое лицо» Кони. По его мнению, существовало два типа беспартийности. Один предполагал беспартийность наряду с четко выраженной политической позицией. Другой обозначал отсутствие «политического миросозерцания» или тщательное его утаивание. Кони относился ко второй группе. Он часто солидаризовался с «левыми», но старался скрывать связь с ними. Стремился избегать выступать по острым политическим темам, а делал доклады по темам нейтральным. Известие о его выступлениях приводили к появлению множества его поклонниц (в ложах для публики). По мнению Гримм, Кони в годы Первой мировой войны или потерялся в калейдоскопе событий, или стремился смягчать острые вопросы, обсуждавшиеся в Совете, неизменно переводя все на тему пьянства, якобы универсальной причины кризиса государства.

Резюмируя роль Кони в конце империи, Гримм утверждал: «Нет, А.Ф. Кони как политик и ответственный общественный деятель не стоял на той высоте, на которую его подняли и на которую он сам претендовал. Позднее он это красноречиво подтвердил своим поведением после Октябрьской революции. Он не был бесстрашным политическим борцом, не был тем политическим *Bayard*'ом, каким он многим и теперь еще представляется. Это не было ему дано...»¹⁶.

События Первой мировой войны вызвали у Кони череду новых тяжелых переживаний, ожидания краха. Качество управления он оценивал крайне низко. Так, рассказывая другу Н.В. Давыдову о составе правительства в 1915 г., он давал нелицеприятную характеристику уходящим министрам (три министра покинули правительство). Из уходящих министров: «Сухомлинов был бездарный, себялюбивый... и вредный негодяй, собиравший... до 40 т. р. в виде подношений. О Саблере никто жалеть не будет. В нем не было искренних чувств... это была размалеванная бюрократическая проститутка... говорящая громкие фразы... О Щегловитове мы с Вами сохраним молчание. Хотя и ученый и трудолюбивый, он был до последнего момента “перегибателен духом”...»¹⁷

В годы войны Анатолий Федорович вновь стал занимать более активную позицию. Он почувствовал рост запроса на расширение леволиберальных идей. В 1915 г. формируется объединенный Прогрессивный блок из ряда парламентариев нижней и верхней палат. Было сформировано бюро блока, объединившее разнородных политиков. Кони вошел в состав бюро и посещал его заседания.

¹⁶ Там же. С. 123, 169–174, 282.

¹⁷ РО ГИМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

Блок занял умеренную оппозиционную позицию по отношению к правительству. В то же время в 1916 г. он предпринял ряд «наступлений» на правительство. 19 октября новый состав правительства выпустил декларацию о своих намерениях. Ее текст был заслушан на заседании Госсовета 22 ноября¹⁸. Правые поддержали декларацию. Кони выступил от КВО и от всего прогрессивного блока и поддержал декларацию с оговорками¹⁹. Особенно он критиковал правительство за злоупотребление 87-й статьей ОГЗ. Также он перечислил множество мелких трудностей, которые осложнили жизнь обывателям столиц [Куликов 2004, с. 131].

Действуя в рамках программы Прогрессивного блока, Анатолий Федорович выступал по делам, по которым просили его соратники. Так, в 1916 г. шла дискуссия о введении прогрессивного подоходного налога²⁰. Введение нового налога оправдывалось необходимостью увеличить сбор средств для ведения войны. Блок поддерживал введение налога. Несмотря на «пышную речь» Кони (по выражению А.В. Кривошеина), налог собирались «торпедировать» правые члены Совета. Путем серии манипуляций Таганцев и Кони смогли «протащить» законопроект через Госсовет²¹. Сложилась парадоксальная ситуация. В условиях господства правых – меньшинство Госсовета, из прогрессивного блока, используя их растерянность, действовали напористо, продвигая демократические законопроекты, поступавшие из Госдумы до 1917 г. Кони принимал в этом активное участие [Куликов 2004, с. 195–196].

Заключение

Роль А.Ф. Кони в политической системе империи в настоящее время по-прежнему представляется не вполне ясной и определенной. Тем не менее можно сделать несколько предварительных выводов. В первую очередь его деятельность несравнима по активности с некоторыми думскими деятелями. Это было обусловлено возрастом, состоянием здоровья и, самое главное, этическими принципами Кони. Следуя своей нравственной концепции, сена-

---

¹⁸ Н. В Государственном совете // Приходский листок. 1916. 24 нояб. С. 2.

¹⁹ Речь А.Ф. Кони // Речь. 1916. 23 нояб. № 323. С. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Подоходный налог – обложение роскоши // Петроградская газета. 1916. 16 февр. С. 4.

тор себя очень ограничивал. Избегал вступать в партии, избегал интриг и старался представлять перед всеми в роли нравственного образца, умудренного морализирующего старца. Относительная слабость позиции Кони также определялась нешироким кругом его поддержки. Наиболее активными были сторонники легализма – движения, переживавшего в то время упадок и состоящее в основном из лиц одного возраста с Кони – 60–70 лет. Слабость также усиливалась из-за позиции сенатора, старавшегося остаться конституционным монархистом, в то время как усиливалось стремление к республике.

Тем не менее мы можем предположить, что влияние Кони отнюдь не было незначительным. Он опирался на широкие группы образованного населения городов, сохранял влиятельные связи в госаппарате и в доме Романовых. Являлся теневым лидером руководителей партий, многие из которых были его учениками и бывшими подчиненными. Его «одинокая» внепартийная фигура позволяла ему сохранять независимость, авторитет и личную позицию по большинству вопросов. Часто его выступление в Госсовете заканчивалось единогласным голосованием по тому или иному законопроекту.

«Больной» Кони неожиданно «выздоровливает» в 1916 г. Возможно, Анатолий Федорович увидел новые возможности в приближающемся крахе империи. Возможно, посчитал, что это его последний шанс возглавить крупное движение. Так или иначе, он оказывается не только теневым лидером прогрессивной партии (финансируемой крупным капиталом и возглавляемой умеренными либералами), но и становится одним из лидеров Прогрессивного блока, объединившего почти все либеральные группы в парламенте. В этой роли он уже выступает как сторона, равная в диалоге премьер-министру. Новое лидерство Кони реализуется уже в следующем, 1917 г., когда он переживает последний взлет, став фактическим главой Сената.

Литература

Демин 2006 – *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи: 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2006. 376 с.

Куликов 2004 – *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 467 с.

References

- Demin, V.A. (2006), *Verkhnyaya palata Rossiyskoi imperii: 1906–1917* [Upper Chamber of the Russian Empire. 1906–1917], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kulikov, S.V. (2004), *Byurokraticheskaya elita Rossiyskoi imperii nakanune padeniya starogo poriadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)], Ryazan, Russia.

Информация об авторе

Данил В. Рыбин, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 199178, Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, д. 19, лит. А; danilarbin@rambler.ru

Information about the author

Danil V. Rybin, Cand. of Sci. (History), associate professor, St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia; bld. 19A, 10th line, Vasilievskii ostrov, Saint Petersburg, Russia, 199178, danilarybin@rambler.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Н.В. Москвина

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 15.03.2023.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 9,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1686

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru